

Koinon

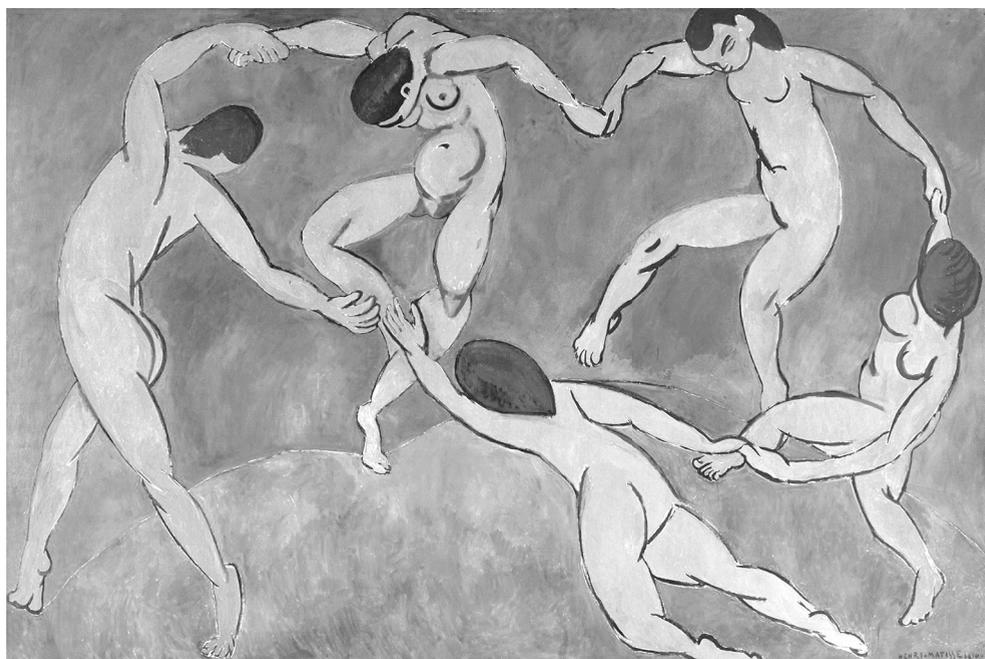
Vol. 2 | No. 4 | 2021

Henri Émile Benoît Matisse La Danse

Koinon

Vol. 2 | No. 4 | 2021

В оформлении обложки использовано изображение панно А. Матисса «Танец»

Матисс, Анри. 1910. Холст; масло. 391×260 см. Инв. № ГЭ-9673

© Succession H. Matisse

© Фото: Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. В. С. Тербенин

KOINON

Журнал основан в 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Established in 2020
Frequency of publication: quarterly

Учредитель — Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620002, Свердловская обл.,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Publisher: Ural Federal University
named after the first Russian President
B. N. Yeltsin (URFU)
19 Mira St., Yekaterinburg,
Sverdlovsk reg., Russia, 620002

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020

Certificate of Registration
PI No FS77-78124 of 13.03.2020

«Koinon» — рецензируемый научный журнал, обращенный к философским и социально-гуманитарным аспектам феномена человеческой совместности, и свою основную задачу издание видит в объединении усилий российских и иностранных философов, социологов и политологов в области анализа совместной жизни людей. В журнале публикуются соответствующие тематике издания материалы (научные статьи, переводы статей, аналитические обзоры, рецензии) на русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках. Приоритетными для журнала являются статьи, содержащие итоги научных исследований. Подробная информация об издании и требования к оформлению присылаемых рукописей размещены на сайте журнала: <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Koinon is a peer-reviewed scientific journal that addresses philosophical and socio-humanitarian aspects of the phenomenon of human jointness. Its key objective is to promote the synergy of efforts of Russian and foreign philosophers, sociologists and political analysts in the field of analyzing people's life together. The journal publishes materials (scientific articles, translations of articles, analytical surveys, and reviews) within the scope of the publication. The journal prioritizes papers containing the results of scientific research. The detailed information about the publication and requirements for the design of submitted manuscripts can be found on the journal's website <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Адрес редакции: Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 319
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2021

Editorial office address: 51 Lenin Ave.,
room 319, Yekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Ural Federal University, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор, научный редактор по социологии — **А. В. Меренков**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Заместитель главного редактора, научный редактор по философии — **Л. А. Закс**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, Гуманитарный университет)
- Научный редактор по политологии — **В. И. Михайленко**, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Ответственный редактор — **Н. В. Суслов**, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Секретарь редколлегии — **Т. М. Аболина**, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Члены редколлегии**
- Н. Л. Антонова**, д-р социол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Е. В. Грунт**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Я. В. Дидковская**, д-р социол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. А. Керимов**, д-р полит. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. Г. Кислов**, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. А. Комлева**, д-р полит. наук, проф. (Россия, Москва, Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем)
- Ю. Г. Коргунок**, д-р полит. наук, проф. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам)
- Т. А. Круглова**, д-р филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. С. Ладъжец**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет)
- Е. Н. Лисанюк**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)
- П. Нелье**, д-р политологии, проф. (Италия, Триест, Триестский университет)
- Э. А. Паин**, д-р полит. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)
- А. В. Перцев**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- В. Н. Руденко**, академик Российской академии наук, д-р юрид. наук, канд. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)
- М. Шувакович**, д-р философии, проф. (Сербия, Белград, Белградский университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- А. Г. Асмолов**, академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)
- Е. В. Борисов**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Новосибирск, Институт философии и права СО РАН)
- Д. В. Зайцев**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)
- Р. Кампа**, д-р социологии, проф. (Польша, Краков, Ягеллонский университет)
- М. Липовецкий**, д-р филологии, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)
- И. Б. Микиргумов**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)
- Е. Э. Носенко-Штейн**, д-р ист. наук, проф. (Россия, Москва, Институт востоковедения РАН)
- О. В. Попова**, д-р полит. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)
- А. М. Руткевич**, д-р филос. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)
- Г. Саймонс**, д-р политологии, проф. (Швеция, Уппсала, Уппсальский университет)
- С. Ушакин**, д-р философии, проф. (США, Принстон, Принстонский университет)
- С. А. Шаронова**, д-р социол. наук, доц. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)
- М. Ямпольский**, д-р искусствоведения, проф. (США, Нью-Йорк, Нью-Йоркский университет)

THE EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief, science editor in sociology — **A. V. Merenkov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Deputy Editor-in-chief, science editor in philosophy — **L. A. Zaks**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, University for Humanities, Yekaterinburg, Russia)
- Science editor in political science — **V. I. Mikhailenko**, D. Sci. (History), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Executive editor — **N. V. Suslov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Secretary of the editorial board — **T. M. Abolina**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- The editorial board members**
- N. L. Antonova**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Ya. V. Didkovskaya**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- E. V. Grunt**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. A. Kerimov**, D. Sci. (Political Sciences), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- T. Kh. Kerimov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. G. Kislov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. A. Komleva**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Geopolitical Analysis Centre of the Academy of Geopolitical Sciences, Yekaterinburg, Russia)
- Yu. G. Korgunyuk**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Institute of Social Sciences Information, Moscow, Russia)
- T. A. Kruglova**, D. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. S. Ladyzhets**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
- E. V. Lisanyuk**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- P. Neglie**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Trieste, Italy)
- E. A. Pain**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- A. V. Pertsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- V. N. Rudenko**, Academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy) (Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia)
- M. Šuvaković**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Belgrade, Serbia)

THE EDITORIAL COUNCIL

- A. G. Asmolov**, Academician of the Russian Academy of Education, D. Sci. (Psychology), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)
- E. V. Borisov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the RAS, Novosibirsk, Russia)
- R. Kampa**, D. Sci. (Sociology), Professor (The Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- M. Lipovetsky**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Columbia, New York, the USA)
- I. B. Mikirtumov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- E. E. Nosenko-Stein**, D. Sci. (History), Professor (Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia)
- O. V. Popova**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- A. M. Rutkevich**, D. Sci. (Philosophy), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- S. A. Sharonova**, D. Sci. (Sociology), Associate Professor (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia)
- G. Simons**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Uppsala, Sweden)
- S. Ushakin**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Princeton University, the USA)
- M. Yampolsky**, D. Sci. (History of Art), Professor (the University of New York, the USA)
- D. V. Zaitsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Ответы на вопросы редакции «Койнона» о совместности

<i>Деблазио А., Мозер А.</i>	7
------------------------------------	---

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Хренов Н. А.</i> Эстетика как гуманитарная наука в ситуации становления культурологической рефлексии	13
<i>Ямпольский М. Б.</i> Установление реальности.....	26

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

Социокультурные практики жизнеобеспечения

<i>Антонова Н. Л., Латышев Д. М.</i> Практики питания: понятие, виды, функции	51
<i>От редакции.</i> К публикации статьи А. Рабиновича	62
<i>Рабинович А.</i> Старение и долголетие человека: достижения и проблемы	63
<i>Носенко-Штейн Е. Э.</i> О том, на чем держится мир: немного о еврейской благотворительности и еврейской идентичности.....	80
<i>Левченко И. Е.</i> Прощальная встреча (социология похорон).....	101

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Социально-политические процессы и дискуссии 1990-х

<i>Михайленко В. И.</i> Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России.....	116
<i>Камынин В. Д.</i> Политический кризис начала 1990-х годов на Урале: теоретический дискурс уральских политологов	140

Гендерные лики истории

<i>Валькова О. А.</i> Война в биографии женщины-ученого; женщина-ученый в биографии войны	152
<i>Дронишинец Н. П., Дронишинец Ю. А.</i> Гендерный фактор в атомной промышленности.....	164

В ФОКУСАХ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

<i>Калиева Ж. А.</i> Мотиваторы участия казахстанской молодежи в общественных объединениях	183
<i>Брызгалова О. Н.</i> Проектное обучение в системе профессиональной подготовки студентов: цели и проблемы реализации	195

TABLE OF CONTENTS

Answers to the Koinon Editorial Board Questions about Being-in-Common

DeBlasio A., Moser A. 7

CHALLENGES OF THE PRESENT IN THE OPTICS OF PHILOSOPHY, SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

Khrenov N. A. Aesthetics as a Human Science in the Situation of Culturological Reflection
Becoming..... 13

Yampolsky M. V. The Establishment of Reality..... 26

SOCIOCULTURAL PRACTICES, INSTITUTIONS, DISCOURSES AND MENTALITIES: DYNAMICS AND EVOLUTION

Sociocultural life support practices

Antonova N. L., Latyshev D. M. Feeding practices: the concept, types, and functions 51

From the editorial board. To the publication of the article by A. Rabinovich 62

Rabinovich A. Ageing and Longevity: Achievements and Problems 63

Nosenko-Stein E. E. The World Wags on It: About Jewish Philanthropy and Jewish Identity..... 80

Levchenko I. E. Farewell Meeting (Sociology of Funerals) 101

IDEAS OF TIME AND FORMS OF TIME

Sociopolitical processes and discussions of the 1990s

Mikhaylenko V. I. Intellectual Reflections of the Early 1990s on the Topics of Post-Soviet Transition of Russia..... 116

Kamylin V. D. The Political Crisis of the Early 1990s in the Urals: Theoretical Discourse of Ural Political Scientists 140

Gender countenances of history

Valkova O. A. War in the Biography of a Woman Scientist; A Woman Scientist in the Biography of War 152

Dronishinets N. P., Dronishinets Yu. A. Gender Factor in the Nuclear Industry..... 164

IN THE FOCUS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY

Kalieveva Zh. A. Motivators of Participation of Kazakhstani Youth in Public Associations 183

Bryzgalova O. N. Project-Based Training in the System of Professional Training of Students: Goals and Problems of Implementation 195

Ответы на вопросы журнала о совместности

1. How do You assess the state (level and quality) of the jointness of the present-day mankind on a whole, and, in particular, the sphere of its life and culture You focus on? What problems today, in the XXI-st century, complicate the integration of people, groups, countries, regions, and cultures, and impede their cohesion, unity, solidarity?

2. What role in Your science and Your particular research field do reality and the idea of jointness of people and societies, their practices and consciousness play (or should play)? To what extent sustainably and consciously has the idea of jointness (in its various turns and modi) been integrated into the worldview and methodology of Your science and the specific scientific topic?

1. Как Вы оцениваете состояние (уровень развития и качество) совместности современного человечества в целом, и в частности той сферы его жизни и культуры, которую исследуете Вы? Какие проблемы сегодня, в XXI в., наиболее всего осложняют интеграцию людей и групп, стран, регионов и культур, мешают их объединению, единству, солидарности и сплоченности?

2. Какую роль в Вашей науке и конкретной исследовательской сфере играют и должны играть реальность и идея совместности людей и обществ, их практик и сознаний? Насколько осознанно и последовательно идея совместности (в ее различных поворотах и модусах) интегрирована в мировидение и методологию Вашей науки и конкретной научной темы?

A. DeBlasio

Dickinson College
Carlisle, Pennsylvania, USA

Dear editors,

It was a little hard for me to answer because the questions were so vague, but I tried my best:

1. As a scholar working in the areas of philosophy and literature and philosophy and film, I see the same set of problems and questions arise across different historical periods, artistic genres, and cultures. These are the fundamental questions of philosophy, raised by Socrates in Plato's Republic: What is justice? What is virtue? What is good government? What do we owe to others? And what do we owe to ourselves? The answers to these questions often differ greatly, depending on the historical or political context in which they arise. But the questions usually remain the same.

2. Considering this question from a philosophical point of view, I can't help but wonder: What do the founders of the journal mean here by the term "совместность"? In other words, to quote the question itself, what does it mean to consider "the integration of peoples and societies, their practices and consciousness"? Does this refer to globalization, technological connection, cultural or political unification, artistic activity, or some spiritual or otherwise metaphysical sense of togetherness? As somebody interested in words, their meanings, and their uses, I am interested in the implications of this question and the various meanings of совместность that might be possible in this context.

Congratulations to the editorial board on the establishment of their new journal!

А. Деблазио

Колледж Дикинсона
Карлайл, штат Пенсильвания, США

Уважаемые редакторы,

мне было достаточно трудно отвечать на вопросы в силу их расплывчивости. Но я старалась изо всех сил.

1. Как ученый, работающий в области философии и литературы, философии и кино, я вижу, что нередко один и тот же набор вопросов и проблем ставится в различные исторические периоды, в разных художественных жанрах и культурах. Это, например, фундаментальные вопросы философии, которые

затронул Сократ в «Государстве» Платона: что такое справедливость? что такое добродетель? что такое хорошее правительство? что мы должны другим и что мы должны сами себе? Часто ответы на эти вопросы сильно различаются в зависимости от исторического или политического контекста, в котором они поднимаются. Но сами вопросы обычно остаются неизменными.

2. Рассматривая этот вопрос с философской точки зрения, я не могу не задаться следующим вопросом: что основатели журнала подразумевают под термином «совместность»? Другими словами (цитируя непосредственно вопрос, что значит рассмотрение «совместности людей и обществ, их практик и сознаний»): имеет ли это отношение к глобализации, технической связи, культурной и политической унификации, художественной деятельности, к некоему духовному или иному метафизическому чувству единения? Поскольку я тот человек, которого всегда интересовали слова, их значение и употребление, мне любопытны последствия (результаты) этого вопроса и возможные в этом контексте различные значения термина «совместность».

Поздравляю редколлегию с учреждением нового издания!

Перевод с английского Н. Н. Шабаловой

*Рукопись поступила в редакцию / Received: 7.12.2021
Принята к публикации / Accepted: 20.12.2021*

Информация об авторе

Дебласио Алисса
доктор философии, профессор
Колледж Дикинсона
17013-2896, США, штат Пенсильвания,
Карлайл, п/я 1773, Северная колледж-стрит,
28
E-mail: deblasia@dickinson.edu
Авторский ORCID: 0000-0003-0652-1301

Information about the author

DeBlasio, Alyssa
Ph.D., Professor
Dickinson College
28 North College Street, PO Box 1773,
Carlisle, PA 17013-2896 USA
E-mail: deblasia@dickinson.edu
Author's ORCID: 0000-0003-0652-1301

A. MoserCatholic Private University Linz
Linz, Austria

Dear Colleagues,
My answers to your questions concerning “koinon”.

1. Koinon of the everyday. The pandemic shows us clearly that the koinon of today is of the utmost importance. As Plato already knew the idios, the individual for herself is an idiot, since all hang together. The corona virus shows that clearly. We all hang together physically, biologically, materially. The new facet of the koinon today, I think, is that we realize that the koinon must also concern other species, even plants and minerals, stones. (Think of Jane Bennett, *Vibrant Matter*.) As Bennett says so aptly, only the minding of life within matter, will make us apprehensive enough to not exclude other human beings the way we have been in our societies.

2. I am a philosopher who works on the act of thinking and tries to redescribe it not as a pure act of the intellect, but one involved with the material circumstances of the people thinking, as well as the performativity of each event of thinking, since only in the act the “meaning” of the thought is being brought about in the first place. In this sense “togetherness” plays a role because we do not quite understand how things are given to us in perception. It seems that we are able to “take them in” because we are not so different from them, meaning that what we take in by the senses makes an impression on us exactly because we are not different from it. It is not the intellect but the senses that take in weak patterns that are recognized because of the communality between us and that which we take in, we are all part of one cosmos. Here the notion of constellation and configuration plays a big role. I have already shown in Wittgenstein, how he gives great importance to the sense of the proposition in reading it as a constellation of objects that hang one in another like the chains of a link, as well as in Kant, where I try to show that on the side of the sense experience, we have a second kind of imagination working, the one that brings into an image what comes in through the senses, not ordered in concepts, an imagination that not just brings into a picture but actually forms the picture — emagines it, my English translation of “Ausbildungskraft.” It is because we are like that which we take in through the senses we can form (a picture of) it.

A. МозерКатолический частный университет Линца
Линц, Австрия

Дорогие коллеги,
ВОТ МОИ ОТВЕТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО «СОВМЕСТНОСТИ»

1. *Koinon* повседневности. Пандемия нам ясно показала, что *koinon* (совместность) для сегодняшнего дня чрезвычайно важна. Еще Платон знал о частном (*idios*) существовании человека, где для самой себя личность выступает идиотом¹, поскольку в реальности мы все едины. Коронавирус очень ясно это продемонстрировал. Мы все держимся вместе физически, биологически, материально. Новая грань совместности сегодня — это наше осознание того, что *koinon* должен касаться и других видов — даже растений и минералов. (Вспомните Джейн Беннет, «Пульсирующая материя»). Как метко отмечает Беннет, наше осознание жизни внутри материи сделает нас достаточно чуткими, чтобы не исключать других людей, что мы делаем в наших обществах.

2. Я философ, работаю над актом мышления и пытаюсь переосмыслить его, видя в нем не чистый акт интеллекта, а тот, который связан с материальными обстоятельствами мышления людей и с перформативностью каждого события мышления, поскольку только в нем возникает мысль в первую очередь. В этом смысле и играет свою роль совместность, потому что мы не совсем понимаем, как вещи даются нам в восприятии. Мы, по всей видимости, можем «принимать их» в силу того, что мы не так уж и отличаемся от них: то есть то, что мы воспринимаем нашими чувствами, производит на нас впечатление исключительно потому, что мы не сильно от этого воспринимаемого отличаемся. Вовсе не интеллект, а чувства «впускают» слабые паттерны, распознаваемые благодаря общности между нами и тем, что мы воспринимаем: мы все часть одного космоса. Здесь понятия констелляции и конфигурации играют большую роль. Я уже отмечала в работах Витгенштейна то, каким важным он считает смысл суждения, интерпретируя его как констелляцию объектов, сцепленных друг с другом подобно звеньям одной цепи. В работах Канта я пыталась показать, что на стороне чувственного опыта у нас есть второе работающее воображение, то, которое вводит образ проходящего через органы чувств, не упорядоченного в концепциях; такое воображение, которое не просто передает картину, а формирует ее — *emagines* (мой англ. перевод термина «*Ausbildungskraft*»). Именно потому, что мы подобны воспринимаемому через органы чувств, мы можем сформировать его (представление о нем).

Перевод с английского Н. Н. Шабаловой

Рукопись поступила в редакцию / Received: 3.12.2021

Принята к публикации / Accepted: 20.12.2021

¹ Идиот — в Древней Греции гражданин полиса, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан полиса и иных формах государственного и общественного демократического управления. — *Прим. пер.*

Информация об авторе

Мозер Алоизия
доктор философии, профессор
Католический частный университет Линца
4020, Австрия, Линц, Вифлеемштрассе, 20
E-mail: a.moser@ku-linz.at
Авторский ORCID: 0000-0002-6222-2931

Information about the author

Moser, Aloisia
Ph.D., Professor
Catholic Private University Linz
20 Bethlehemstrasse, Linz, 4020 Austria
E-mail: a.moser@ku-linz.at
Author's ORCID: 0000-0002-6222-2931

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.037

УДК 7.01 + 130.2:7 + 141.2 + 141.3

ЭСТЕТИКА КАК ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В СИТУАЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Н. А. Хренов

Государственный институт искусствознания
Москва, Россия

Аннотация: В статье ставится задача соотнести эстетику с наукой о культуре, которая на рубеже XX–XXI веков все больше привлекает к себе внимание. Такая соотнесенность способна породить целое научное направление, которое можно было бы назвать культурологической эстетикой. В этом случае необходимы аргументы. Дело в том, что наука о культуре сегодня привлекает другие гуманитарные науки своей универсальностью и способностью интегрировать знания, существующие в других науках. Казалось бы, этой тенденции в интеграции не соответствуют процессы современной науки, в которой на поздних этапах истории акцент ставился не на интеграции, а на дифференциации. Эстетика здесь не исключение. Как философия, так и эстетика XX века раздробилась на несколько направлений. Тем не менее, как доказывается в статье, в истории эстетики и, еще точнее, на ее ранних этапах существовала эстетическая система, определяющая все разновидности эстетического. Это исключаящая обособление эстетического в отдельную сферу онтологическая эстетика. Возникнув в Античности, онтологическая эстетика стала эстетикой бытия. Эстетическое не обладало самостоятельностью, как это будет в эстетике Нового времени, и было признаком самого бытия. Именно эта эстетическая система обладала исключительным

универсализмом. В истории культуры такое проявление эстетического постоянно возвращалось, но все же не становилось определяющим. Однако чем ближе к XX веку, тем потребность в интеграции обособившихся направлений дает все более о себе знать. Обладая преимуществом в процессах интеграции, онтологическая эстетика становится созвучной науке о культуре, а точнее, тому интегративному потенциалу, что в этой науке содержится. Именно это обстоятельство и должно учитываться энтузиастами, разрабатывающими проблематику культурологической эстетики.

Ключевые слова: эстетика, наука о культуре, гуманитарные науки, культурологическая эстетика, кризис эстетики, марксистская эстетика, неомарксизм, опредмечивание, отчуждение, неоплатонизм, онтологическая эстетика, И. Кант, В. Дильтей, В. Бычков, Г. Лукач, У. Эко, А. Лосев.

Для цитирования: *Хренов Н. А. Эстетика как гуманитарная наука в ситуации становления культурологической рефлексии // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 13–25. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.037*

AESTHETICS AS A HUMAN SCIENCE IN THE SITUATION OF CULTUROLOGICAL REFLECTION BECOMING

N. A. Khrenov

State Institute for Arts Studies
Moscow, Russia

Abstract: The article aims to correlate aesthetics with the science of culture, which is increasingly attracting attention at the turn of the XX–XXI centuries. This correlation can give rise to a whole scientific direction, which could be called cultural aesthetics. In this case, arguments are needed. The fact is that the science of culture today attracts other humanities with its universality and ability to integrate knowledge existing in other sciences. It would seem that this trend in integration does not correspond to the processes of modern science, in which, at the later stages of history, the emphasis was placed not on integration but differentiation. Aesthetics is no exception here. Both philosophy and aesthetics of the twentieth century fragmented into several directions. Nevertheless, as the article proves, in the history of aesthetics and, more precisely, at its early stages, there was an aesthetic system that defined all kinds of aesthetics. This is an ontological aesthetic that excludes the separation of the aesthetic into a separate sphere. Having arisen in antiquity, ontological aesthetics became the aesthetics of being. The aesthetic did not have independence, as it would be in the aesthetics of the New Time, and was a sign of being itself. It was this aesthetic system that had an exceptional universalism. In the history of culture, such a manifestation of the aesthetic constantly returned but still did not become decisive. However, the closer to the twentieth century,

the more evident the need for the integration of isolated trends becomes. Having an advantage in integration processes, ontological aesthetics becomes consonant with the science of culture, or rather, with the integrative potential that this science contains. It is this circumstance that should be taken into account by enthusiasts who develop the problems of cultural aesthetics.

Keywords: Aesthetics, the science of culture, humanities, cultural aesthetics, the crisis of aesthetics, Marxist aesthetics, neo-Marxism, objectification, alienation, Neoplatonism, ontological aesthetics, I. Kant, V. Dilthey, V. Bychkov, G. Lukach, U. Eco, A. Losev.

For citation: Khrenov, N. A. (2021), "Aesthetics as a Human Science in the Situation of Culturological Reflection Becoming", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 13–25 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.037

Несмотря на то что культурологическая рефлексия сегодня активно воздействует на все гуманитарные науки, высказываться по этой проблематике весьма ответственно. Ответственно потому, что здесь многое еще неясно. Да, уже несколько десятилетий, с начала вспыхнувшего в России интереса к вопросам культуры, возникает вопрос о соотношении науки о культуре и эстетики. Так, в списке проблем для обсуждения на Эстетическом форуме, проведенном в 2021 году, фигурировало словосочетание «культурализация современной эстетики». Создается ощущение, что вроде бы ничего подобного в прошлом в истории эстетики не было. Но очевидно, что все эстетические системы зависимы от тех процессов, что происходят в культуре. Вообще, Й. Хейзинга утверждает, что наше представление о культуре в первую очередь связано не с наукой или технологией, а именно с эстетикой. Попробуем показать, что включение эстетического как признака культуры в истории было всегда, но только этот синтез не был отрефлексирован. Не было науки о культуре. Рефлексия началась под воздействием становления культурологического знания. Правда, этот процесс наталкивается на плюрализм эстетических систем. Обратим внимание на то, что в истории эстетики очень рано возникла одна из таких систем, и именно она сегодня ближе всего находится к проблематике культуры. Проблема состоит лишь в том, что, оказываясь реальной на протяжении всей истории, она, тем не менее, влачила латентное существование. Но ее все же можно фиксировать и в разные эпохи, и в разных культурах. В ней художественное и нехудожественное, эстетическое и утилитарное вступают в специфические отношения. Будем под этим подразумевать то, о чем говорили некоторые докладчики на Втором Эстетическом конгрессе, употребляя словосочетания «тотальная эстетизация реальности» и «расширение границ эстетического опыта». Может быть, европейская эстетика последних столетий эту традицию полностью возродить оказалась неспособной. Как это ни покажется странным, ее можно

обнаружить даже в той эстетике, которую в нашей стране еще не так давно называли марксистской.

Каждая наука в своем становлении проходит разные этапы. Один из таких этапов — кризис науки. О том, что это такое, хорошо сказано у Т. Куна [Кун 1975]. Не миновала этого этапа и эстетика. Чтобы понять, в каком состоянии сегодня находится эстетика, необходимо, во-первых, использовать исторический подход (воспроизведение предшествующих ситуаций позволит понять сегодняшний день); во-вторых, рассмотреть эту дисциплину в контексте других гуманитарных наук; в-третьих, понять, в каких отношениях находится эстетика с опытом современного искусства, и, наконец, в-четвертых, иметь в виду носителей эстетического, а применительно к XX веку — носителей массового сознания как проблемы этого столетия.

И вот констатация ситуации одного из самых успешных эстетиков нашего времени — В. Бычкова. Он фиксирует парадокс, утверждая, что эстетика не отреагировала на современные художественные процессы, проигнорировала их. В своей публикации в «Вопросах философии» он утверждал, что эстетика спустилась на уровень школьной дисциплины, пережевывая опыт классической эстетики и классического искусства от Античности до конца XX века [Бычков 2003, с. 80]. Правда, это суждение сделано в ситуации необычайного, но запоздавшего в России увлечения постмодернизмом, продолжающегося до сих пор. Но такая ситуация в эстетике, конечно, — не новость. Нечто подобное еще в XIX веке фиксировал В. Дильтей. Он писал: «Созданная Аристотелем поэтика мертва» [Дильтей 2001, с. 267]. Он пишет: наша эстетика хотя и продолжает существовать на университетских кафедрах, но не в сознании художников. Как мы видим, это констатация того же, что сегодня констатирует В. Бычков.

А как В. Дильтей характеризует искусство? Он пишет: в ситуации преодоления европоцентризма в европейское искусство вторгаются элементы разных культур, а следовательно, и разных эстетик. В том числе эстетические представления Востока, что вообще-то началось еще с А. Шопенгауэра. Но эта закономерность характерна и для сегодняшнего дня. Сегодня эстетика соотносима не только с природой (Кант) и не только с Духом (Гегель), но и с культурой. Какой же выход из этой ситуации предлагает В. Дильтей? Он констатирует начавшийся переходный период, который должен закончиться возникновением и новой культуры, и новой эстетической системы. Осмысляя прошлое, мы ожидаем чего-то нового. Следует признать, что этот прогноз В. Дильтея верен. За более чем столетие ситуация не изменилась. Но только философ не углубляется в тип и смысл переходности, начавшейся еще в XIX веке. Его мысль следует продолжить.

Спустя более столетия В. Бычков буквально повторит В. Дильтея. Он сформулирует, что XX век был последним веком посткультурного перехода к чему-то принципиально иному. Кажется, что В. Дильтей констатирует начало

переходности, и В. Бычков вроде бы должен фиксировать ее финал. Но этого утверждать нельзя. В. Бычков лишь констатирует расширение и углубление этого процесса. Он затягивается. Затягивается, поскольку это необычный переход, и в истории он случается редко. Этот переход совершается уже на уровне культуры, и развертывается он в больших длительностях. А когда он происходит, начинается, во-первых, регресс в архаику на ранние стадии культуры, а во-вторых, активная ассимиляция других культур. Это неизбежные последствия переходности, растягивающиеся на многие десятилетия. Без этого синтез того, что кажется существующей культуре и эстетике чужеродным, вроде бы невозможен. Продемонстрируем это на примере эстетики XX века, которая единой явно не была. И это тоже является признаком переходности. Судьба эстетики XX века оказалась в зависимости от развертывающегося в культуре переходного периода. Это обстоятельство обязывает рассматривать эстетические процессы в культурологической перспективе. Становление эстетических ценностей в XX веке развертывается в соответствии с процессами возникающей новой культуры. В XX веке появились новые эстетические системы как следствие раздробления философии на разные направления. Как это было на финальной стадии Античности.

В качестве иллюстрации развертывающегося процесса обратим внимание на проект марксистской эстетики. То, что во время Эстетического конгресса А. Радеев в своем выступлении назвал «большим нарративом». Правда, эта эстетика уже умерла. Сегодня о ней не вспоминают. А была ли она вообще? Вообще-то, в первой половине прошлого столетия в ее существовании никто не сомневался. Она называлась марксистско-ленинской эстетикой и преподавалась в высших учебных заведениях. В эпоху «оттепели» ее представляло целое научное сообщество отечественных философов, специализировавшихся по этой проблематике. И вообще, с начала 60-х эта эстетика переживала что-то вроде ренессанса, демонстрируя то, что тогда обозначалось как «социализм с человеческим лицом». Едва ли это лицо можно было разглядеть без эстетики. Без этого ренессанса эстетики атмосфера оттепели была бы неполной.

Эти авторитетные ученые не сомневались в том, что марксистская эстетика существует. А вот Георг Лукач (четыре тома его марксистской эстетики у нас изданы), которого Н. Бердяев назвал «самым умным из коммунистических писателей», утверждал, что марксистской эстетики еще не существует. Ее еще только предстоит создать [Лукач 1985, с. 10]. Это он писал не в 30-х годах, когда он жил и работал в Советском Союзе, а в 60-х, когда была написана его книга. Но надежды на ее создание не оправдались. И дело тут не в эстетике, а в социальном контексте. Потерпел крах марксизм как теория социализма, а вместе с ним и целое мировоззрение, а именно модерн. Ведь, как пишет Ф. Джеймисон, марксизм — это ответвление и продолжение модерна как философской традиции [Джеймисон 2019, с. 668]. Один их вариантов модерна.

В ходе конгресса И. Смирнов говорил о понижении сегодня статуса искусства. Конечно, речь не идет о «смерти искусства», что прогнозировал еще Гегель. Но ведь подхватывает же это словосочетание Гегеля М. Хайдеггер и применяет его к осмыслению современной ситуации.

Но если крах марксизма имел место, то о марксистской эстетике этого сказать нельзя. Наоборот. Это парадокс. Чем очевидней становился кризис марксизма, тем заметней оказывался интерес к Марксу именно с точки зрения эстетики, что получило потом развитие в неомарксизме. Этот интерес связан с открытием одной из ранних работ Маркса, которая, как представляется, становится основой эстетического ренессанса в России. Это «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Новый интерес к Марксу связан с открытием его как философа. Этот самый парадоксальный интерес к Марксу в ситуации угасания в Советском Союзе марксизма как теоретической основы социалистического утопизма связан не столько со ставшим уже ортодоксальным марксизмом, сколько с неомарксизмом, получившим развитие в западной философии. Ведь марксизм умирал в большей степени как политическая и экономическая доктрина, но не умирал как философия. Марксизм как философия получил продолжение в деятельности так называемой Франкфуртской школы за рубежом. Об этом говорится в книге А. Дмитриева «Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. 1920–1930-е годы» [Дмитриев 2004].

Ключевым концептом этой философии стал концепт отчуждения, что, с одной стороны, возвращало идеи Маркса к Гегелю (поскольку этот концепт впервые сформулирован Гегелем), а с другой, делало ранний марксизм созвучным экзистенциализму. Гегель, правда, называл этот концепт «опредмечиванием». Так, ранний Маркс давал возможность в Советской России анализировать то искусство, которое оказывалось под воздействием экзистенциализма. В этом смысле весьма показательна возвращающая к Марксу работа Умберто Эко «О способе формообразования как отражении действительности» [Эко 2018]. Это обстоятельство позволило опубликовать в России работу Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» [Сартр 1953]. Она подтверждала суждение близкого к экзистенциализму Н. Бердяева о том, что в марксизме имеются элементы «настоящей экзистенциальной философии, обнаруживающей иллюзию и обман объективации, преодолевающей человеческой активностью мир объективированных вещей» [Бердяев 1990, с. 82].

То, что до сих пор сказано, в общем, известно. Но хочется посмотреть на марксистскую эстетику с точки зрения сегодняшнего дня. В свете той ситуации в гуманитарных науках, что связана с бурным развитием в нашей стране культурологии. Что это было? Что представляла собой марксистская эстетика? И была ли эта эстетика марксистской? Может быть, это только лингвистический вопрос? Под этим обозначением была какая-то другая эстетика? Существовавшая в латентном состоянии. Вопреки той идеологии, в которую

она была упакована. Но чтобы на этот вопрос ответить, необходимо взглянуть на эстетический дискурс с культурологической точки зрения. Необходимо рассмотреть эстетический дискурс как интертекст, т. е. увидеть в нем предшествующие традиции. Вот и в марксизме если что-то и воспринималось живым, не утратившим связь с жизнью, как и с искусством, то это было совсем не марксистским, а философским, т. е. уже в истории философии известным.

Ведь даже классическая эстетика XVIII века возникала и утверждала себя на основе ретроспекций в эстетику Античности. Она тоже представляет собой интертекст. Так, гедонизм, о котором у Канта идет речь, возвращает к концепции Эпикура. Да и Дидро одним из первых проявляет интерес к Эпикуру, публикуя в своей «Энциклопедии» статью о нем. Эпикур — это вообще символ всех возможных в мировой истории оттепелей. Об этом у меня опубликована статья в новом журнале Российского эстетического общества «*Terra aetheticae*» [Хренов 2020]. Представляется, что и проект марксистской эстетики не свободен от ретроспекций. Но были ли они до конца осознаны? Так, невозможно не уловить в том, что называли марксистской эстетикой, онтологической традиции в философии.

В соответствии с этой идеей искусство перестает быть замкнутым феноменом, узкой и специальной сферой. Оно нарушает все ограничения, все существующие нормы и, вливаясь в бытие, в нем растворяется. Вот она — «тотальная эстетизация реальности», которая так волнует современных эстетиков. Эстетическое становится признаком самого бытия. По сути, это эстетика преодоления отчуждения мыслится новой свободной эстетикой. Если использовать терминологию Шпенглера, это система, рожденная теми людьми, которым дороже сама жизнь, а не контроль над ней. Поскольку ситуация была такова, что контроль над жизнью в реальности возобладал, новая эстетика не имела будущего. Между тем предвосхищение этой тенденции можно обнаружить и в философии, и в эстетической рефлексии, и в художественном опыте разных направлений. Такое видение заявлено, например, Н. Бердяевым в его сочинении «Смысл творчества» [Бердяев 1989, с. 334], которое можно назвать философским манифестом авангарда. По мнению философа, творческие усилия человека, как и создававшиеся до сих пор ценности культуры, лишь предваряли настоящую эпоху творчества, но уже не культуры, а самого бытия. Он считает, что религиозная эпоха творчества будет переходом к новому бытию, а не к иной только «культуре», не к иным «наукам и искусствам». Противоречие между искусством и жизнью в новом мире получит разрешение, ибо в нем творятся уже не художественные ценности, а само бытие.

Удивительно здесь то, что Н. Бердяев, представляющий религиозную философию и теургическую эстетику, зачинателем которой является В. Соловьев, созвучен тому, что будут утверждать и создавать представители художественного авангарда. Но еще более удивительным здесь оказывается то, что

в этих разнородных явлениях улавливается идея, возвращающая к ранним эпохам самосознания эстетики, и в частности к неоплатонической эстетике как эстетике позднего эллинизма. Но что это означает? А то, что речь идет уже о другом, не западном типе культуры и не о просветительской эстетике, последовательницей которой считается марксистская эстетика. С эпохой разрушения европоцентризма становится уязвимой и просветительская эстетика. Отныне эстетика перестает соотноситься исключительно с западной культурой. Начинается то, что констатировал В. Дильтей: вторжение в искусство и в эстетику Востока. И все это началось еще до постмодернизма.

Мы начинаем ощущать онтологическую идею, когда она предстала в форме, характерной для Античности и, еще точнее, в форме неоплатонизма. Созвучность теургической эстетики, в варианте В. Соловьева, неоплатонизму подтверждает и В. Бычков. Так, излагая учение В. Соловьева, смыслом которого является преодоление отчуждения искусства, в том числе и от религии, и отношение к человеку как сотворцу Бога, В. Бычков пишет: «Фактически это своеобразная теургическая интерпретация классического эстетического принципа идеала как цели художественного творчества или шире — развитие неоплатонической эстетики на новом витке знаний» [Бычков 2007, с. 83]. По поводу Плотина А. Лосев пишет: «Никакое искусство не сравнимо с бессознательным, хотя и абсолютно совершенным искусством самого бытия» [Лосев 2000, с. 879]. Можно ли более лаконично и точно сформулировать смысл онтологической традиции, чем это сделано в данном суждении А. Лосева?

Но ведь когда советские эстетики толковали раннего Маркса, речь у них тоже шла именно об этом — об искусстве самого бытия, о бытии, в котором эстетическое было одним из значимых его проявлений. Именно к такому, т. е. онтологическому, пониманию эстетического и возвращали эстетики, называя себя марксистами, хотя, как мы убеждаемся, подобные суждения марксизмом-то и не были. Однако это слияние искусства с бытием, а художественного с эстетическим — пока только идея, которую следует превратить в систему, в особую науку. Идея, возникшая еще до капитализма и позитивизма, но в его границах осознанная, на этот раз должна была быть реализованной в самой жизни. Вторгаясь в жизнь, эстетическое начало ее очеловечивает. Но это очеловечивает также и труд, превращающийся в наслаждение, каким он когда-то был. Об этом в 60-х годах прошлого века в книге «Труд и свобода» писал философ Ю. Давыдов [Давыдов 2008, с. 93]. Он тогда руководил сектором эстетики в Институте искусствознания. Однако реальность свидетельствует, что на пути к этому идеальному состоянию оказывается отчуждение в его новых, уже не капиталистических формах, когда жизнь и труд не очеловечиваются, а расчеловечиваются. Не эти ли идеи мы находим также у М. Хайдеггера?

Это движение к онтологизму, время от времени в истории возвращающееся, не проходит мимо Советской России. В какой-то степени такое отношение

к эстетическому оказалось созвучным революционным экспериментам. Эта новая и провозглашенная в 20-х годах XX в., а затем повторенная уже в период оттепели эстетика полностью не реализовалась, ибо не совмещалась с установками тоталитарного государства. Тем не менее в первые десятилетия прошлого столетия уже возникло нечто, что можно назвать традицией, и эта традиция будет иметь продолжение. Без начального этапа этой традиции, момента ее зарождения не представляется возможным проследить и понять ситуацию в оттепельной России, обозначенную нами как эстетический ренессанс. Да, рождение новой эстетики было созвучно революционным настроениям начала XX века, да и по самой своей природе эта эстетика была революционной. Ведь она явилась реакцией на кризис, о котором писал В. Дильтей.

Казалось бы, прогноз В. Дильтея сбывался. Может быть, марксистская эстетика и воспринималась в позитивном смысле лишь потому, что содержала в себе, пусть и в неосознаваемом виде, этот древнейший и модернизированный еще неоплатониками онтологизм. Как идея марксистская эстетика в ее онтологической ауре прекрасна. Если она и не получила реализации, то виной тому — не сама идея, а социальный контекст, не позволивший ей реализоваться. Более того, он способствовал ее свертыванию и угасанию. Но это не значит, что в будущем она также не будет реализована. В связи с этим актуален вопрос об особом типе историзма. В истории время от времени вспыхивает онтологическая эстетика, но и угасает, что позволяет говорить о циклической логике в истории эстетики. Эстетическое то рассматривается в узких границах, то расширяется до всей действительности. Вот она — эта «тотальная эстетизация реальности»! Представляется, что сегодня попытки возрождения онтологической традиции созвучны интересу к культуре. Культура — это ведь не какая-то узкая сфера жизни, а все то, что человек создает. Поэтому активность онтологизма может приблизить к тому, что можно назвать «культурологической эстетикой».

И последнее. В связи со активизацией онтологизма в эстетике нельзя переоценить то, что в эстетике сделано А. Лосевым. Ведь независимо от того, ставил ли А. Лосев своей целью объяснить происходящее в эстетике XX века с помощью античной эстетики, в смысл которой он так глубоко проникает, именно к этому выводу невольно приходишь. Удивительно, но увеличение с середины 50-х годов прошлого века публикаций на тему эстетики и увеличение числа авторов, специализирующихся по этой проблематике, которые часто просто повторяют друг друга, подлинное объяснение разворачивающихся эстетических процессов в стране все-таки можно получить, лишь сравнивая выводы А. Лосева, сделанные в результате его наблюдений над эстетическим опытом угаснувших эпох, с тем, что происходило в XX веке в России. Много томное сочинение А. Лосева, посвященное античной эстетике, можно считать концентрированным выражением обновляющегося в XX веке понимания

эстетического, а значит, и предмета эстетики как науки. В связи с реабилитацией онтологической традиции в эстетике XX века может возникнуть что-то вроде противоречия. Ведь марксистская эстетика желала бы видеть себя продолжением эстетики Просвещения. Но возрождение онтологической традиции в эстетике этому, кажется, противоречит. Так, представляющий эстетику Просвещения Кант противопоставляет эстетическое утилитарному, связывая его с незаинтересованностью и самодовлеющей созерцательностью. Откуда у Канта этот акцент в эстетике на незаинтересованности и самодовлеющей созерцательности? В XVIII веке капитализм и позитивизм достигают высокой степени развития. В культуре нарастает утилитаризм, а вместе с ним и отчуждение, от чего нужно было уходить. На кантовской эстетике лежит печать своего времени. Но как быть сегодня в России в ситуации возрождающегося утилитаризма?

В онтологизме — иное. Здесь эстетическое утилитарному не противостоит. И такие авангардные направления, как модерн (мы сейчас под этим понятием подразумеваем уже не философский, а искусствоведческий смысл) и конструктивизм, это подтверждают. Сегодня «тотальная эстетизация реальности» может быть проиллюстрирована дизайном. Однако, что интересно, для А. Лосева, осознающего значимость онтологизма, кантовского противопоставления не существует. Доказывая положение о единстве эстетического и утилитарного, А. Лосев понимает, что его не все могут принять, ведь оно противоречит основным идеям, изложенным Кантом в своей эстетической системе. И противоречат апологии Просвещения в эстетике. Он пишет: «Очень многих волнует вопрос о том, каким же это образом эстетический предмет оказывается вне жизненной заинтересованности, выступая какой-то самодовлеющей беспредметностью, какой-то подозрительной практической незаинтересованностью, каким-то предметом, существующим вне всякой практической жизни» [Лосев 1992, с. 310].

Тем не менее, в соответствии с А. Лосевым, получается, что эстетическое самодовление утилитарности вовсе не мешает. Но раз не мешает, то мы получаем свободу в интерпретации эстетического сознания Античности, которое в истории удивительным образом постоянно повторяется и, кажется, в XX веке возрождается. Оно становится нам ближе и понятней. Но здесь невозможно не обратить внимание на то, что представления неоплатоников, касающиеся эстетической стихии, тоже ведь не исключают кантовской проблематики, во всяком случае в вопросе о сближении эстетического и игрового и об эстетическом как игровом. Плотин ведь тоже размышляет о «человеке играющем». Так что во многих своих представлениях западноевропейская эстетика тоже повторяет эстетику античную, хоть на это часто и не обращается внимание. Получается, что идея, касающаяся эстетического как игрового, не была открыта Кантом.

Как утверждает А. Лосев, игровое отношение к жизни — это именно античная идея. Она присуща и самому Платону. Плотин ее подхватывает именно у Платона. «Плотин хочет сказать, — пишет А. Лосев, — что эта всеобщая жизнь есть не что иное, как фактическое исполнение того, что заложено в самом сюжете мировой драмы, в ее сценарии, то есть, мы бы сказали, в том уме, который считается у Плотина высшей идейной сферой, осуществляемой при помощи Мировой Души в космосе» [Лосев 2000, с. 879]. По поводу уподобления человека актеру, что характерно для Плотина, А. Лосев говорит: «В этом потрясающем сравнении жизни с театральной сценой Плотин умудряется и сохранить сверхжизненную загипнотизированность самой жизни, и ее, можно сказать, роковой характер, а с другой стороны, также и огромную человеческую свободу, что вместе с ним мы и называем эстетикой предустановленной гармонии» [Там же].

Получается, что в этой ранней эстетической системе эстетическое, отделенное у Канта от утилитарного, утилитарному не противостоит. Но такого противостояния, видимо, не может быть и сегодня, когда технологии так сильно влияют на эстетическую и художественную сферу. В художественную сферу активно входят пласты и сферы нехудожественной реальности, что опять-таки можно проиллюстрировать дизайном. Онтологическая традиция, возрождающаяся в эстетике XX века, не противостоит и культуре, переживающей в это время переходный этап. Ведь как онтологическая эстетика пронизывает бытие в его самых разных проявлениях, не замыкаясь в специфическую сферу, так и культура в ее современном понимании обладает универсализмом, обнимая собой все созданное руками человека.

Заключая сказанное, подведем некоторые итоги. Одним из основных признаков культурологического подхода, применяемого к гуманитарным наукам, является его универсальность. Каждая гуманитарная наука изучает лишь отдельные аспекты этого универсального предмета, т. е. культуры. Ни одна из существующих концепций (а в наше время мы имеем плюрализм таких концепций) не может быть положена в основу культурологического подхода. Такой основой может стать лишь та эстетическая система, которая также обладает универсальностью. А таковой является онтологическая эстетическая система. Это, конечно, парадокс, ведь это самая ранняя и самая древняя эстетическая система. Но суть переходности в культуре, что разворачивается в XX веке, как раз и заключается в реабилитации архаики, вообще ранних традиций. И об этом свидетельствуют разные направления художественного авангарда XX века. Именно на этой, т. е. онтологической, основе и следует искать точки соприкосновения эстетики и культурологии. И если культурологическая эстетика действительно существует, то она предстает именно в таком виде.

Список литературы

- Бердяев 1989 — *Бердяев Н.* Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 607 с.
- Бердяев 1990 — *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
- Бычков 2003 — *Бычков В.* Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 80–92.
- Бычков 2007 — *Бычков В.* Русская теургическая эстетика. М. : Ладомир, 2007. 743 с.
- Давыдов 2008 — *Давыдов Ю.* Труд и искусство : избранные сочинения / сост. В. В. Сапов. М. : Астрель, 2008. 670 с.
- Джеймисон 2019 — *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Дм. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. Изд. 2-е, испр. М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
- Дильтей 2001 — *Дильтей В.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 : Герменевтика и теория литературы / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова ; пер. с нем. под ред. В. В. Библихина, Н. С. Плотникова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 538 с.
- Дмитриев 2004 — *Дмитриев А.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге ; М. : Летний сад, 2004. 528 с.
- Кун 1975 — *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М. : Прогресс, 1975. 288 с.
- Лосев 1992 — *Лосев А.* История античной эстетики : в 8 т. Т. 8 : Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М. : Искусство, 1992. 656 с.
- Лосев 2000 — *Лосев А.* История античной эстетики : в 8 т. Т. 6 : Поздний эллинизм. М. : Фолио : АСТ, 2000. 832 с.
- Лукач 1985 — *Лукач Г.* Своеобразие эстетического : в 4 т. Т. 1 / пер. с нем. А. Ю. Айхенвальда, М. А. Журилской, А. Г. Левинтона и др. М. : Прогресс, 1985. 336 с.
- Сартр 1953 — *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. М. Грецкого. М. : Изд-во иностранной литературы, 1953. 42 с.
- Хренов 2020 — *Хренов Н. А.* Трагедия эпикуреизма: эпохи оттепели в истории культуры // Terra aetheticae. Официальный журнал Российского эстетического общества. 2020. № 1 (5). С. 42–78.
- Эко 2018 — *Эко У.* О способе формообразования как отражении действительности // Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике / пер. с итал. А. Шурбелева. М. : АСТ : Corpus, 2018. С. 363–431.

References

- Berdyayev, N. (1989), *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Art], Pravda, Moscow, 607 p. (in Russian).
- Berdyayev, N. (1990), *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin and Meaning of Russian Communism], Nauka, Moscow, 224 p. (in Russian).
- Bychkov, V. (2003), “The phenomenon of non-classical aesthetic consciousness”, *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 80–92 (in Russian).
- Bychkov, V. (2007), *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgical aesthetics], Ladomir, Moscow, 743 p. (in Russian).
- Davydov, Yu. (2000), *Trud i iskusstvo, izbrannye sochineniya* [Labor and Art, Selected Writings], Astrel, Moscow, 670 p. (in Russian).
- Dilthey, W. (2001), *Sobranie sochinenii, v 6 tomakh. Tom 4, Hermeneutika i teoriya literatury* [Collected works, in 6 vols, Vol. 4, Hermeneutics and theory of literature], translated by Bibikhin, V. V. and Plotnikov, N. S. (eds), Dom intellektual'noi knigi, Moscow, 538 p. (in Russian).
- Dmitriev, A. (2004), *Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannaya Frankfurtskaya shkola (1920–1930)* [Marxism Without the Proletariat: Gyorgy Lukacs and the Early Frankfurt School

- of the 1920s and 1930s], European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Letnii sad, Moscow, 528 p. (in Russian).
- Eco, U. (2018), "On the Mode of the Formation as a Reflection of Reality", in Eco, U., *Opera aperta. Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee*, translated by Shurbelev, A., AST, Corpus, Moscow, pp. 363–431 (in Russian).
- Jameson, F. (2019), *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*, translated by Kralachkin, D., 2nd ed., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, 808 p. (in Russian).
- Khrenov, N. A. (2020), "The Tragedy of Epicureanism: The Thaw Era in Cultural History", *Terra aestheticae*, no. 1 (5), pp. 42–78 (in Russian).
- Kuhn, T. (1975), *The Structure of Scientific Revolutions*, translated by Naletov, I. Z., Progress, Moscow, 288 p. (in Russian).
- Losev, A. (1992), *Istoriya antichnoi estetiki, v 8 tomakh. Tom 8, Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kniga 1* [The History of Classical Aesthetics, in 8 vols, Vol. 8, The Results of the Millennial Development, book 1], *Iskusstvo*, Moscow, 656 p. (in Russian).
- Losev, A. (2000), *Istoriya antichnoi estetiki, v 8 tomakh. Tom 6, Pozdnii ellinizm* [The History of Classical Aesthetics, in 8 vols, Vol. 6, Late Hellenism], *Folio*, AST, Moscow, 832 p. (in Russian).
- Lukacs, G. (1985), *Die Eigenart des Ästhetischen, in 4 vols, Vol. 1*, translated by Aikhenval'd, A. Yu., Zhuripskaya, M. A., Levinton, A. G. and Razlogova, B. E., Progress, Moscow, 336 p. (in Russian).
- Sartre, J.-P. (1953), *L'existentialisme est un humanism*, translated by Gretsii, M., Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 42 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 22.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 13.12.2021

Информация об авторе

Хренов Николай Андреевич
доктор философских наук, профессор
Государственный институт искусствознания
125009, Россия, Москва, Козицкий пер., 5
E-mail: nihrenov@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-6890-7894

Information about author

Khrenov, Nikolay Andreevich
D. Sci (Philosophy), Professor
State Institute for Arts Studies
5 Kozitsky pereulok, Moscow, 125009
Russia
E-mail: nihrenov@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-6890-7894

УСТАНОВЛЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ*

М. Б. Ямпольский

Нью-Йоркский университет

Нью-Йорк, США

Аннотация: Статья формально представляет собой фрагмент готовящейся к публикации книги «Формы реальности», но, по сути, выступает введением к авторскому исследованию фундаментальной темы *антропологии формы*. Речь, во-первых, идет о форме как внешнем облике — образе явлений. И автор кратко характеризует значение так понимаемой формы для существования животных и людей, человеческих сообществ. А во-вторых, в центре анализа — именно «антропология формы»: форма, ее феноменальность и организованность, дифференцированная целостность как производные от взаимодействия сознания с объектами, своеобразная его «синтезирующая» упорядочивающая проекция на внешнюю реальность. Статья и выступает как предварительный анализ важнейших, по мнению автора, антропологических оснований открывающегося людям и, одновременно, рождаемого с участием их сознания формального плана реальности. Понятие реальности, наряду с «формой», — второе ключевое понятие статьи. Предложенная в статье концепция опирается на философско-антропологические идеи целого ряда философов (И. Кант, Ж. Батай, М. Хайдеггер, Ж. Делёз и Гваттари и, особенно, Э. Сурио), современные естественно-научные представления, а также, особенно, на опыт искусства и рефлексию художников (Ф. Пессоа, ренессансные художники, К. Д. Фридрих, Э. Дега). Произведение искусства и отношения сознания с ним выступают для автора типологичной моделью «антропологии формы». В статье анализируются наиболее значимые антропологические факторы и аспекты формы и устанавливаемой посредством нее реальности. Это экзистенциальный контекст отношений субъекта и объекта, их непосредственный и, во многом, до- и бессознательный характер. Это визуальная дистанция в ее динамике и гештальтирование; смыслопорождение как формообразование. Различая, вслед за Д. Лапужадом, существование и реальность, автор опирается на концепцию разных модусов реальности Э. Сурио, в которой ключевое значение получает термин «l'instauration»: установление как самоутверждение реальности, равное рождению формы на пересечении человеческой субъективности и независимой бытийственности (произведения искусства). Реальность в итоге оказывается результатом

* Предлагаемый вниманию читателя текст — фрагмент книги «Формы реальности», готовящейся к публикации в издательстве «Новое литературное обозрение».

конституирования посредством сложной в своей метаморфозности системы форм, в которой важное место занимает «имманенция» — до- и внесубъектное сознание, «трансцендентальное поле», предшествующее конкретным сознаниям. Сложный (парадоксальный, разнородный и, одновременно, единый/целостный) характер так понимаемых «форм реальности» показан на примере эволюции и диалектики перспективы в живописи и через анализ картины К. Д. Фридриха.

Ключевые слова: форма, антропология формы, реальность, установление реальности, модусы реальности по Э. Сурио, дистанция, внутреннее/внешнее, однородное/разнородное, имманенция, метафора зеркала.

Для цитирования: Ямпольский М. Б. Установление реальности // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 26–50. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.038

THE ESTABLISHMENT OF REALITY

M. B. Yampolsky

New York University
New York, USA

Abstract: The paper is, formally, a fragment of the soon-to-be-published book *Forms of Reality*. But in fact, it is an introduction to the author study into the fundamental theme of anthropology of form. First, it considers a form as an appearance — the image of phenomena. The author briefly describes the significance of the so-understood form for the existence of animals and people, human communities. And second, it is precisely anthropology of the form that is at the centre of the analysis: the form, its phenomenality and organization, differentiated integrity as derivatives from the interaction of consciousness with objects, a kind of its *synthesizing* ordering projection on the external reality. The paper preliminary examines the most essential, in the author's view, anthropological foundations of the formal plan of reality that is opening up to people and, at the same time, is being generated with the involvement of their consciousness. The concept of reality, along with form, is the second key concept of the paper. The concept forwarded in the article rests on the philosophical and anthropological ideas of several philosophers (I. Kant, J. Bataille, M. Heidegger, J. Deleuze and F. Guattari, and especially E. Souriau), present-day natural science concepts, and, especially, the experience of art and the reflection of artists (F. Pessoa, Renaissance painters, C.D. Friedrich, E. Degas). For the author, the work of art and the relationship of consciousness with it act as a typological model of anthropology of the form. The paper analyzes the most significant factors and aspects of form and the resulting reality. It is the existential context of the subject-object relationship; their immediate and pre-unconscious nature. It is a visual distance in its dynamics and gestaltization; it is a generation of meaning as morphogenesis of form. Distinguishing, following D. Lapoujade,

between existence and reality, the author relies on E. Souriau's concept of different modes of reality, in which the term *l'instauration* takes on the key meaning: the establishment as the self-affirmation of reality, equal to the birth of form at the intersection of human subjectivity and independent in-being (works of art). The reality, in the end, is the result of the constitution through a system of forms that is complex in its metamorphosis, in which "immanence" — pre- and beyond-subjective consciousness, a transcendental field that precedes concrete consciousness — occupies an important place. The author shows the complex (paradoxical, heterogeneous and, at the same time, unified/holistic) nature of so-understood forms of reality on the example of the evolution and dialectics of perspective in painting and through the analysis of C.D. Friedrich's paintings.

Keywords: form, anthropology of form, reality, establishment of reality, modes of reality according to E. Souriau, distance, internal/external, homogeneous/different, immanence, mirror metaphor.

For citation: Yampolsky, M. V. (2021), "The Establishment of Reality", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 26–50 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.038

Мне представляется, что сегодня существует потребность в осмыслении *теоретической антропологии формы*. К проблеме формы я обращался в своей недавней книге «Ловушка для льва. Модернистская форма как способ мышления без понятий и "больших идей"» [Ямпольский 2020]. В этой книге меня интересовал феномен формы в модернистском искусстве, литературе и эстетике конца XIX — начала XX века. Вопрос, который меня волновал, касался «загадочного» (для меня) повсеместного отказа от идеи искусства как адекватного отражения реальности и повсеместного же изобретения множества совершенно разных и далеких от прямой имитации «реальности» художественных форм. После завершения этого исследования мне показалось желательным расширить горизонт моих размышлений и попытаться осмыслить *форму* не как способ организации материала в произведении искусства, но гораздо шире — как элемент антропологии, то есть самосознания человека в самом широком смысле слова.

Посвященная этому книга называется «Формы реальности», хотя мы знаем, что у реальности нет формы. Мы включены в мир совсем на иных принципах, нежели принцип формы. В качестве эпитафии я взял слова Жоржа Батая: «... утверждать, что мир ни на что не похож и *не имеет формы* (*n'est qu'informe*), все равно что сказать, что мир — это нечто вроде паука или плевка». Батай объяснял, что само слово «бесформенный» означает требование разрушить классификации и смысл. Он замечал, что форма — это соответствие академическим требованиям, в том числе и философским: «Вся философия не имеет иной цели, как напаять на существующее сюртук, являющийся одновременно

математическим сюртуком» [Bataille 1970, p. 217]. Откуда же в мире берется форма?

Ее истоком, по-видимому, можно считать форму тела любого животного, и человека в том числе. Все живое наделено формой, развитие жизни может пониматься в категориях морфогенеза. Швейцарский зоолог Адольф Портман посвятил несколько замечательных книг внешнему виду животных [Portmann 1967; Ямпольский 2019, с. 57–60]. И показал, что жизнь требует от одного вида обнаруживать внешнее отличие от другого. Это обнаружение отличия и его анонсирование он называл *Selbstdarstellung*. Оно проявляется, прежде всего, в создании формы, обладающей отчетливым эстетическим элементом, например симметрией или яркостью цвета, скажем, у птиц. Симметрия — этот принцип организации формы живого — распространяется только на внешний облик (внутренние органы ему не подчиняются).

Возможность наделения человеческого тела формой создает основания для складывания общества и своего рода стихийной антропологии. Форма тела и лица (а мы обладаем уникальной способностью запоминать и различать лица) позволяет различать своего и чужого, друга и врага. Форма тела играет огромную роль в половом подборе. Образы тела (в том числе и зеркальные) порождают разные типы сексуальности и организуют выбор сексуального объекта и т. д. Антропология в значительной степени укоренена в форму тела. Но само значение такой формы возможно только при наличии зрения и дистанции, которая позволяет сложиться форме как образу, гештальту, целостности. Там, где мы говорим о форме, мы всегда говорим о дистанции, о взгляде «издалека».

Гораздо более проблемным понятие формы становится при его переносе с живого тела на *мир и среду*. Мир — не является живой тотальностью, всегда отделяющей себя от окружения и противостоящей энтропии неодушевленного. И тем не менее мы всегда стремимся представить себе мир как целостность, то есть спроецировать на него образы телесности. Попытки эти опираются, на мой взгляд, на принцип дистанции и гештальтирования, хотя между нами и миром нет дистанции, мы погружены в мир. Когда-то Эрнст Блох обратил внимание на то, что, создавая пейзаж как некую форму природы, художник вынужден дистанцировать себя от природы. Живописный пейзаж — это, собственно, и есть природа, отделенная от нас и как бы увиденная через раму окна, ставшую рамой картины: «Где начинается на картинке представленный на ней пейзаж? Художник не включает себя в картину, хотя он тоже непосредственно включен в пейзаж в качестве внутренней границы Непосредственного. Между тем второй круг непосредственности, подлинный передний план картины, также может быть объективирован с трудом. Он содержит в себе слишком много близости к месту, где находится художник. И именно неопределенность, создаваемая близостью, является причиной относительного отсутствия развитой формы

пространства первого плана, причиной того факта, что он не относится к подлинному ландшафту в полной мере. Изображаемый пейзаж, таким образом, начинается не только, что само собой разумеется, вне художника, его рисующего, но также и за размытыми объектами его непосредственного окружения» [Bloch 1986, p. 296]. Блох хорошо показывает, что в живописном пейзаже есть некий первый план, отделяющий собственно пейзаж от художника, маркирующий дистанцию, и в этом неопределенном первом плане обнаруживается «относительное отсутствие развитой формы пространства». Чтобы произвести мир как форму, человек вынужден представить себя вне мира.

Расстояние между наблюдателем и миром соответствует дистанции между субъектом и объектом кантовской *репрезентации*, которая уже два столетия понуждает философов к ее критике и поиску способов ее преодоления. Репрезентация всегда дистанционна, и я убежден, что современный интерес к травмам, аффектам и непосредственности — это выражение желания установить иную форму контакта с миром, нежели репрезентация. Мир, однако, уже по мнению Канта, не может быть нам дан как объект репрезентации. Кант называл само понятие *мира* «регулятивной идеей чисто спекулятивного разума». Мир он отождествлял с природой, которая представлена нам в своей двойственности. Стоит вчитаться в соответствующий пассаж из «Критики чистого разума»: «Вторая регулятивная идея чисто спекулятивного разума есть понятие мира вообще. Действительно, природа, собственно, есть единственный данный объект, в отношении которого разум нуждается в регулятивных принципах. Эта природа двойственна: она есть или мыслящая, или телесная природа. Чтобы мыслить одну лишь телесную природу по ее внутренней возможности, т. е. определять применение к ней категорий, мы не нуждаемся в идее, т. е. в представлении, выходящем за пределы опыта; к тому же в отношении телесной природы и невозможна никакая идея, так как мы руководствуемся в ней только чувственным созерцанием, а не так, как в психологическом основании понятия (Я), которое a priori содержит определенную форму мышления, а именно единство мышления» [Кант 1994, с. 509]. Иными словами, в той мере, в какой понятие природы относится к живой телесности, мы не нуждаемся для ее схватывания ни в какой идее. Тело дано нам в непосредственном опыте. Но когда мы переходим от тела к неодушевленной природе, необъятной в своей экстенсивности, мы переносим представление, эмпирически работающее в области телесного, на совершенно иной «объект», и тут мы нуждаемся в *идее*: «...для чистого разума нам остается только природа вообще и полнота условий в ней согласно некоторому принципу. Абсолютная полнота рядов этих условий при выведении их членов есть идея, которая в эмпирическом применении разума никогда, правда, не может быть полностью осуществлена, однако все же служит правилом, руководствуясь которым мы должны поступать по отношению к таким рядам, а именно при объяснении данных явлений (в нисхождении

или восхождении), так, как если бы ряд сам по себе был бесконечным, т. е. *in indefinitum*; там же, где сам разум рассматривается как определяющая причина (в свободе), следовательно, где речь идет о практических принципах, мы должны поступать так, как если бы перед нами находился не объект чувств, а объект чистого рассудка, где условия могут полагаться не в ряду явлений, а вне его, и ряд состояний может рассматриваться так, как если бы он начинался прямо (посредством интеллигибельной причины)» [Кант 1994, с. 509–510].

Единство природы или мира не дано нам эмпирически, как «объект» созерцания. Оно выводится из некоей «полноты рядов», из способности этих пронизывающих ее рядов длиться до бесконечности, создавать полноту континуума. А сами эти чисто умозрительные ряды укоренены не в том, что дает нам зрение или опыт, а в деятельности рассудка: «...как если бы перед нами находился не объект чувств, а объект чистого рассудка...» Поскольку эти умозрительные ряды порождены рассудком, то все они восходят к некоей «интеллигибельной общей причине», которую Кант отождествляет с Богом. Мир — это рассудочный конструкт, форма которого не эмпирическая, но умозрительная.

Ситуация усложняется, когда мы обращаемся к попыткам сконструировать внутренний «психологический» мир человека, который еще больше сопротивляется понятию формы, чем мир. Это связано прежде всего с тем, что *внутренний* мир отменяет понятие дистанции и строится в режиме абсолютной непосредственности. В этой перспективе меня особенно заинтересовал психоанализ, который, например у Лакана, совершенно, на мой взгляд, закономерно, приходит к топологии, то есть конструированию таких противоречивых и парадоксальных пространств, которые не поддаются гештальтированию. Любопытно, что Лакан движется в сторону батаевского бесформенного от зеркальных *imagos*, двойников и повышенного интереса к формам телесного. Эти попытки мыслить вне формы, однако, имеют свои границы, так как толкают нас почти за пределы наших мыслительных способностей.

Я для себя определяю выбранный мной жанр как «очерки теоретической антропологии». Это связано с тем, что проекция формы на реальность для меня — фундаментальный антропологический феномен, характеризующий современность в самом широком смысле этого слова. Сама по себе «антропология» как научная дисциплина становится возможной только тогда, когда религиозное сознание освобождает пространство для *человека*. До эпохи монотеизма, удалившего бога из непосредственной близости в сферу трансцендентного, по-видимому, не существовало проблемы отделенности, дистанцированности человека от мира. Как замечает Марсель Гоше, перенесение творения оснований мира в мифологическое прошлое «неизбежно производит эффект включения или погружения человеческого порядка в порядок природы и их итоговой неотделимости» [Gauchet 1985, p. 83].

Соответственно, вплоть до Возрождения в значительной мере не существовало и *проблемы человека*, его место в мире было определено догматическими онтологическими иерархиями. Но с момента, когда неизбежность этих иерархий была подвергнута сомнению, возник вопрос о сущности человека и его месте в мире. Хорошо известны многочисленные и неудавшиеся попытки определить сущность человека. Человек никогда не поддавался этим определениям.

Хайдеггер в «Письме о гуманизме» точно ухватил ядро этой проблемы, когда писал: «Всякое определение человеческого существа, заранее предполагающее, будь то сознательно или бессознательно, истолкование сущего в обход вопроса об истине бытия, метафизично» [Хайдеггер 1993, с. 197]. Бытие же человека неотделимо от его актуального существования, экзистенции: «Existencia остается термином, означающим действительное существование того, чем нечто является по своей идее. Фраза “человек экзистировать” отвечает не на вопрос, существует ли человек в действительности или нет, она отвечает на вопрос о “существовании” человека» [Там же, с. 200]. Дело, однако, не просто в *определении человека*, а в том, что сам человек испытывал чувство своей неопределенности в связи с «ущербностью» собственного существования.

Это ощущение хорошо передал Фернандо Пессоа в «Книге непокоя» [Пессоа 2018]. Поэта не оставляет ощущение неполноты собственного существования и его крайней неопределенности: «У меня нет представления о себе самом, даже такого, которое заключается в отсутствии идеи о себе самом. Я кочую в попытках осознать себя». Или: «Я уже давно не я» (фрагмент 139). Пессоа не только не может постичь собственную идентичность, его преследует ощущение неспособности соприкоснуться с жизнью и почувствовать полноту существования: «Я даже не играл себя. Меня играли. Я был не актером, а его жестами. Все, что я сделал, о чём думал, чем был, есть сумма подчинений либо ложному сущему, которое я считал своим, потому что я действовал вовне, находясь в нем, либо бремени обстоятельств, которые я принял за воздух, коим я дышал. <...> Я знаю, что ошибался и заблуждался, что никогда не жил и существовал лишь потому, что заполнял время сознанием и размышлением». (фрагмент 39).

Эта неполнота существования каким-то образом связана с тем миром ощущений, в которых живет поэт. Эти ощущения дисперсны и смутны. Сама эта неопределенность парадоксально порождается тем самым дистанцированием, которое призвано придать окружающему отчетливость формы. Но дистанция не позволяет форме возникнуть, так как расстояние между глазом и объектом замутнено и ведет вместо формы к бесформенности: «Между мной и жизнью всегда были матовые стекла: я их не видел и не осязал; я не жил этой жизнью или в этой плоскости, я был блужданием того, чем хотел быть...» (фрагмент 399). Этот образ стекла между поэтом и жизнью, отсылающий к знаменитому высказыванию Апостола Павла о «смутном стекле» или зеркале, возникает

не единожды: «Между мной и жизнью — тонкое стекло. Как бы отчетливо я ни видел и ни понимал жизнь, я не могу ее коснуться» (фрагмент 80).

Пессоа крайне чувствителен, но парадоксальным образом эта чувствительность не влечет за собой переживания полноты существования. «Стекло» возникает не от отсутствия чувствительности. Скорее наоборот. В 78-м фрагменте он пытается уточнить, в чем связь его чувствительности и нехватки существования: «Есть ощущения, которые являются снами и, занимая, словно туман, всю протяженность духа, не дают думать, не дают действовать, не дают отчетливо существовать. Как если бы мы не выпались, в нас остается что-то ото сна, и неподвижность дневного солнца раскаляет оцепеневшую поверхность чувств. <...> Смотришь, но не видишь. <...> Теряется возможность придать смысл тому, что видишь, но, разумеется, хорошо видно, что это».

Речь идет об ощущениях, которые не позволяют «отчетливо существовать», хотя «поверхность чувств» и раскалена. И Пессоа ставит ясный диагноз: ощущения позволяют видеть нечто, но это *нечто не обретает смысла*. Только «смысл» видимого способен обеспечить полноту существования. Это понимание без смысла и делает Пессоа чуждым самому себе: «...я подобен путешественнику, который вдруг оказывается в чужом городе, но не знает, как он туда попал; и мне вспоминаются случаи тех, кто утратил память и надолго стал другим человеком» (фрагмент 39). Но в какое-то мгновение чувствительность поэта наполняет вспышка полноты существования: «Вдруг, как если бы судьба-хирург, прооперировав мою застарелую слепоту, добилась мгновенных результатов, я поднимаю голову от моей безымянной жизни для ясного понимания того, как я существую. И вижу, что все, что я сделал, все, о чем думал, все, чем был, есть разновидность обмана и безумия. Я изумляюсь тому, что прежде умудрялся этого не видеть. Удивляюсь, каким я был, и вижу, что я на самом деле не такой. Я смотрю, словно на простор, который озаряет прорывающееся сквозь тучи солнце, на свою прошлую жизнь; и отмечаю с метафизическим ошеломлением, что все мои самые уверенные жесты, самые ясные мысли и самые логичные намерения в конечном счете были лишь природным опьянением, естественным безумием, великим незнанием» (фрагмент 39).

Эта острота достигается тем, что вся масса отчужденных впечатлений, видимых через тусклое стекло, вдруг складывается в *смысл*, то есть обретает форму. Пессоа подключается к этой преходящей смысловой конфигурации и переживает момент полноты бытия. Французский философ Давид Лапужад заметил, что в случае, описанном Пессоа, следует различать понятия *существования* и *реальности*. Существование не является гарантом реальности: «В каком-то смысле человек действительно существует, он занимает определенное пространство-время, он присутствует среди вещей, он встречается с прохожими на мосту, он собирает впечатления, мысли приходят ему на ум.

И между тем ничто из этого не является до конца реальным. Существа и вещи существуют, но им не хватает реальности» [Laroujade 2017, p. 11].

Проблематика разной интенсивности и степеней реальности еще до Второй мировой войны привлекла внимание эстетика и философа Этьена Сурио. Режимы существования реальности прямо связаны с проблемой ее формы. Ведь форма может пониматься как маркер степени наличия реальности и, соответственно, ее постигаемости. Работы Сурио на эту тему были почти забыты, но интерес к ним возродился в связи с тем влиянием, которое он оказал на Делёза и Гваттари. Его книга 1943 года «Различные модусы существования» была недавно переиздана Брюно Латуром и Изабель Стенгерс, посвятившими философии Сурио большое исследование. С точки зрения Сурио, окружающая нас реальность всегда дается нам в незаконченном виде, никогда не достигая полноты существования. Реальность достигается, завоевывается и в принципе являет себя с разной степенью реализованности. Философ сравнивает реальность с произведением искусства, которое постепенно создается художником. Мы привыкли считать процесс творчества постепенной материализацией некоего видения, в соответствии с платоновской моделью перевода идеи в материю. Сурио, однако, предлагает понимать этот процесс как медленное обретение произведением реальности и конкретности существования. Художник в этой перспективе оказывается не столько творцом, сколько акушером, помогающим реальности произведения обнаружить себя. Философ вообще систематически избегает слов «творение», «создание» и т. д., потому что они отсылают к порождению чего-то из идеи или из ничего. Вместо этого он постоянно употребляет термин «l'instauration», который я склонен переводить как «установление». *Установление* — это некое утверждение реальности, бытия, которое в принципе неподвластно человеку.

Сурио так пишет о процессе, который мы обычно называем творчеством: «Раскрывающееся бытие требует собственного существования. Во всем этом агент должен склониться перед волей, присущей произведению, угадать эту волю, отказаться от себя ради того автономного бытия, которое он стремится продвинуть в соответствии с тем правом, которым его наделяет существование. Нет ничего более важного среди всевозможных форм творчества, нежели это смирение творящего субъекта перед будущим произведением» [Souriau 2009, p. 208]. Что же устанавливается в этом самоутверждении реальности произведения? *Форма*. Сурио обозначает ее режущим сегодня слух определением «духовная форма» (*forme spirituelle*). Слово «духовный» тут надо понимать прежде всего как *нематериальная*. Форма вообще нематериальна. Сурио даже пишет об «ангеле произведения», используя эту метафору, чтобы передать самопроявление новой реальности: «идею чего-то, как будто приходящего из иного мира» [Ibid., p. 206].

Сама идея формы как основания для установления реальности, конечно, делает Сурио яростным оппонентом Бергсона, с его идеей длительности

и критикой перевода времени в пространственные формы. Но форма у Сурио не является чем-то замершим, она относится к разряду становящегося, усиливающего или ослабляющего *реальность* вещей. Она возникает на пересечении человеческой субъективности и независимой бытийственности произведения. И именно эта встреча человека с формой и есть событие утверждения реальности мира, но одновременно и реальности человека, которому форма произведения придает отчетливость, ясность, ускользавшие от Пессоа. Форма со времен Канта относится к области эстетики. Ее значение для философии Сурио обыкновенно объясняют постепенным дрейфованием философа в сторону эстетики. Но эстетика у него оказывается лишь моделью обретения вещами реальности в форме, а человеком — тени субстанциальности. Именно поэтому философия Сурио может быть полезной для преодоления пропасти между художественной формой (которую я обсуждаю в «Ловушке») и *формой реальности*, которая интересует меня в этой книжке.

Форма, как я уже говорил, не должна пониматься как некая вневременная платоновская идея. Она возникает и кристаллизуется в процессе творчества (почти как в биологическом морфогенезе), который Сурио описывает в терминах *дистанции* и *близости*, важных для меня. Художник позволяет произведению реализоваться, постоянно *приближаясь* к состоянию завершенности. Этот процесс описывается философом как сближение двух экзистенциальных составляющих — *делания* и *сделанности*. Делание движется в сторону сделанности, хотя ни один художник не знает точно, когда это состояние сделанности, завершенности окончательно достигнуто. Сурио говорит о постоянном риске остановиться в делании слишком рано или зайти слишком далеко. Ведь существуют художники, чьи эскизы и наброски гораздо сложнее и совершеннее, чем законченные произведения. Примером такого творца может послужить Адександр Иванов, чьи эскизы значительно сильнее его «Явления Христа народу» в завершенной форме.

Расхождение между деланием и сделанным Сурио описывает как *дистанцию*, которая может возрастать или сокращаться. Пока дистанция значительна, мысль активно соотносит делание с тем, что уже сделано, и оценивает его. Дистанция всегда поддерживает *активность субъекта* и всегда определяет отношение человека с формой. Однако в какой-то момент расстояние между наброском и завершенностью исчезает: «Постоянно уменьшающаяся дистанция, это движение произведения, является постепенным сближением двух экзистенциальных аспектов произведения: требующего делания и сделанного. В момент последнего движения шпателя дистанция отменяется. Сформованная глина подобна точному зеркалу задуманного произведения (*l'oeuvre à faire*), а задуманное произведение как будто воплощается в глине. Они теперь составляют единое и неразличимое бытие (*un seul et même être*)» [Souriau 2009, p. 212]. Сурио говорит о моменте отчуждения произведения

от сознания художника. Конечно, в реальности этот момент тотальной, гегелевской адекватности недостижим. Это мгновение исчезновения художника, его исключения из произведения и одновременно утверждения реальности последнего, которая тоже, конечно, в полной мере недостижима. Происходит *установление реальности*, полностью поглощающей «духовную форму», которая ее производит.

Сурио говорит о разных *степенях и модусах существования*, которые устанавливаются в этом процессе. В качестве первого модуса он рассматривает *феномены*. Они отмечены непосредственным и «реальным» присутствием. Они даны нам в ощущениях, хотя целиком и не могут быть к ним сведены. Сурио называет главным свойством феноменов, которые обнаруживают себя для нас в «сиянии присутствия» — *patuité* (от слова *pathos* — то есть чувствование), — способность эмпатически достигаться в интуиции. Феномен не отсылает ни к чему другому кроме себя, он самодостаточен в том смысле, что не является феноменом чего-то иного: «Он осознается в своем собственно экзистенциальном статусе в той мере, в какой мы чувствуем, что он сам себя держит, и являет в самом себе то, что может его обосновывать и уплотняться в нем и с его помощью. Именно в этом смысле он является моделью и эталоном существования» [Souriau 2009, p. 119].

Вторым модусом существования философ называет *l'existence réique*, то есть *вещное существование* (от латинского *res* — вещь). *Вещь* отличается от феномена. И главное их отличие в том, что вещь «численно *единична*» и обладает *идентичностью*. Сурио также говорит о ее независимости от ситуации. Феномен зависит от ситуации в том смысле, что он дается нам в определенный момент времени, в определенном освещении, в видимости фактуры и цвета, которыми он отмечен. Вещь независима от такого рода ситуаций. В качестве примера он приводит ленту, многократно сложенную и проткнутую иголкой. Если эту ленту потом развернуть, мы увидим на ней многократно повторенное отверстие, которое в плоскости феномена будет множеством дыр, отсылающим к множеству игл. В *вещном существовании* речь будет, однако, идти об *одном* отверстии и *одной* игле. Единичность вещи тут преодолевает множественность феноменальных аспектов. Когда появляется единичная в своей идентичности вещь, она утрачивает локализацию во времени и пространстве. Как пишут Латур и Стенгерс, «она никогда не находится где-то» [Stengers, Latour 2009, p. 40]. Странность вещи заключается в том, что она, приобретая интенсивность «подлинного существования», утрачивает место и время и начинает целиком зависеть от способности человека устанавливать некие повторяемые, воспроизводимые единства. Сурио говорит о том, что вещи обретают *монументальность* идентичности, но при этом укоренены в непротиворечивости и связях. Вещь не укоренена в саму себя подобно феномену. Это совершенно иной модус действительности.

Третий модус — *l'existence sollicitudinaire*, в приблизительном переводе «*существование озабоченности*». Эта «реальность» населена призраками, фантомами, персонажами художественных произведений — всевозможными химерами нашего воображения. Вещь зависит от нашего сознания в той мере, в какой она возникает как результат непротиворечивой связности. Но это странное, безличное сознание. В вещном существовании не задействована субъективность. Это сознание как бы вне субъекта. Зато *существование озабоченности* все связано с субъективной точкой зрения, которую Сурио обозначает термином Августа Шмарсова *Ichpunkt*. При этом не следует считать эти призраки чистыми конструктами мысли, несмотря на то что их реальность и укоренена в «позитивность» психологии. И хотя они не соотносятся с вещами и телами, они заимствуют в мире феноменов феноменальные черты. Воображаемая собака, как говорит Сурио, «участвует в онтическом собаки». Эти воображаемые реалии могут иметь различную степень интенсивности, определяемую тем эмоциональным качеством, той *озабоченностью*, которая их порождает. Их подобие феноменам ограничено тем, что они не детерминированы ситуацией и никак не связаны с материальной актуальностью. Этот отрыв и есть основополагающая черта их особого модуса существования.

Затем следуют реалии, чье существование *виртуально*. Эти вещи существуют, хотя их нет. Сурио приводит в пример обрушившуюся архитектурную арку, которая легко материализуется из своего небытия, может быть нарисована и/или восстановлена на основании той руины, которая осталась после катастрофы. Философ пишет об этом модусе, что он «особенно богат множественностью присутствий, которые отсутствуют» [Souriau 2009, p. 137]. Этот модус существования особенно экономичен. По когтю он позволяет восстановить целую фигуру льва. Этот модус всегда требует основания в *вещи*.

И последний описываемый модус — *синаптический*. Этот странный *переходный* модус позволяет переходить от одного космоса существования к другому. Так, когда скульптор лепит из глины, он переходит от модуса неоформленной глины к модусу фигуры, к которой подключен модус воображаемых реалий, и т. д. Каждый модус отделен от другого разной аксиоматикой и составляет свой автономный космос, но эти типы существования могут входить в сложные мультимодусные конфигурации. Примером такого модуса он называет Бога, который, хотя и принадлежит трансценденции и не имеет материального самообнаружения, постоянно манифестируется в мире и может проникать во все модусы существования.

Я достаточно подробно остановился на философии Сурио не потому, что моя книга пронизана его парадигмами и соотносится с его мирами. Я пытаюсь описать разные формы, которые социальная, психологическая и материальная сферы принимают в работах мыслителей, постоянно сосредоточенных на описании общих конфигураций разных человеческих миров. И Сурио дает

хороший подход к пониманию статуса этих миров. Я не рискую соотнести их ни с одним модусом существования по Сурио. Для меня в его размышлениях важно не столько описание этих модусов, сколько представление о реальности как результате конституирования некими формами, чей статус крайне трудно определить. И хотя их описывают антропологи, социологи или психологи, они ни в коей мере не являются их субъективными конструктами и даже не генерируются их методологиями.

Леонард Лоулор заметил прямую связь *установления* модусов существования у Сурио с описанным Делёзом и Гваттари процессом конструирования философии [Lawlor 2011, p. 400–406]. В книге «Что такое философия?» Делёз и Гваттари (скупно ссылающиеся на Сурио в одной из сносок) начинают с *концепта*, как главного компонента философского поля. Концепт неоднороден, он состоит из нескольких компонентов, которые составляют его модус существования: «Всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т. д. <...> Он представляет собой целое, так как тотализирует свои составляющие, однако это фрагментарное целое» [Делёз, Гваттари 2009, с. 21]. Эта разнородность важна, так как она позволяет концепту выделяться из некоего однородного поля, вносить в него турбулентность, которая ведет к обновлению. Философы объясняют изобретение концепта на примере понятия *Другого*. Для меня это особенно важно, так как именно становлению этого концепта посвящена первая часть моей книги. Авторы задают вопрос: «Например, обязательно ли Другой вторичен по отношению к “я”?» [Там же, с. 22]. Другой не может быть неким автономным целым, но всегда в качестве концепта должен содержать в себе собственную полярность, которая не дает ему замкнуться в инертной беспроблемности. Он не может быть лишен второй составляющей, иначе Другой «оказывается всего лишь другим субъектом, который предстает мне; если же отождествить его с другим субъектом, то тогда я сам есть Другой, который предстоит ему» [Там же]. В первой части книги я описываю, каким образом идентичное самоотражение в Другом постепенно уступает место Чужому, с которым эта зеркальная идентичность оказывается невозможной. Я описываю эту подмену в категориях дистанцирования от Другого. Но это дистанцирование и есть, в контексте рассуждений Делёза — Гваттари, разрушение однородного поля опыта концептом, внутреннее противоречие которого (между Я и не-Я), не может быть снято и преодолено.

Зеркальное сходство двух субъектов делает концепт Другого «беспроблемным» и, собственно, лишает его статуса концепта. Это вечная судьба всякого рода удвоений, которые не в состоянии предложить никакого решения проблем. Я возвращаюсь к этому в конце книги, там, где речь идет о *воображаемом* Лакана и удвоении себя в *imago*. Делёз и Гваттари так мотивируют необходимость противоречивой двойственности и проблемности концепта: «Грубо говоря, мы рассматриваем некоторое поле опыта, взятое как реальный мир,

не по отношению к некоторому “я”, а по отношению к простому “наличествуванию”. В некоторый момент наличествует тихо и спокойно пребывающий мир. И вдруг возникает испуганное лицо, которое смотрит куда-то наружу, за пределы этого поля. Здесь Другой предстает не как субъект или объект, а совсем иначе — как возможный мир, как возможность некоего пугающего мира. Этот возможный мир нереален или еще не реален, однако же он существует — это то выражаемое, что существует лишь в своем выражении, в чьем-то лице или эквиваленте лица. Другой — это и есть, прежде всего, такое существование возможного мира» [Делёз, Гваттари 2009, с. 23].

«Поле» (о понятии *поля* в книге подробнее говорится в связи с использованием этого термина Бурдьё) тут похоже на установленный модус существования у Сурио. Противоречивость концепта взрывает однородную самодостаточность этого «поля» и являет лицо Другого, которое отсылает к еще не существующему, но возможному миру. Концепт тут открывает перспективу коммуникации между разными реальностями, он берет на себя функции синаптических реалий Сурио. Но он же способен содействовать установлению новой формы существования. *Другой* — это обещание возможного мира. И это хорошо видно в контексте антропологии, где *Чужой* позволяет надеяться на открытие радикально иной культуры (то есть иного «поля»). Концепты возникают в однородном поле, размечая его на зоны, которые начинают обнаруживать признаки разнородности: «...каждый концепт осуществляет новое членение, принимает новые очертания, должен быть заново активирован или заново выкроен. <...> Действительно, любой концепт с конечным числом составляющих разветвляется на другие концепты, иначе составленные, но образующие разные зоны одного и того же плана, отвечающие на взаимно совместимые проблемы, участвующие в сотворчестве» [Делёз, Гваттари 2009, с. 24]. Это зонирование «поля» создает напряжение и динамику. Концепт — это именно тот модус существования, который динамизирует поле. Делёз и Гваттари любили в связи с этим говорить о территориализации и детерриториализации и разметке поверхностей значением.

То, что Делёз и Гваттари обозначили как относительно однородное «поле опыта», получило у них и специальную разработку, которая для меня особенно важна, так именно в области таких полей прежде всего и реализуют себя *формы реальности*. Они писали: «Философские концепты — это фрагментарные единства, не пригнанные друг к другу, так как их края не сходятся. Они скорее возникают из бросаемых костей, чем складываются в мозаику. Тем не менее они перекликаются, и творящая их философия всегда представляет собой могучее Единство — нефрагментированное, хотя и открытое; это беспредельная Всецелость (Un-Tout illimité), Omnitudo, вбирающая их все в одном и том же плане. Это как бы стол, поднос, чаша. Это и есть план консистенции или, точнее, план имманенции концептов, planoмен (le planomène)» [Делёз, Гваттари

2009, с. 43]. Концепты разрушают «всецелость» этого «планомена», но без него они бы не могли сложиться в систему, так и оставшись «фрагментарными единствами». Концепт и план имманенции взаимозависимы.

Почему Делёз и Гваттари называют это поле планом имманенции? Что представляет собой этот план? Речь идет о некоем сознании, которое носит дорефлексивный характер, то есть сознании, которое парадоксально лежит вне субъекта. Делёз, используя терминологию Канта, называет его «трансцендентальным полем», то есть неким полем, предшествующим сознанию и делающим последнее возможным: «Оно [трансцендентальное поле] может быть отличным от опыта в том, что оно не отсылает к объекту и не принадлежит субъекту (эмпирической репрезентации). Таким образом, оно являет себя как чистый не-субъективный поток сознания, качественная длительность сознания, лишенного себя. Может показаться странным, что трансцендентальное определяется таким непосредственно данным: по контрасту со всем тем, что составляет мир субъекта и объекта, мы будем говорить о трансцендентальном эмпиризме» [Deleuze 2001, p. 25]. Это то поле, внутри которого и происходит различение, позволяющее ощущать, воспринимать и мыслить. Само наличие этого дорефлексивного сознания становится различимым только тогда, когда в нем образуется различение субъекта и объекта.

Говоря об институции философии, Делёз и Гваттари описывают ее как необходимую комбинацию концептов, которые изобретаются, придумываются, и плана имманенции, который *устанавливается* (*création de concept et instauration du plan*). Философы тут заимствуют любимый термин Сурио: «Философия — это одновременно творчество концепта и установление плана. Концепт есть начало философии, план же — ее учреждение. Разумеется, план состоит не в какой-либо программе, чертеже, цели или средстве; это план имманенции, образующий абсолютную почву философии, ее Землю или же детерриториализацию, ее фундамент, на которых она творит свои концепты. Требуется и то и другое — создать концепты и учредить план, так же как птице нужны два крыла, а рыбе два плавника» [Делёз, Гваттари 2009, с. 50]. Поскольку план имманенции предшествует становлению субъекта, он не может быть изобретен, он может быть только дан без всякого участия Я, то есть без всякой точки зрения.

Но если он не может быть придуман, то он не может и иметь начала, *он всегда предшествует*. Сурио подчеркивал, что установление — *instauration* — происходит от латинского *restoration* — обновление, восстановление. План имманенции невозможен «первый раз», он всегда требует предшествования. Он возникает как повторение того, чего мы не можем помыслить. Латур и Стенгерс говорят об установлении как «движении *анафорического опыта*» [Stengers, Latour 2009, p. 10]. Делёз и Гваттари так формулируют саму суть связанной с этим опытом проблемы: «Можно сказать, что “настоящий” План

имманенции — это нечто такое, что должно быть мыслимо и не может быть мыслимо. Очевидно, это и есть немислимое в мысли. Это основа всех планов, имманентная каждому мыслимому плану, которому не дано самому ее помыслить. Это самое сокровенное в мысли и в то же время абсолютно внешнее. Будучи внешним, он отдаленнее любого внешнего мира, потому что он еще и внутреннее, которое глубже любого внутреннего мира; такова имманентность, “сокровенность как Внешнее — внешнее, ставшее удушающим вторжением внутрь, и взаимопревращение одного и другого”» [Делёз, Гваттари 2009, с. 70]. Сама идея трансцендентального-имманентного отсылает к этой немислимости одновременно внешнего и внутреннего. Но она же отражает и двойственность реальности, о которой идет речь, — сотворенной и одновременно предшествующей творению, придуманной и наличной без участия творца.

План имманенции может быть сравнен с фоном, необходимым для образования из него фигуры. Но при этом данный план может парадоксально пониматься и как *форма*, потому что он задает горизонт определенного модуса существования, внутри которого возможны зонирование, сближение и разделение фрагментов, хотя и разнородных, но сопоставимых именно как элементы единой формы. Это формальное единство и задается самим процессом установления, который делает поле «консистентным».

В книге «Формы реальности» обсуждаются такие планы консистентности и установления форм, позволяющих сопрягать человека и Другого, или Чужого, человека и окружающую среду и описывать морфологию «внутреннего мира», как результат проекции мира внешнего. Герои книги пытаются очертить эти формы, которые в моем представлении не имеют исключительно философского характера (как у Делёза и Гваттари), но относятся к сфере *антропологии*, то есть самосознания человека и сообщества. Конечно, антропология не может быть отделена от философии. Но ее отличие от философского подхода связано с постоянным интересом к эмпирическому, которое уже у Канта призвано дополнять в антропологии трансцендентальное.

Рассмотрение форм реальности, лежащих в основе антропологии (но часто и социологии и психологии), обнаруживает неожиданную их способность переходить из внешнего во внутреннее. Показательно, например, до какой степени психоанализ Лакана, обращенный к внутреннему устройству психики, заимствует элементы формы реальности из антропологии Леви-Строса или структурной лингвистики. Происходит постоянное синаптическое (по Сурио) движение из одного модуса существования в другой, и постоянные метаморфозы внешнего во внутреннее и наоборот, совершенно в соответствии с описанием плана имманенции, данным в труде «Что такое философия?». Форма внешнего мира погружается внутрь, поверхность, покрытая знаками — сфера письма — вдруг обнаруживает себя «внутри», но поверхность эта всегда готова провалиться в бездонную глубину.

* * *

Противоречивая связь внутреннего и внешнего издавна связана с образом зеркала — *speculum*. Зеркало, с одной стороны, всегда понималось как прибор, позволяющий увидеть себя, а с другой — как метафора мира и бога, которого, по выражению Апостола Павла из Первого послания к Коринфянам (13:12), «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан». Николай Кузанский подробно развил эту метафору. Сияние, в котором является бог, он называет «прямым, бесконечным, совершеннейшим зеркалом истины», а все творения — «разнообразно искривленными зеркалами» [Кузанский 1979, с. 310]. Среди разнообразных «природ» — искривляющих зеркал — наиболее близки к первоначальной ясности божественной геометрии «интеллектуальные природы». Однако, как пишет Кузанец, расхождение между искажающими зеркалами, искривленными природой нашей субъективности, и зеркалом истины может возникнуть схождение и адекватность взаимного отражения: «Если теперь какое-то разумное живое зеркало перенесется к первому зеркалу истины, в котором всё без ущерба светится истинно как есть, то зеркало истины вместе со всеми принятыми им в себя зеркалами перельется в разумное живое зеркало, и такое разумное зеркало примет в себя зеркальный луч зеркала истины, несущего в себе истину всех зеркал, — конечно, примет в своей мере, но в тот момент вечности это живое зеркало, как бы живой глаз, вместе с принятием лучей сияния от первого зеркала в нем же, зеркале истины, увидит само себя, как оно есть, и в себе — опять-таки по-своему — увидит все другие зеркала» [Там же]. Этот момент как раз и есть момент совпадения трансцендентального (и трансцендентного) и имманентного, внешнего и внутреннего, снимающий различие между «вовне» и «внутри».

Наука оптики, восходившая еще к Античности, изучала распространение световых лучей, их преломление в разных средах, и в частности отражение в зеркалах. В средневековой Европе, однако, оптика стала приспособливаться к теологической проблеме прямого и неискаженного видения божественной истины. Так, например, доминиканский теолог из Флоренции Антонино Пьероцци (1389–1459) в своей «Сумме теологии» рассуждал о возможности достижения правильного геометрического «истинного» (с точки зрения средневекового платонизма) зрения при переносе геометрии оптики в живопись. По мнению Сэмюэля Эджертон, такого рода теологические спекуляции лежат в основе изобретения во Флоренции линейной перспективы, которая была «открыта» Филиппо Брунеллески с помощью изображения, соединенного с зеркалом. Тот же Эджертон утверждает, что переход от зеркальной перспективы (*perspectiva naturalis* или *communis*) к живописной перспективе, известной как *perspectiva artificialis*, был переходом от теологического понимания адекватности зрения истине к живописному реализму [Edgerton 2009]. Этот переход,

который он относит примерно к 1480 году, был кодифицирован Альберти, как известно, заменившим метафору зеркала на метафору окна. Эйлин Ривс показала, что даже изобретение телескопа Галилеем прошло через метафору зеркала, восходящую к истории «звездного зеркала» (*speculum constellatum*), придуманного исповедником Генриха IV Пьером Котоном [Reeves 2010, p. 167–182]. Речь и тут, вероятно, шла о переходе от теологической метафоры к оптике в современном ее понимании. Джеймс Елкинс идет еще дальше и утверждает, что Вазари и даже Дюрер понимали альбертиевскую «фигуру окна» в контексте средневековой традиции оптических приборов *perspectiva naturalis*, а не геометрии перспективных конструкций на холсте [Elkins 1994, p. 40–50].

Между зеркалом и «оптическим прибором» вроде окна, однако, есть существенная разница. Окно не отражает смотрящего, оно открывается вовне и предполагает продолжение внешнего пространства в той комнате, в которой находится наблюдатель или художник. При этом внешнее и внутреннее тут разнородны. Как замечает Ханс Белтинг, в голландской живописи эпохи Возрождения «в окне известное нам пространство эмпирического мира отделяется от неизвестного пространства, в которое мы можем заглянуть, но которое мы не в состоянии постигнуть. Это другое *пространство* позволяло символизировать другой *мир*» [Belting 2014, p. 140]. Действительно, окно (в отличие от двери) отделено от внешнего мира непроходимой стеной, что позволяет символизировать внешнее как онтологически другое. Не случайно на классических обманках речь идет о создании иллюзии выбухания детали из границы, отделяющей внешний мир (окно, рама) в пространство, где находится зритель. Тем самым подчеркивается однородность, но и онтологическая разнородность внешнего и внутреннего одновременно. Кроме того, живопись, понимаемая как окно, всегда репрезентирует невидимое в данный момент, отсутствующее. Эта живопись поэтому может быть отнесена к категории *знаков*. Зеркало же повторяет то, что перед ним, и не имеет продолжения в чужеродном для него пространстве. Живописная иллюзия позволяет создать эффект продолжения внешнего во внутреннем, проекции извне внутрь. В зеркале мы отражаем (глаз как зеркало) и отражаемся вместе с миром, проецируем себя вовне и вбираем внешнее в себя.

В одной из своих рабочих тетрадей Эдгар Дега оставил важную запись: «Изучать фигуру или какой-нибудь предмет со всех точек зрения. Для этого можно воспользоваться зеркалом; тогда сам не будешь менять место, а будешь опускать, наклонять или передвигать зеркало. <...> Построить в зале ступени амфитеатром, чтобы приучиться изображать предметы и сверху и снизу; писать только отражение предметов в зеркале, чтобы возненавидеть иллюзорность» [Мастера искусств об искусстве 1969, с. 41]. Иллюзорность не очень точно передает смысл сказанного художником. В оригинале употреблено *trompe*

l'oeil, то есть именно «обманка», создающая эффект разрыва с репрезентацией и одновременно продолжения репрезентированного пространства в том пространстве, где размещается художник или зритель.

Эти записи интересны желанием художника вернуться к модели зеркала и отказаться от модели окна. Прежде всего, в зеркале исчезает точка зрения. Оно движется, опускается и поднимается. Художник стремится утратить точку зрения, которая позволяет создать внутри репрезентации иллюзию реальности, обещанную *perspectiva artificialis*. Дега хочет вернуться к размытой адекватностью зеркального зрения *истине*, которая проявляется в некоем интеллектуальном синтезе, создающем возможность постепенного прояснения. Не случайно он записывает: «...научиться запоминать формы и выражение и никогда не рисовать и не писать непосредственно с натуры» [Мастера искусств об искусстве 1969, с. 41]. Фигура должна стать результатом интеллектуального синтеза, в котором сквозь множественность аспектов проступает ее истинность. Нечто сходное говорил и Николай Кузанский: «Чем оно (внутреннее зеркало) само будет проще, свободнее, яснее, чище, прямее, правильнее и истиннее, тем чище, радостнее и истиннее оно будет созерцать в себе божественную славу и всю Вселенную» [Кузанский 1979, с. 310]. Происходит расширение горизонта, в котором художник расплывается на необъятности видимого. Именно в таком расплывании точка зрения, идентифицируемая с Я, исчезает в проекции на внешнее. Тут в каком-то смысле восстанавливается неотличимость внутреннего от внешнего, о которой говорил Кузанец.

Отражение в зеркале не может пониматься как знак, отсылающий к чему-то отсутствующему, знак, заменяющий невидимый референт. Как заметил Умберто Эко, отражение не может пониматься и как картинка, так как не имеет никакой материальности: «...оно не заменяет чего-то, наоборот, оно располагается *перед* чем-то, оно существует не вместо, но благодаря присутствию чего-то; когда это что-то исчезает, псевдоизображение в зеркале исчезает тоже» [Есо 1976, р. 202]. Зеркало есть продолжение наличной материальности в нематериальном мире, без того разрыва, который предполагает окно.

Хорошей аллегорией такого странного раскачивающегося зеркала, превращающего видимое в живопись, можно найти в картине Каспара Давида Фридриха, известной в российской литературе как «Большое болото под Дрезденом» (*das Große Gehege bei Dresden, 1831–1832*) (см. рисунок). Я бы назвал его иначе (и, на мой взгляд, точнее) — «Большой предел».

В высказываниях самого Фридриха часто повторяется тот же, что и у Дега, мотив неприязни к живописному иллюзионизму: «Как ни старайся человек передать действительность как можно натуральнее (чего при больших усилиях и исключительном прилежании можно и достичь), все равно результат никогда не оправдает надежд, более того, конечное впечатление будет не только не радостное, а, скорее, отталкивающее. Всякий обман производит такое же

мерзкое впечатление, как и мошенничество» [Мастера искусств об искусстве 1967, с. 415]. Вместо обманок и иллюзий художник должен искать *истину*, которая дается ему только при подавлении раздутой субъективности, когда он превращает себя в чистое и незамутненное зеркало: «Непосредственное впечатление никогда не противоречит природе, оно всегда находится с ней в соответствии. <...> Но подобно тому, как только чистое, ничем не запятнанное зеркало может отразить невинно-чистый образ, так подлинное произведение искусства может зародиться в одной только чистой душе» [Там же, с. 411]. И хотя Фридрих как будто стоит на антиинтеллектуальных позициях, в сущности он близок Дега, так как и у него чистота и ясность впечатления всегда укоренены в память и синтез.

Каспар Давид Фридрих. Большое болото около Дрездена (1832). 1025 × 735 см.
Галерея «Новые мастера». Государственное художественное собрание Дрездена. Дрезден.
Германия

The Grosse Gehege Near Dresden by Caspar David Friedrich (1832). w1025 × h735 cm.
New Masters Gallery, Dresden State Art Collections Dresden, Germany

Источник: [Friedrich 2022]

Открытость истине предполагает размывание точки зрения и предельное расширение горизонта. В картине Фридриха отмели Эльбы представлены как зеркальное отражение облаков. Облака в небе над Эльбой как бы слегка

выгнуты дугой, а отмели Эльбы также прорисовывают явный сферообразный изгиб. Картина напоминает два полусферических зеркала, обращенных друг к другу подобно двум глазам, отражающим мир и друг друга. Но это взаимное отражение вовсе не отсылает к зрению¹.

Вспоминается «Слепой» Ходасевича:

А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок, забор, корова,
Ключья неба голубого —
Всё, чего не видит он.

Ричард Вольхайм, отмечая, что точка зрения картины оторвана от земли и помещена в неопределенном пространстве, пишет, что Фридрих «заходит так далеко, что умудряется феноменально представить закругление Земли» [Wollheim 1992, p. 136]. Речь тут действительно идет о погружении мира — предельно внешней сферы существования — внутрь неопределенного поля зрения. И это погружение обеспечивается взаимным отражением небесного и земного «зеркал». Различие между внутренним и внешним тут почти стирается. Неопределенность локализации точки зрения, отмеченная Вольхаймом, связана с тем, что точка схода перспективы «Большого предела» находится там, где горизонт заслонен деревьями. А геометрия представленного пространства не позволяет точно определить место этой точки, так как прямолинейные, сходящиеся воедино линии тут уступают место кривым, на основе которых *perspectiva artificialis* плохо прорисовывается. К тому же все представлено так, как если бы точка зрения художника была расположена не против деревьев на горизонте, а поднята в небо, обеспечивая обзор с большой высоты. Полу-прикрытая линия горизонта, отделяющая реку от неба, также лишена геометрической определенности.

То, как Фридрих помещает неохватное *внешнее внутрь*, связано с характерной для него техникой *замыкания* (отсюда мотив *предела*). Джозеф Кернер в своем исследовании творчества Фридриха подчеркивает, что видимая передача тотальностей всегда связана у него с такими замыканиями и пределами, которые могут иногда принимать обличье рамок. Такая замкнутость создается, например, взаимным отражением двух сферических зеркал. По мнению Кернера, в своем позднем творчестве «Фридрих открывает, что лежащее на пределе

¹ Карла Готтлиб показала, что сферическое зеркало обыкновенно в североевропейской живописной традиции может отсылать к сфере в руке Христа в иконографии *Salvator Mundi*. Любопытно, что она проследила мотив, отраженный в зеркале этих сфер, в которых часто отражается окно — символ света, идущего от Христа, притом что крестообразный переплет окна — символ креста и спасения [Gottlieb 1982; Gottlieb 1975]. Окно тут совершенно не маркирует внешнее и никак, конечно, не соотносится с окном Альберти.

его системы, в разрыве пейзажного пространства, — это не трансцендентность, находящаяся по ту сторону мира, но лишь возвращение и повторное присвоение взаимного бытия в этом мире» [Koerner 1990, p. 145]. Речь, собственно, идет о мистической двойственности линии горизонта, которая одновременно отсылает к *бесконечности* и к *конечности* нашего зрения.

Дидье Малёвр в своей книге о горизонте справедливо замечает, что горизонт, ограничивая наше зрение, помещает наблюдателя внутрь, исключая позицию божественного наблюдателя где-то в небе (которую предполагает картина Фридриха). И хотя точка зрения на «Большой предел» как будто воспаряет в небо, она не выходит за рамки этой поэтики погружения бесконечного внутрь. Малёвр пишет о Фридрихе, что у него передается ощущение «погружения человека в пейзаж» (the immersive experience of man in the landscape) [Maleuvre 2011, p. 241]. А отсюда следует и радикальный вывод: «...художник не должен искать наилучшего вида пейзажа (to cast the best view of the landscape), потому что такого не существует. Пейзаж — это не то, что некто видит, это то, в чем находятся» [Ibid., p. 242].

Форма «Большого предела» — это форма, в которой два глобальных зеркала (неба и земли), к которым сводится мир, не просто отражают друг друга, но замыкаются (в том числе и линией горизонта) в такую *замкнутую развернутость*, которая позволяет внешнему переходить во внутреннее и наоборот. Картина Фридриха позволяет ощутить эту метаморфозу лучше, чем любое словесное описание. Но сама проблематика замкнутых необъятных тотальностей, которую мы находим в искусстве, есть всего лишь отражение тех «синаптических» форм реальности, о которых говорил Сурио и без которых невообразимо наше существование в мире.

Список литературы

- Делёз, Гваттари 2009 — Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М. : Академический проект, 2009. 261 с.
- Кант 1994 — Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. : юбилейное издание 1794–1994. Т. 3 : Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского ; под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : ЧОРО, 1994. 740 с.
- Кузанский 1979 — Кузанский Н. О богосыновстве // Кузанский Н. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / пер. З. А. Тажуризиной, А. Ф. Лосева, В. В. Бибихина. М. : Мысль, 1979. С. 303–321.
- Мастера искусства об искусстве 1967 — Мастера искусства об искусстве : избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов : в 7 т. Т. 4 : Первая половина XIX века / под ред. И. Л. Маца, Н. В. Яворской. М. : Искусство, 1967. 622 с.
- Мастера искусства об искусстве 1969 — Мастера искусства об искусстве : избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов : в 7 т. Т. 5 : Искусство конца XIX — начала XX века. Кн. 1 / под ред. И. Л. Маца, Н. В. Яворской. М. : Искусство, 1969. 541 с.
- Пессоа 2018 — Пессоа Ф. Книга непокоя / пер. с португ. А. Дунаева. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 446 с.

- Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993. С. 192–220.
- Ямпольский 2019 — *Ямпольский М.* Изображение. Курс лекций. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.
- Ямпольский 2020 — *Ямпольский М.* Ловушка для льва. Модернистская форма как способ мышления без понятий и «больших идей». СПб. : Сеанс, 2020. 560 с.
- Bataille 1970 — *Bataille G.* Informe // Bataille G. Œuvres complètes : en 12 vol. Vol. I : Premiers écrits (1922–1940) ; Histoire de l'œil ; L'Anus solaire ; Sacrifices ; Articles / sous la dir. de D. Hollier, préface de M. Foucault. Paris : Gallimard, 1970. P. 217.
- Belting 2014 — *Belting H.* Miroir du monde. L'invention du tableau dans les Pays-Bas. Paris : Hazan, 2014. 255 p.
- Bloch 1986 — *Bloch E.* The Principle of Hope : in 3 vols. Vol. 1. Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1986. 528 p.
- Deleuze 2001 — *Deleuze G.* Pure Immanence: Essays on A Life. New York : Zone Books, 2001. 102 p.
- Eco 1976 — *Eco U.* A Theory of Semiotics. Bloomington : Indiana University Press, 1976. 368 p.
- Edgerton 2009 — *Edgerton S. Y.* The Mirror, the Window, and the Telescope: How Renaissance Linear Perspective Changed our Vision of the Universe. Ithaca : Cornell University Press, 2009. 199 p.
- Elkins 1994 — *Elkins J.* The Poetics of Perspective. Ithaca : Cornell University Press, 1994. 324 p.
- Friedrich 2022 — Caspar David Friedrich. Das Grosse Gehege bei Dresden (The Great Enclosure near Dresden) [Electronic resource] // The Athenaeum. URL: <http://www.the-athenaeum.org/art/full.php?ID=122255> (access date: 12.01.2022).
- Gauchet 1985 — *Gauchet M.* Le désenchantement du monde. Une histoire politique de la religion. Paris : Gallimard, 1985. 336 p.
- Gottlieb 1975 — *Gottlieb C.* The Window in the Eye and Globe // The Art Bulletin. 1975. Vol. 57. No. 4. P. 559–560. DOI: 10.1080/00043079.1975.10787215.
- Gottlieb 1982 — *Gottlieb C.* The Window in the Soap Bubble as Illustration of Psalm 26 // Wallraf-Richartz-Jahrbuch. 1982. Vol. 43. P. 123–126.
- Koerner 1990 — *Koerner J. L.* Caspar David Friedrich and the Subject of Landscape. London : Reaktion Books, 1990. 256 p.
- Lapoujade 2017 — *Lapoujade D.* Les existences moindres. Paris : Les Éditions de Minuit, 2017. 96 p.
- Lawlor 2011 — *Lawlor L.* A Note on the Relation between Étienne Souriau's *L'Instauration philosophique* and Deleuze and Guattari's *What is Philosophy?* // Deleuze Studies. 2011. Vol. 5 (3). P. 400–406. DOI: 10.3366/dls.2011.0028.
- Maleuvre 2011 — *Maleuvre D.* The Horizon: A History of Our Infinite Longing. Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 2011. 392 p.
- Portmann 1967 — *Portmann A.* Animal Forms and Patterns: A Study of the Appearance of Animals. New York : Schocken Books, 1967. 254 p.
- Reeves 2010 — *Reeves E.* Complete Inventions: The Mirror and the Telescope // The Origins of the Telescope / ed. by A. Van Helden, S. Dupré, R. van Gent et al. Amsterdam : KNAW Press, 2010. P. 167–182.
- Souriau 2009 — *Souriau E.* Les différents modes d'existence: Suivi de « Du mode d'existence de l'œuvre à faire » / présentation par I. Stengers, B. Latour. Paris : PUF, 2009. 220 p.
- Stengers, Latour 2009 — *Stengers I., Latour B.* Le sphinx de l'œuvre // Souriau E. Les différents modes d'existence: Suivi de « Du mode d'existence de l'œuvre à faire ». Paris : PUF, 2009. P. 1–75.
- Wollheim 1992 — *Wollheim R.* Painting as an Art. London : Thames and Hudson, 1992. 384 p.

References

- Bataille, G. (1970), "Informe", in Bataille, G. *Œuvres complètes, en 12 vol., Vol. I, Premiers écrits (1922–1940), Histoire de l'œil, L'Anus solaire, Sacrifices, Articles*, sous la dir. de Hollier, D., préface de Foucault, M., Gallimard, Paris, p. 217.
- Belting, H. (2014), *Miroir du monde. L'invention du tableau dans les Pays-Bas*, Hazan, Paris, 255 p.
- Bloch, E. (1986), *The Principle of Hope, in 3 vols, Vol. 1*, The MIT Press, Cambridge, Mass., 528 p.
- Cusanus, N. (1979), "On God-Sonship", in Cusanus, N., *Sochineniya, v 2 tomakh. Tom 1* [Written Works, in 2 vols, Vol. 1], translated by Tazhurizina, Z. A., Losev, A. F. and Bibikhin, V. V., Mysl', Moscow, pp. 303–321 (in Russian).
- Deleuze, G. (2001), *Pure Immanence: Essays on A Life*, Zone Books, New York, 102 p.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2009), *Qu'est-ce que la philosophie ?*, translated by Zenkin, S., Akademicheskii proekt, Moscow, 261 p. (in Russian).
- Eco, U. (1976), *A Theory of Semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, 368 p.
- Edgerton, S. Y. (2009), *The Mirror, the Window, and the Telescope: How Renaissance Linear Perspective Changed our Vision of the Universe*, Cornell University Press, Ithaca, 199 p.
- Elkins, J. (1994), *The Poetics of Perspective*, Cornell University Press, Ithaca, 324 p.
- Friedrich, C. D. (2022), *Das Grosse Gehege bei Dresden (The Great Enclosure near Dresden)*, The Athenaeum, available at: <http://www.the-athenaeum.org/art/full.php?ID=122255> (accessed 12 January 2022).
- Gauchet, M. (1985), *Le désenchantement du monde. Une histoire politique de la religion*, Gallimard, Paris, 336 p.
- Gottlieb, C. (1975), "The Window in the Eye and Globe", *The Art Bulletin*, vol. 57, no. 4, pp. 559–560. DOI: 10.1080/00043079.1975.10787215.
- Gottlieb, C. (1982), "The Window in the Soap Bubble as Illustration of Psalm 26", *Wallraf-Richartz-Jahrbuch*, vol. 43, pp. 123–126.
- Heidegger, M. (1993), "Über den Humanismus", in Heidegger, M., *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya* [Time and being. Articles and speeches], translated by Bibikhin, V. V., Respublika, Moscow, pp. 192–220 (in Russian).
- Kant, I. (1994), *Sobranie sochinenii, v 8 tomakh. Tom 3, Kritika chistogo razuma* [The Collected Works, in 8 vols, Vol. 3, Critique of pure reason], translated by Losskii, N. O., commemorative edition 1794–1994, ChORO, Moscow, 740 p. (in Russian).
- Koerner, J. L. (1990), *Caspar David Friedrich and the Subject of Landscape*, Reaktion Books, London, 256 p.
- Lapoujade, D. (2017), *Les existences moindres*, Éd. de Minuit, Paris, 96 p.
- Lawlor, L. (2011), "A Note on the Relation between Étienne Souriau's *L'Instauration philosophique* and Deleuze and Guattari's *What is Philosophy?*", *Deleuze Studies*, vol. 5 (3), pp. 400–406. DOI: 10.3366/dls.2011.0028.
- Maleuvre, D. (2011), *The Horizon: A History of Our Infinite Longing*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 392 p.
- Mats, I. L. and Yavorskaya, N. V. (1967), *Mastera iskusstva ob iskusstve, izbrannye otryvki iz pisem, dnevnikov, rechei i traktatov, v 7 tomakh. Tom 4, Pervaya polovina XIX veka* [Masters of Art on Art: Selected Extracts from Letters, Diaries, Speeches, and Treatises, in 7 vols, Vol. 4, First half of the 19th century], Iskusstvo, Moscow, 622 p. (in Russian).
- Mats, I. L. and Yavorskaya, N. V. (1969), *Mastera iskusstva ob iskusstve, izbrannye otryvki iz pisem, dnevnikov, rechei i traktatov, v 7 tomakh. Tom 5, Iskusstvo kontsa XIX — nachala XX veka, Kniga 1* [Masters of Art on Art: Selected Extracts from Letters, Diaries, Speeches, and Treatises, in 7 vols, Vol. 5, Art of the late XIX — early XX century, book 1], Iskusstvo, Moscow, 541 p. (in Russian).
- Pessoa, F. (2018), *Livro do Desassossego*, translated by Dunaev, A., Ad Marginem Press, Moscow, 446 p. (in Russian).
- Portmann, A. (1967), *Animal Forms and Patterns: A Study of the Appearance of Animals*, Schocken Books, New York, 254 p.

- Reeves, E. (2010), "Complete Inventions: The Mirror and the Telescope", in Van Helden, A., Dupré, S., van Gent, R. and Zuidervaart, H. (eds), *The Origins of the Telescope*, KNAW Press, Amsterdam, pp. 167–182.
- Souriau, E. (2009), *Les différents modes d'existence: « Suivi de Du mode d'existence de l'œuvre à faire »*, présentation par Stengers, I. et Latour, B., PUF, Paris, 220 p.
- Stengers, I. et Latour, B. (2009), "Le sphinx de l'oeuvre", in Souriau, E., *Les différents modes d'existence: « Suivi de Du mode d'existence de l'œuvre à faire »*, PUF, Paris, pp. 1–75.
- Wollheim, R. (1992), *Painting as an Art*, Thames and Hudson, London, 384 p.
- Yampol'skii, M. (2019), *Izobrazhenie. Kurs lektsii* [Image. A Course of Lectures], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 424 p. (in Russian).
- Yampol'skii, M. (2020), *Lovushka dlya l'va. Modernistskaya forma kak sposob myshleniya bez ponyatii i «bol'shikh idei»* [The Lion Trap. A Modernist Form as a Way of Thinking without Concepts and "Big Ideas"], Seans, Saint Petersburg, 560 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 4.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 18.02.2022

Информация об авторе

Ямпольский Михаил Бениаминович
доктор искусствоведения, профессор
Нью-Йоркский университет
10003, США, Нью-Йорк, 3 Fl,
Университетская пл., 19
E-mail: mi1@nyu.edu

Information about the author

Iampolski, Mikhail Beniaminovich
D. Sci. (History of Art), Professor
New York University
19 University Place, 3 Fl, New York 10003
USA
E-mail: mi1@nyu.edu

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

Социокультурные практики жизнеобеспечения

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.039

УДК 613.2 + 159.938.355

ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ФУНКЦИИ

Н. Л. Антонова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Д. М. Латышев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье предложены социологическое осмысление и интерпретация практик питания как системы действий и взаимодействий индивидов и групп, нацеленных на удовлетворение естественной потребности в пище, обусловленной социальными нормами. Практики питания выступают продуктом культуры общества и вписаны в образ жизни социальных общностей, формируя социальную реальность. Культура питания представляет собой устойчивую стандартизированную модель, однако в условиях продуктового изобилия она модифицируется в соответствии с меняющимся отношением к еде, появлением новых вкусов и технологий приготовления блюд. Процессы аккультурации охватывают и пищевое поведение, актуализируя определенные национальные кухни и практики питания. Существующие стереотипы, касающиеся практик питания, с одной стороны, упрощают «правила поведения», но, с другой стороны, могут выступать барьерами, тормозящими их развитие. Утверждается, что практики питания регламентируются и контролируются социальными группами и институтами. Выделены функции практик питания: статусная, идентификационная, психоэмоциональная, регулятивная, коммуникативная и функция социализации. Наряду с явными функциями

практик в современных общественных системах наблюдаются и скрытые (латентные) функции, одной из которых является воспроизводство социального неравенства. Предложена типологизация практик питания: индивидуальные и групповые; домашние и внедомашние; повседневные и событийные; рискованные и безопасные; национально-этнические/конфессиональные (религиозные) и универсальные; соответствующие и не соответствующие статусно-ролевому положению индивида/группы. Усложняющаяся структура общества, новые глобальные вызовы трансформируют старые и формируют новые виды пищевого поведения, преобразуя социальную жизнь.

Ключевые слова: практики питания, культура питания, функции практик питания, виды практик питания.

Для цитирования: Антонова Н. Л., Латышев Д. М. Практики питания: понятие, виды, функции // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 51–61. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.039

FEEDING PRACTICES: TERM, TYPES, AND FUNCTIONS

N. L. Antonova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

D. M. Latyshev

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper offers the sociological conceptualization of feeding practices and its interpretation as a system of actions and interactions between persons and groups aimed at satisfying their natural need for food determined by social norms. These practices act as a culture product and are embedded in social collectives' lifestyle constructing social reality. Dietary culture represents a sustainable standardized model. However, in the context of food abundance, it modifies due to new tastes, changing food attitudes and nutrition technologies. Acculturation processes actualizing national cuisines and feeding practices determine feeding behaviour. On the one hand, the existing stereotypes relating to feeding practices simplify 'rules of conduct'. On the other, they can serve as barriers that hinder their development. The authors argue that social groups and institutes govern and control feeding practices. The paper singles out the following functions of feeding practices: status, identification, psycho-emotional, regulative, communication and socialization functions. Moreover, the authors stated that in modern social systems there also exist latent functions, one of them being social inequality reproduction. This paper offers a typology of feeding practices: individual and collective, home and out-of-home, everyday and ceremonial, hazard and safe, ethnic/religious

and universal, and other feeding practices. The increasingly sophisticated social structure, new global challenges are converting old and shaping new types of dietary behavior, thus transforming social life.

Key words: feeding practices, food culture, feeding practices functions, feeding practices types.

For citation: Antonova, N. L. and Latyshev, D. M. (2021), “Feeding practices: the concept, types, and functions”, *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 51–61 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.039

Практики питания в последние десятилетия не только волнуют умы представителей медицинского сообщества, но и становятся предметом исследования культурологов, философов, психологов, социологов. Усложняющаяся структура общественной системы, трансформации, коснувшиеся практически всех сфер жизнедеятельности, меняют и повседневные практики питания индивидов и групп.

Современное общество — это общество продуктового изобилия [Носкова 2014, с. 211]. В нем практики питания приобретают новые знаки и смыслы, наделяются иными ценностями и формируют особые маркеры идентичности и ритуалы. Несмотря на тот факт, что базовая функция питания — это насыщение организма веществами, необходимыми для его жизнедеятельности (белки, жиры, углеводы и т. д.), нормального функционирования всех органов и систем человека, сегодня питание — это и инструмент социализации, и форма интеграции индивидов в группы, и способ коммуникации между людьми.

Практики питания — это продукт культуры общества. Раскрывая суть материалистического подхода к питанию, Ю. В. Веселов отмечает, что в истории питания можно выделить четыре «продовольственные революции»: первая связана с переходом к мясной пище, вторая — с земледелием и скотоводством, третья — с географическими открытиями и становлением мировой системы производства продуктов, четвертая — с массовым производством и потреблением продуктов питания в индустриальном обществе [Веселов 2015, с. 102]. Согласно К. Леви-Стросу, развитие культуры — это переход от сырой пищи к пище приготовленной [Леви-Строс 1999]. Исследуя мифы, французский исследователь рассматривал разные режимы питания. В частности, рассуждая о напитках, автор пишет о простой человеческой пище, определяя ее как сырую, и пищу, приготовленную на основе брожения и гниения.

Что касается культуры питания, то, по мнению М. В. Капкан и Л. С. Лихачевой, она характеризует пищевые привычки культурной общности [Капкан, Лихачева 2008]. Нельзя не согласиться с оценкой исследователя, однако считаем, что данный подход требует расширения и углубления. Культура питания,

несомненно, базируется на социальных нормах, традициях/обычаях, что позволяет рассматривать ее как устойчивую стандартизированную модель. Например, состав питания в армии варьируется в зависимости от гипокINETической и гиперкинетической деятельности военнослужащих: при гипокINETической деятельности рекомендуются к употреблению жирорастворимые витамины, а при гиперкинетической деятельности — регулярный питьевой режим и водорастворимые витамины [Волченкова, Келехсашвили, Соколова 2019].

Вместе с тем продуктивное разнообразие может менять вкусовые предпочтения индивидов и групп. Например, сегодня актуализируется производство замороженных готовых блюд, к которым создаются новые композиции соусов, формирующих новые свойства и качества разрабатываемых готовых блюд [Бурова 2017, с. 63]. Кроме того, в условиях глобализации можно наблюдать процессы аккультурации, меняющие привычные практики питания. Так, сегодня востребованы национальные блюда разных стран мира — японские, итальянские, вьетнамские и др. Культура питания может быть национальной или унифицированной, она также может дифференцироваться по климато-географическим характеристикам (тропики, субарктика и другие), может различаться по уровню урбанизации (сельская, городская), может служить маркером принадлежности индивида к определенной социальной группе.

Практики питания включены в образ жизни индивида/социальной общности как системы устойчивых действий и взаимодействий, нацеленных на удовлетворение, прежде всего, естественных биологических потребностей человека в пище, а также на реализацию широкого спектра социальных потребностей. Данный подход органично вписывается, на наш взгляд, в концепцию, предложенную российским социологом А. А. Возьмителем, согласно которой образ жизни предстает как «процесс конструирования людьми социальной реальности, в результате которой возникает упорядоченность повседневной жизни» [Возьмитель 2017, с. 26]. Например, согласно исследованиям Ю. А. Овсянникова, население, у которого есть возможность выращивать садово-огородные культуры и употреблять плодово-овощные культуры, обладает более полноценным рационом питания в отличие от тех, кто не имеет такой возможности [Овсянников 2018].

Практики питания — это неотъемлемый компонент образа жизни, их отсутствие ведет к снижению защитных сил организма, негативным последствиям для человека в целом. Вместе с этим разные социальные группы могут использовать разные модели питания, тем самым формируя социальную реальность через повседневные действия и взаимодействия. Так, развивается индустрия общественного питания, ориентированная на семьи с детьми: кафе и рестораны предлагают детские меню, игровую зону для детей. Соответственно формируется образ жизни, в котором для индивида становится приоритетным посещение мест общественного питания. Иной образ жизни складывается в семьях

с низким социально-экономическим статусом. Как показывают исследования Р. Садыкова и Ю. Мигуновой, в многодетных семьях качество питания является низким по сравнению с домохозяйствами, где на иждивении находится один или два ребенка [Sadykov, Migunova 2017]. Соответственно, практики питания в таких семьях будут другими: такие семьи будут питаться дома и иметь ограниченные финансовые ресурсы на покупку продуктов питания.

Большую роль, на наш взгляд, в практиках питания играют социальные нормы и предписания, а также традиции и обычаи. Практики питания, связанные с какими-либо событиями, ритуализированы; на поминках принято предлагать определенные регламентированные событием блюда и напитки; на ужинах/обедах, посвященных дню рождения, обязательным элементом выступает торт/десерт; на официальных банкетах/застольях/фуршетах меню составляется в соответствии с представлениями о престиже, статусе, моде, имеет место и особый этикет, и эстетическое оформление стола, и рассадка гостей.

Необходимо отдельно остановиться и на стереотипах, которые циркулируют в практиках питания. Выступая «фактором детерминации жизнедеятельности как отдельных индивидов, так и целых общностей» [Меренков 2001], стереотипы, с одной стороны, упрощают «правила поведения», но, с другой стороны, в условиях нарастающих изменений могут выступать барьерами, «тормозить» развитие практик питания. В частности, в коллективах со скрытым сексизмом распространены высказывания, что кулинарными профессионалами являются мужчины или что основная деятельность женщин сосредоточена на кухне. Эти и другие стереотипы искажают современные практики питания. В обществе мы наблюдаем, что предписываемые роли в приготовлении еды трансформируются.

В повседневной социальной реальности разные социальные группы модифицируют практики питания. Широкое распространение среди таких практик получило использование доставки блюд из кафе или ресторанов, продажи готовой еды в продуктовых супермаркетах. Повседневность индивида «облегчена», высвобождено время (это касается, прежде всего, женщин), затрачиваемое на приготовление пищи, которое можно использовать для досуговой деятельности.

Тем не менее практики питания регламентируются и контролируются социальными группами и институтами; при этом степень контроля может быть различной. При изучении основных медицинских рекомендаций [Роспотребнадзор 2019] легко обнаружить, что сотрудниками Роспотребнадзора делается акцент на естественном употреблении белков, жиров, углеводов, масел и других веществ, большем употреблении овощей, фруктов (более 600 г в сутки), орехов, мясной и рыбной продукции, которые необходимы для поддержания организма (масса порций в сумме более 400 г в день, при этом менее 50 г — сахаров

и менее 5 г соли, менее 30 % употребляемых калорий должно употребляться из жиров). При этом рекомендуются ограничения в употреблении сладкого, соленого, жареного, кондитерских изделий и алкоголя.

В детских образовательных организациях — детском саду и школе — режим питания ребенка организован и структурирован в соответствии с требованиями СанПиНа. Дети должны получать сбалансированное и разнообразное питание в соответствии с рекомендациями Федерального исследовательского центра питания, биотехнологии и безопасности пищи. В семье режим и структура питания могут быть нарушены. Как отмечают исследователи, данное нарушение может быть связано с недостаточным потреблением качественных и безопасных продуктов в семьях, имеющих низкий доход [Егорышев, Садыков, Мигунова 2019]. С другой стороны, отсутствие в семье культуры питания ведет к несбалансированному потреблению пищи: режимы потребления фаст-фуда и «перекусов на ходу», включаясь в повседневные модели функционирования семьи, воспроизводятся подрастающими детьми и становятся устойчивыми практиками питания. Результаты наших исследований показывают, что студенческая молодежь не контролирует свое питание [Антонова, Меренков 2016].

Вместе с тем в современных общественных системах воспроизводятся практики питания, которые жестко регламентированы предписаниями, за невыполнение которых наступают санкции. Если, например, диетарные нормы индивид не выполняет, то санкции практически отсутствуют — ответственность несет исключительно индивид. Иная ситуация возникает в реализации пищевого поведения религиозных общностей, для которых религиозно санкционированная пища наделена высшими ценностями и соответствующей символикой (например, хлеб и вино в христианстве понимаются как плоть и кровь Иисуса Христа). В религиозоведческой литературе данные представления называются эскариальными верованиями [Муравьев 2012], которые закреплены в священных текстах той или иной религии. Благодаря этим представлениям производится перемена статуса пищи из биологического в культурный [Левкиевская 2011] с определенной религиозной ценностью. Кроме того, представления формируют систему запретов по отношению к религиозным практикам питания. Так, свинина и алкоголь у мусульман запрещены, а православные в сочельник не должны употреблять пищу, пока в небе не появится первая звезда. В основе пищевых запретов ценностно-нормативная дихотомия: низменное противопоставляется возвышенному, земное — божественному. Страх нарушить волю Бога, опасения, что пищевое поведение может оскорбить Его, становятся, прежде всего, морально-нравственными регуляторами религиозных практик питания. В этом смысле в духе М. Фуко можно утверждать, что религия становится дисциплинарным институтом, власть которого недоступна для общественности, она невидима, и подчинение ей заложено априори [Фуко 2015].

Представленный выше анализ позволяет нам определить социальные функции практик питания. К их числу отнесем следующие. Статусная функция — практики питания воплощают собой репертуар предпочтений индивида, указывают на его стиль питания [Костина 2014] и принадлежность к определенной статусной группе [Бурдьё 2004]. С этой задачей тесно связана идентификационная функция — практики питания выступают маркером принадлежности человека к той или иной социальной группе, указывают на его социально-экономический статус и убеждения. Следующая функция — психоэмоциональная, позволяющая в практиках питания уйти от девиантного поведения, способствуя психосоциальному развитию личности [Сорокин 1992]. Особое значение в практиках питания имеет регулятивная функция — выделение «правильной, полезной» и «неправильной, вредной» пищи. Коммуникативная функция, как отмечал классик социологии Г. Зиммель, способствует развитию общения между индивидами (например, застольные разговоры) [Зиммель 2010]. Функция социализации реализуется при коллективных практиках питания, в процессе таких практик в сознание индивида инкорпорируются коллективные образцы поведения, задаются нормы питания, касающиеся этикета, социальной организации, состава пищи и других аспектов. Представленные выше функции мы отнесем к явным в интерпретации Р. Мертон [Мертон 1994]. Существует и скрытая (латентная) функция практик питания — воспроизводство социального неравенства, на которое указывают современные исследователи [Зарубина 2014].

Опираясь на выделенные функции, можно типологизировать и виды практик, которые включают современные индивиды и группы в свой образ жизни. Типология позволяет структурировать практики, а также сформировать интерпретативные схемы, которые можно заложить в концептуальные модели эмпирико-прикладных социологических работ.

Во-первых, практики питания могут быть индивидуальными и групповыми. В этом случае в качестве критерия мы закладываем критерий субъекта — носителя практики. Индивид может совершать поедание пищи в одиночестве, а может делать это совместно с друзьями или родственниками.

Во-вторых, место приема пищи становится основанием для выделения практик питания дома и вне дома. При этом внедомашние практики питания будут включать в себя как посещение кафе/баров/ресторанов, так и употребление пищи на улице, у друзей/родственников, на рабочем месте, на природе.

В-третьих, практики питания могут быть повседневными и событийными в зависимости от формы/способа реализации. Повседневные практики питания отличает рутинизация (они опривычены), а событийные — длительная подготовка и организация.

В-четвертых, считаем целесообразным выделить практики питания, в основе которых — степень риска. Соответственно практики могут быть

рисковые и безопасные. К первому типу отнесем приготовление, например, нетипичных для региона проживания блюд, прием пищи в условиях, нарушающих санитарно-гигиенические нормы.

В-пятых, практики питания могут быть связаны с воспроизводством национальных/этнических/религиозных традиций/обычаев. В противовес этому типу следует выделить универсальные практики питания, характерные для больших совокупностей индивидов и групп. В этом случае критерием типологизации становится соблюдение социальных норм и предписаний определенных этнонациональных и конфессиональных групп.

В-шестых, еще одним основанием для выделения типов практик питания становятся социальные статусы и роли. В этом случае они могут быть разделены как соответствующие сложившимся в обществе представлениям (в том числе и стереотипам) о статусно-ролевом положении и как не соответствующие им.

Предложенная типологизация открыта для дальнейшего социологического моделирования, усложняющаяся структура общества, новые глобальные вызовы трансформируют старые и формируют новые виды пищевого поведения.

В целом исследовательский анализ позволил нам прийти к следующим выводам. Практики питания органично вписываются в социологическое знание и становятся предметом самостоятельного изучения. Социологический подход к анализу включает определение социальной сущности практик питания, их функций и видов. Практики питания можно рассматривать как системы действий и взаимодействий индивидов и групп, цель которых — удовлетворение естественной биологической потребности в пище, детерминированных социальными нормами. Полагаем, что практики питания представляют собой активный процесс преобразования социальной жизни индивидов и групп.

Список литературы

- Антонова, Меренков 2016 — Антонова Н. Л., Меренков А. В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 2 (85). С. 88–100.
- Бурдье 2004 — Бурдье П. Различение: социальная критика суждения / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 537–658.
- Бурова 2017 — Бурова Т. Е. Расширение ассортимента соусов к замороженным готовым блюдам // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12 (66). С. 63–67. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.017.
- Веселов 2015 — Веселов Ю. В. Повседневные практики питания // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С. 95–104.
- Возьмитель 2017 — Возьмитель А. А. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 4 (23). С. 13–44. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479.

- Волченкова, Келехсашвили, Соколова 2019 — Волченкова А. В., Келехсашвили Л. В., Соколова А. С. Гигиеническая оценка питания военнослужащих и членов их семей в условиях субарктической климатической зоны // Актуальные проблемы современной медицины : материалы III Дальневосточного медицинского молодежного форума, 2–4 октября 2019, Хабаровск. Хабаровск : Дальневосточный государственный медицинский университет, 2019. С. 311–314.
- Егорышев, Садыков, Мигунова 2019 — Егорышев С. В., Садыков Р. М., Мигунова Ю. В. Социальные практики питания детей в малообеспеченных российских семьях // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2019. Т. 19. № 3. С. 432–442. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442.
- Зарубина 2014 — Зарубина Н. Н. Практики питания как маркер и фактор социального неравенства в России: история и современность // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 46–62.
- Зиммель 2010 — Зиммель Г. Социология трапезы / пер. с нем. В. Бурлачука // Социология, теория, маркетинг. 2010. № 4. С. 187–192.
- Капкан, Лихачева 2008 — Капкан М. В., Лихачева Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции и факторы формирования // Известия УрГУ. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2008. Т. 55. № 15. С. 34–43.
- Костина 2014 — Костина А. В. Культурные аспекты потребления пищи // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана, 20–21 марта 2014, Екатеринбург / под общ. ред. Е. В. Грунт, А. В. Меренкова. Екатеринбург : УрФУ, 2014. С. 1055–1066.
- Леви-Строс 1999 — Леви-Строс К. Мифологии : в 4 т. Т. 1 : Сырое и приготовленное / пер. с фр. А. З. Акопяна, З. А. Сокулер. М. : СПб. : Университетская книга, 1999. 398 с.
- Левкиевская 2011 — Левкиевская Е. Е. Пища повседневная и пища ритуальная: механизмы переключения аксиологических кодов // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда : сборник / редкол.: Н. В. Злыднева (отв. ред.), П. В. Королькова, Н. М. Филатова. СПб. : Алетей, 2011. С. 37–47.
- Меренков 2001 — Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 290 с.
- Мертон 1994 — Мертон Р. К. Явные и латентные функции / пер. Ю. Асеева // Американская социологическая мысль : тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 379–448.
- Муравьев 2012 — Муравьев В. В. Эскариальные компоненты религиозных комплексов // Религиоведение. 2012. № 1. С. 89–98.
- Носкова 2014 — Носкова А. В. Питание: методологические подходы к исследованию и повседневные практики // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39). С. 209–218.
- Овсянников 2018 — Овсянников Ю. А. Особенности питания различных социальных групп Свердловской области // Аграрный вестник Урала. 2018. № 2 (169). С. 63–66.
- Роспотребнадзор 2019 — Рекомендации гражданам: здоровое питание [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия : сайт. 2019. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/activities/recommendations/details.php?ELEMENT_ID=11950 (дата обращения: 08.10.2021).
- Сорокин 1992 — Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 542 с.
- Фуко 2015 — Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 383 с.
- Sadykov, Migunova 2017 — Sadykov R. M., Migunova Yu. V. Everyday Children Feeding Practices in a Modern Russian Family // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10. P. 1594–1602.

References

- Antonova, N. L. and Merenkov, A. V. (2016), "A culture of students' health protection: the contradictions of its formation and development", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no. 2 (85), pp. 88–100 (in Russian).
- Bourdieu, P. (2004), "La Distinction: critique sociale du jugement", translated by Kirchik, O. I., in Radaev, V. V. (ed.), *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya, khrestomatiya sovremennoi klassiki* [West economic sociology, a compendium of modern classics], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, pp. 537–658 (in Russian).
- Burova, T. E. (2017), "Sauces product-line expansion for frozen ready dishes", *International Research Journal*, no. 12 (66), pp. 63–67. DOI: 10.23670/IRJ.2017.66.017.
- Egoryshev, S. V., Sadykov, R. M. and Migunova, Yu. V. (2019), "Social food practices of children in the low-income Russian families", *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no. 3, pp. 432–442 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442.
- Foucault, M. (2015), *Surveiller et punir. Naissance de la prison*, translated by Naumov, V., Ad Marginem Press, Moscow, 383 p. (in Russian).
- Kapkan, M. V. and Likhacheva, L. S. (2008), "Gastronomic culture: term, functions and forming factors", *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, vol. 55, no. 15, pp. 34–43 (in Russian).
- Kostina, A. V. (2014), "Food consumption cultural aspects", in Grunt, E. V. and Merenkov, A. V. (eds), *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya, XVII Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L. N. Kogana, 20–21 marta 2014, Ekaterinburg* [Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research, XVII International Conference in memory of Professor L. N. Kogan, Yekaterinburg, March 20–21, 2014], Ural Federal University, Yekaterinburg, pp. 1055–1066 (in Russian).
- Lévi-Strauss, C. (1999), *Mythologiques, in 4 vols, Vol. 1, Le Cru et le cuit*, translated by Akopyan, A. Z. and Sokuler, Z. A., Universitetskaya kniga, Moscow, Saint Peterburg, 398 p. (in Russian).
- Levkievskaya, E. E. (2011), "Everyday and ritual food: axiological codes moving mechanisms", in Zlydneva, N. V., Korol'kova, P. V. and Filatova, N. M. (eds), *Kody povsednevnosti v slavyanskoi kul'ture: eda i odezhda, sbornik* [Codes of everyday life in Slavic culture: food and clothing, a Collection], Aleteiya, Saint Peterburg, pp. 37–47 (in Russian).
- Merenkov, A. V. (2001), *Sotsiologiya stereotipov* [Sociology of stereotypes], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, 290 p. (in Russian).
- Merton, R. K. (1994), "Explicit and latent functions", translated by Aseev, Yu., in Dobren'kov, V. I. (ed.), *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl', teksty* [American Sociological Thought, Texts], Moscow State University, Moscow, pp. 379–448 (in Russian).
- Murav'ev, V. V. (2012), "Escorial elements of religious systems", *Religiovedenie*, no. 1, pp. 89–98 (in Russian).
- Noskova, A. V. (2014), "Research of the nutrition problem: methodological approaches and daily practices", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 6 (39), pp. 209–218 (in Russian).
- Ovsyannikov, Yu. A. (2018), "Features of nutrition of various social groups of the Sverdlovsk region", *Agrarian Bulletin of the Urals*, no. 2 (169), pp. 63–66 (in Russian).
- Rospotrebnadzor (2019), *Recommendations to citizens: healthy eating*, Federal Service for Supervision in the Sphere of consumer protection and welfare, Moscow, available at: https://www.rospotrebnadzor.ru/activities/recommendations/details.php?ELEMENT_ID=11950 (accessed 08 October 2021) (in Russian).
- Sadykov, R. M. and Migunova, Yu. V. (2017), "Everyday Children Feeding Practices in a Modern Russian Family", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 10, pp. 1594–1602.
- Simmel, G. (2010), "Soziologie der Mahlzeit", translated by Burlachuk, V., *Sociology: theory, methods, marketing*, no. 4, pp. 187–192 (in Russian).

- Sorokin, P. A. (1992), *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society], translated by Sidorenko, S. A. and Sogomonov, A. Yu., Politizdat, Moscow, 542 p. (in Russian).
- Veselov, Yu. V. (2015), "Routine practices of nutrition", in *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1 (369), pp. 95–104 (in Russian).
- Volchenkova, A. V., Kelekhshashvili, L. V. and Sokolova, A. S. (2019), "Military men and their families nutrition hygienic estimation in conditions of subarctic climatic zone", in *Aktual'nye problemy sovremennoi meditsiny, materialy III Dal'nevostochnogo meditsinskogo molodezhnogo foruma, 2-4 oktyabrya 2019, Khabarovsk* [Topical problems of modern medicine, materials of the III Far Eastern Medical Youth Forum, Khabarovsk, Russia, October 2–4, 2019], The Far-Eastern State Medical University, Khabarovsk, pp. 311–314 (in Russian).
- Voz'mitel', A. A. (2017), "The conceptual foundations for the sociology of lifestyle", *Bulletin of the institute of sociology*, vol. 8, no. 4 (23), pp. 13–44. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479.
- Zarubina, N. N. (2014), "Feeding practices as a social inequality marker and factor in Russia: history and modernity", *Historical Psychology & Sociology*, vol. 7, no. 2, pp. 46–62 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 8.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2021

Информация об авторах

Антонова Наталья Леонидовна
доктор социологических наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: n.l.antonova@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2063-4970

Information about authors

Antonova, Natalya Leonidovna
D. Sci. (Sociology), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: n.l.antonova@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2063-4970

Латышев Дмитрий Михайлович
аспирант
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: dimlatysh@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0002-6756-6557

Latyshev, Dmitrii Mikhailovich
Ph.D. Student
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: dimlatysh@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0002-6756-6557

*От редакции***К публикации статьи А. Рабиновича**

В современных социогуманитарных науках тема природы (чаще в ее отношениях с культурой и человеком) занимает все более заметное и значимое место. И основания этого, можно сказать, бума природной проблематики понятны. С одной стороны, это растущие «притязания» мира культуры на новые степени овладения природой; с другой — это наше осознание и признание растущей ответственности человечества за состояние природной среды на Земле («экологическая проблема» во всем ее остром и все более грозном драматизме); с третьей стороны — все лучшее понимание глубочайших зависимостей социокультуры и человека от природных закономерностей. И здесь совершенно неизбежно новое сближение социогуманитарных наук и наук естественных, особенно непосредственно занимающихся «природностью» человека.

В свете сказанного становится понятно и закономерно появление в гуманитарном журнале статьи представителя естественной науки. Речь идет о науке о старении и старости — геронтологии и о тесно связанной с ней медицинской практике обеспечения долголетия людей — гериатрии. Мы публикуем статью израильского медика Александра Рабиновича, директора отделения гериатрической реабилитации медицинского центра Шива (Тель-Авив). В основу статьи был положен доклад Александра Рабиновича, сделанный в тель-авивском Доме ученых. Статья А. Рабиновича — ясная, доступная и неспециалистам, объективная и достаточно полная по содержанию и в то же время компактная «сводка» современных научных представлений о продолжительности жизни людей в ее исторической эволюции, явлении старения, ресурсах долголетия и гериатрических практик. Информативная ценность статьи А. Рабиновича убеждает в уместности и необходимости постоянного взаимодействия «наук о культуре» и «наук о природе», в том числе и на страницах «Койнона».

В заключение хочется сказать о том, что прямого отношения к статье Рабиновича не имеет. Но, как оказалось, имело отношение к процессу подготовки статьи к публикации, требующему тесного взаимодействия редакции и авторов. Так вот, наше взаимодействие с А. Рабиновичем встретилось с серьезным препятствием. Виною тому — пандемия COVID-19. Возглавляемое А. Рабиновичем отделение гериатрической реабилитации было «брошено» на борьбу с коронавирусом, и он вместе с коллегами был длительное время занят этой трудной борьбой-работой практически круглосуточно. Для доработки статьи у автора не было не только времени, но и физических сил. Мы выражаем восхищение поистине героической, самоотверженной деятельностью нашего автора, как и такой же деятельностью тысяч врачей во всем мире. Вместе с этим выражаем сердечную благодарность нашему коллеге — социологу, руководителю тель-авивского Дома ученых Моше Кенигштейну за помощь в подготовке статьи Александра Рабиновича к печати.

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.040
УДК 612.68:612.67 + 575:613.98

СТАРЕНИЕ И ДОЛГОЛЕТИЕ ЧЕЛОВЕКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

А. Рабинович

Медицинский центр Шива
Тель-Авив, Израиль

Аннотация: Статья представляет обзор достижений и проблем геронауки (Geroscience), молодой междисциплинарной области биомедицинских исследований старения и продолжительности жизни человека. Приводятся исторические и религиозные, литературные и мифологические, научные и социально-психологические основания и предпосылки традиционных и современных представлений людей о продолжительной и здоровой жизни. Резкий рост продолжительности жизни и социально-экономической активности людей ведет к увеличению абсолютной численности и удельного веса пожилых в демографической структуре населения развитых стран. Это обуславливает необходимость существенных изменений в системе здравоохранения и социального обеспечения, занятости и досуга, роста объемов финансирования исследований и разработок, направленных на решение многочисленных медико-биологических и социальных проблем, повышение продолжительности, уровня и качества жизни пожилых людей.

Ключевые слова: геронаука, геронтология, гериатрия, старение, продолжительность жизни, долголетие, медицина, здоровье, биология человека, уровень и качество жизни.

Для цитирования: Рабинович А. Старение и долголетие человека: достижения и проблемы // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 63–79. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.040

HUMAN AGING AND LONGEVITY: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

A. Rabinovich

Chaim Sheba Medical Center
Tel Aviv, Israel

Abstract: The paper presents a review of advancements and problems of geroscience, a fledgling interdisciplinary area in biomedical research on ageing and the life expectancy of a man. The author provides historical, religious, literary, mythological, scientific, and socio-psychological foundations and the premise of conventional and present-day assumptions about the human long and healthy life. A dramatic increase in longevity and socio-economic activity of a man leads to the growth of the total number and the proportion of the elderly in the demographic structure in developed countries. All this encourages the need for essential changes in the health and social welfare system, in employment and leisure, in increased funding for research aimed at solving various medical, improving the human lifespan, the standard of living, and the quality of life of the elderly people. In the XXIst century, besides combating numerous disorders of old age, the fight against ageing itself comes to the fore.

Keyword: geroscience, gerontology, geriatrics, ageing, lifespan, longevity, medicine, health, the biology of man, the standard of living and the quality of life.

For citation: Rabinovich, A. (2021), "Ageing and Longevity: Achievements and Problems", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 63–79 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.040

По всем признакам, положение Глупова одно из самых безнадежных: его точит какой-то недуг, который неминуемо должен привести к одру смерти. Однако он не только не умирает, но даже изъявляет твердое намерение жить без конца. И, несмотря на видимую нелепость этих надежд, я не могу не разделять их, я не могу не признать их вполне основательными.

Салтыков-Щедрин М. Е. «Глупов и глуповцы»

Мечты человека о вечной жизни

Человек, как правило, хочет жить долго, как можно дольше, чем нам отпущено природой. Поэтому неудивительно, что в мифах и легендах, народных сказаниях и фантастических историях люди обретают способность жить если

не вечно, то очень долго. Напомним, что, согласно Библии, наши допотопные праотцы жили сотни лет. Так, например, Мафусаил, один из праотцов человечества, предок Ноя, прославившийся своим долголетием, прожил 969 лет. Это самый старый человек, возраст которого указан в Библии, но и сам Ной (Ноах), внук Мафусаила, умер в возрасте 950 лет. К сожалению, после Всемирного потопа продолжительность жизни людей сильно сократилась.

Библейские истории невозможно подтвердить или опровергнуть, но несомненным фактом являются неустанные, на протяжении тысячелетий, реальные и фантастические попытки людей изобрести новые способы и найти подтверждения если не вечной, то очень долгой жизни. При этом целью человека всегда было и остается не просто продление периода старости, а долгая жизнь именно в молодом, активном теле. Никто не хочет жить сотни лет в инвалидном кресле с постоянным помощником.

На протяжении многих веков люди изобретали мистические средства и артефакты, якобы продлевающие молодую жизнь: молодильные яблоки, философский камень, живую воду из источника вечной молодости и т. п. Многочисленные мифологические и литературные истории — от вампиров и эльфов до доктора Фауста и Дориана Грея — свидетельствуют о возможности вечной жизни на основе контракта с нечистой силой.

Нестареющими живыми существами заселены современные миры фэнтези. Персонажи Толкиена отличаются именно тем, что люди стареют и умирают от старости, а эльфы остаются вечно молодыми и прекрасными. Любители кино, возможно, помнят племя нестареющих людей в фильме 80-х «Горец» (Highlander), нестареющих «иных» в «Ночном дозоре» Сергея Лукьяненко, бойцов в «Бессмертной гвардии» (The Old Guard) или персонажей антиутопии «Время» (In Time). Правда, для сохранения жизни они должны постоянно подпитываться загадочным субстратом, называемым «время», без которого их жизнь моментально прекращается. При условии же регулярной подпитки «временем» люди могут сколь угодно долго жить в 25-летнем теле.

Эти ссылки иллюстрируют многовековую неудовлетворенность человека ограниченной продолжительностью жизни, его потребность в вечной молодости, продолжительность которой измеряется не десятилетиями, а веками.

А теперь покинем мир фантазий и посмотрим, что делается для продления жизни в современном, реальном мире.

Позитив: чего мы уже добились?

Что нужно сделать для того, чтобы жить дольше всех тех поколений людей, которые жили до нас? Ответ предельно прост: не нужно делать ничего просто потому, что статистически мы уже живем намного дольше всех наших предшественников. Это революционное увеличение средней

продолжительности жизни произошло практически на наших глазах, за последние 70–80 лет.

Под средней продолжительностью жизни принято понимать среднюю ожидаемую продолжительность жизни человека при рождении. То есть сколько лет в среднем должен прожить среднестатистический человек, рожденный в конкретном году с учетом всех видов смертности, включая смертность детей и младенцев. Понятно, что для каждого года, а тем более для каждого века, этот показатель может быть разным.

Историческая динамика этого показателя поражает. Первые пару сотен тысяч лет существования нашего вида средняя продолжительность жизни его представителей практически не менялась. По данным археологических находок, средний возраст умерших неандертальцев и ранних сапиенсов составлял примерно 23 года. Если учесть большую долю умерших младенцев, которых, возможно, вообще не хоронили и останки которых найти труднее, чем останки взрослых крупных особей, то средняя ожидаемая продолжительность жизни пещерных людей каменного века не превышала, по всей видимости, 20 лет. Гериатрических проблем они не знали, так как просто не успевали стареть, умирая в молодом возрасте от холода и голода, болезней и травм, нападений диких зверей или подобных им представителей семейства Homo [Angel 1969, p. 427–437].

Последние 5–6 тысяч лет истории нашего вида знаменуются развитием цивилизаций: высокоорганизованных форм общества, предусматривающих разделение труда, появление государства, законов, централизованного контроля и распределения благ. Если считать одной из высших форм государственной организации античного мира Римскую империю, то даже в таком высокоорганизованном обществе средняя продолжительность жизни людей не превышала, по-видимому, 35 лет, отличаясь немного в разных частях империи. То есть за десять тысяч лет, от появления первых земледельческих оседлых сообществ до Римской империи, средняя ожидаемая продолжительность жизни человека увеличилась всего на 15 лет — с 20 до 35 [Frier 2000, p. 788–789].

В течение последних 1500 лет, от падения Римской империи и до XX века, средняя продолжительность жизни сначала немного снизилась, потом долго топталась на месте и в последние 500 лет медленно повышалась, так что в начале XX века в развитых странах Европы, Северной Америки и Австралии этот показатель достиг примерно 50 лет [Roser, Ortiz-Ospina, Ritchie 2019].

Следует отметить, что в Российской империи в этот период средняя продолжительность жизни была гораздо ниже: в 1896–1897 годах для мужчин — 29,4 года, для женщин — 31,7 [Население России 1998].

Таким образом, за 1500 лет после распада Римской империи и до начала XX века средняя ожидаемая продолжительность жизни жителей развитых стран увеличилась всего на 15 лет. Если же считать от каменного века и до начала

20-го, то можно констатировать, что за десятки тысяч лет показатель средней ожидаемой продолжительности жизни человека увеличился всего на 30 лет — с 20 до 50 лет.

И только за последние 100 лет, до начала XXI века, показатель средней ожидаемой продолжительности жизни совершил резкий скачок, увеличившись в развитых странах с 50 до 80 лет [Future life expectancy 2017, p. 1323–1335]. То есть за последние 100 лет к среднестатистической продолжительности жизни человека добавилось еще примерно 30 лет. Это совершенно реальные 30 лет, на которые может рассчитывать большинство людей, живущих сегодня в развитых странах мира. Имея такой запас времени, люди иначе планируют свою жизнь: позднее вступают в брак и чаще разводятся, рожают меньше детей и дольше о них заботятся, получают дополнительное образование, меняют профессию, не спешат делать карьеру и т. д.

В течение этого исторически короткого периода времени отношение к старости, представления о пожилых и старых людях в обществе и культуре радикально изменились. Например, Чехов в рассказе, написанном 100 лет назад, повествует, как брачный посредник представляет потенциального жениха: «Вы, сударыня, не сердитесь... Клиент мой человек пожилой, страдающий ревматизмом, сырой... Ходить по невестам, хлопотать у него нет сил, но вы не беспокойтесь, я дорого не возьму... — Условия вашего клиента? — Мой клиент — мужчина 52 лет... Несмотря на такой возраст, он еще имеет людей, которые дают ему займы».

Сегодня мужчина 52 лет, живущий в одной из развитых стран, может полтора-два десятка лет активно трудиться до наступления пенсионного возраста и после. В этом возрасте, который сегодня считается «зрелым», он сам, как правило, не чувствует себя пожилым и не воспринимается таковым окружающими.

В рассказе «Убийство» Чехов дает описание другого персонажа: «Яков Иваныч был старше Матвея на десять лет. Это был очень красивый старик, высокого роста, с широкою седою бородой, почти до пояса». В другом месте рассказа находим возраст Матвея — 45 лет. Таким образом «старик» Якову — 55.

И это не авторская ирония, для Чехова возраст 50 лет был безусловным показателем старости. Напомню: средняя продолжительность жизни мужчин в Российской империи в конце XIX — начале XX века составляла около 30 лет (примерно на уровне Римской империи).

Всего лишь за сто прошедших лет представления о продолжительности жизни и старости изменились радикально. Сегодня мужчина 50 лет находится на пике профессиональной карьеры и может планировать жизнь лет на 30 вперед. Среднестатистические женщины живут на несколько лет дольше мужчин. Для наших современников жизнь до 80 — это реальность, хотя не следует

забывать, что мы представляем первые поколения людей, получивших такую привилегию.

Конечно, жизнь человеческая стала более продолжительной не сама собой, дополнительные 30 лет люди получили благодаря целому ряду причин [Global, regional, and national mortality 2017, p. 1084–1150]. К ним относятся:

— существенное повышение уровня и качества жизни, а также личной и общественной гигиены. Большинство жителей развитых стран сегодня обладают благоустроенным жильем с водоснабжением и канализацией, газом и электричеством. Зимой жилье отапливается, а летом охлаждается. Разнообразная бытовая техника помогает нам, освобождая от тяжелого и монотонного труда. Всё это представляется сегодня само собой разумеющимся, но всего лишь сто лет назад абсолютное большинство жителей планеты обо всем этом даже не мечтало;

— улучшение условий труда, а также экологических условий жизни, качества окружающей среды. Представьте себе промышленное производство начала XX века — с опасными, тяжелыми и вредными условиями продолжительного труда — и современное высокотехнологичное производство, например, компьютерных процессоров, напоминающее стерильные условия операционной в больнице;

— повышение разнообразия, количества и качества продуктов питания. Сегодня без особых усилий можно соблюдать средиземноморскую диету, живя вдали от Средиземного моря;

— то обстоятельство, что 75 лет человечество живет без больших войн, уносящих огромное количество молодых жизней;

— повышение уровня образования, культуры и информированности людей относительно норм и правил здорового образа жизни, сокращение количества курильщиков и любителей алкоголя;

— повышение качества и доступности медицинского обслуживания — один из главных, если не главный фактор увеличения средней продолжительности жизни. Всего за 100 лет в конвенциональной медицине произошла настоящая революция, в корне изменившая наши возможности в борьбе с заболеваниями, уносившими миллионы молодых жизней в недалеком прошлом. Вот лишь несколько вех развития медицины XX века:

- поголовная вакцинация от детских болезней, способствовавшая резкому снижению детской смертности;
- широкое применение антибиотиков, позволившее победить целый ряд тяжелых, смертельных в прошлом болезней детей и взрослых;
- три столпа общественной медицины: регулирование в сторону нормализации показателей артериального давления, липидов (холестерина) и сахара крови, отодвинувшие показатели смертности на более поздний возраст (добавляя к достигнутой продолжительности жизни лет 10–15);

- современные антиагреганты и антикоагулянты, значительно уменьшившие количество тромбозмболических осложнений;
- препараты, созданные по технологии моноклональных антител, улучшившие прогноз при лечении онкологических и аутоиммунных заболеваний;
- принципиальное улучшение качества инвазивных вмешательств: замены суставов, шунтирование и стентирование коронаров, замены клапанов сердца, подсаживание водителей ритма — дефибрилляторов, технологии диализа, пересадки органов и многое другое;
- принципиальное улучшение возможности диагностики: КТ, МРТ, УЗИ, эндоскопия, точечная биопсия внутренних органов... Сегодня установить точный диагноз заболевания можно задолго до посмертного вскрытия. Большинство верных диагнозов ставится при жизни, что открывает все возможности для правильного лечения пациента.

Можно предположить, что жизнь и судьба Чехова, умершего от туберкулеза в 1904 году в возрасте 44 лет, сложилась бы сегодня по иному сценарию: в 42 года поставлен диагноз: туберкулез легких. Больной получил годичный курс современных препаратов, вылечился. В 64 года пожаловался на давящие боли в грудной клетке. Прошел тесты в кардиологии, отправлен на коронарографию. Установлено 2 стента в коронарах. Получает аспирин и статины, чувствует себя хорошо. В 73 года на рутинной колоноскопии обнаружена небольшая опухоль толстой кишки. Прооперирован без признаков возвратной онкологической патологии при 5-летнем наблюдении. В 80 лет прооперирован по поводу обструкции мочевых путей с удалением предстательной железы. Попутно вылечен от уросепсиса. В 85 лет появились признаки деменции и нарушения походки по типу паркинсонизма. Умер в возрасте 90 лет в доме престарелых при постоянном сестринском уходе.

Именно так сегодня живут и умирают очень многие израильтяне.

Негатив: главный вызов современной гериатрии

Теперь рассмотрим, к чему привело столь стремительное увеличение продолжительности жизни. Главным итогом демографической революции стал резкий рост количества пожилых и старых членов общества. Никогда прежде в истории человечества пожилые люди в возрасте старше 65 не составляли такую внушительную часть населения, перевалившую в развитых странах за 20 %, а в Японии даже до 28 % общей численности жителей! В некоторых странах удельный вес пожилых жителей превысил долю детей.

Ясно, что резкое увеличение абсолютной численности и удельного веса пожилых членов общества представляет собой серьезный вызов социальным службам и экономике страны, так как пенсионеры платят намного меньше налогов, требуя при этом значительных расходов на лечение и уход.

Практически во всех развитых странах существует разрыв в 8–10 лет между общей средней продолжительностью жизни и средней продолжительностью здоровой жизни [Tsuji 2020, p. 149–153]. Увеличив продолжительность жизни до 80+ лет, мы фактически продлили старость, при которой 10 последних лет жизни человек испытывает, как правило, постоянное и неуклонное ухудшение общего состояния, все больше нуждаясь при этом в медицинском обслуживании и лекарствах, социальной помощи и реабилитации и т. п. Во многих случаях человек теряет свою функциональную самостоятельность, становясь зависимым от помощи по уходу.

Иначе говоря, хотя дополнительные 30 лет жизни — это, безусловно, важнейшее эволюционное достижение нашего вида, но не следует забывать, что, научившись продлевать жизнь, мы часто не способны обеспечить ее высокое качество, и последние годы жизни нередко превращаются в кошмар для пожилого человека и для его близких.

Можем ли мы, исходя из роста продолжительности жизни людей в развитых странах в XX веке, экстраполировать эту тенденцию на XXI век и предположить, что к его завершению мы достигнем средней продолжительности жизни 120–130 лет?

Хотя напрашивается (и очень хочется дать) утвердительный ответ, это непросто сделать. График роста средней продолжительности жизни в последние 5–10 лет в развитых странах явно замедлился, а в некоторых странах даже застыл. Кривая роста, бодро тянувшая вверх на протяжении XX века, вышла на «плато», как бы легла на бок [A potential decline in life expectancy 2005, p. 1138–1145]. Как такое могло случиться? Может быть, происходит снижение уровня жизни людей или падает эффективность медицины?

Дело в том, что, преуспев в борьбе с основными недугами, разрушавшими здоровье и убивавшими прежде большинство людей, мы дошли до средней продолжительности жизни 80+, приблизившись почти вплотную к другому важному биологическому показателю, который остается неизменным, — к максимальной видовой продолжительности жизни. Его можно определить как максимально возможную продолжительность жизни представителей определенного биологического вида, то есть максимальный период времени от рождения до смерти представителя какого-либо вида (в нашем случае — Homo Sapiens). Причем имеется в виду реальный, фактический срок жизни, подтвержденный наукой, а не заимствованный из легенд.

Согласно данному критерию, максимальная видовая продолжительность жизни человека немного превышает 120 лет. Пока достоверно известно, что дольше всех людей прожила гражданка Франции Жанна Кальман (1875–1997), умершая в возрасте 122 лет.

Этот биологический предел стоит сегодня перед медиками и геронтологами как непреодолимая стена. В отличие от средней продолжительности жизни

данный показатель не меняется, он постоянен для нашего вида и представляет собой предельный срок генетической программы самоуничтожения человека, называемой старением [Longitudinal analysis of blood markers 2021].

В этом месте следует ненадолго задержаться и попытаться осмыслить биологический и философский смысл понятия «старение». С биологической, эволюционной точки зрения смысл существования индивида заключается в его развитии, воспроизводстве потомства и его базисном воспитании. С момента, когда дети начинают самостоятельную жизнь, природа не видит смысла в дальнейшем существовании родителей. Наоборот, предполагается, что они покинут сцену жизни, не мешая распространению и развитию генетической информации в следующих поколениях.

Именно для того, чтобы мы не задерживались на поверхности земли и вовремя с ней расстались, природа разработала процесс, называемый старением. Нашу жизнь можно графически представить как параболу с вершиной, направленной вверх. Мы рождаемся совершенно беспомощными и первые 20 лет жизни карабкаемся вверх по линии жизни.

Это период развития, в течение которого мы постоянно развиваем и совершенствуем свои физические и умственные способности. Функциональные резервы организма растут. Мы можем с каждым годом всё больше и больше. Достигнув вершины параболы, мы зависаем на ней лет до 30, наслаждаясь своими способностями. В этот период, мало-помалу, начинают появляться первые признаки движения вниз — по крайней мере, мы уже не можем, как прежде, наращивать свои резервы.

Ну а дальше, как нетрудно догадаться, направление параболической кривой меняется, и мы начинаем двигаться вниз. Сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее. Функционально-физиологические резервы организма неуклонно снижаются, и на определенном этапе нас начинают одолевать болезни, связанные со старением. Это те самые болезни, которые чаще всего убивают нас в старческом возрасте: онкология, сердечно-сосудистые (инфаркты и инсульты), диабет второго типа, нейродегенеративные состояния типа болезни Альцгеймера, остеопороз и некоторые другие состояния.

В какой-то момент груз хронических болезней превышает возможности сопротивления стареющего организма, он разрушается и перестает функционировать, умирает. Именно это неуклонное, связанное с возрастом снижение функциональных резервов организма, приводящее в итоге к его гибели, и есть квинтэссенция старения [Arking 2006].

Внутренний и Универсальный — два ключевых понятия, определяющих процесс старения: процесс этот внутренний, то есть свойственный самому организму. Даже если вы создадите подопытной особи самые идеальные условия существования, она, эта особь, всё равно будет стареть. И процесс этот универсален, ибо подвержены ему *все* без единого исключения представители

биологического вида. Бессмертные эльфы или нестареющие «иные» существуют лишь на страницах фэнтези.

С некоторой грустью приходится констатировать: демографическая революция XX века с увеличением средней продолжительности жизни до 80+ свелась к тому, что мы неплохо научились продлевать старость, создавая в обществе огромную группу немощных стариков.

Проблема в том, что мы совершенно не научились тормозить старение. Я уж не говорю о возможности омоложения стареющих организмов. Мало того, мы до сих пор не смогли расшифровать биологический механизм старения. Мы не понимаем, как именно реализуется генетическая программа старения организма, убивающая человека хотя и медленно, но неотвратно.

Я абсолютно уверен, что старение — это закономерный биологический процесс, запрограммированный в наших генах. Тот, кто считает, что человек стареет постепенно, изнашиваясь, как старый автомобиль под действием неких рандомальных факторов среды, кажется мне, по меньшей мере, наивным.

Одним из основных доказательств генетической детерминированности процесса старения является, на мой взгляд, строгая определенность продолжительности жизни особей одного вида при огромных межвидовых различиях этого параметра. Так, например, мелкие грызуны, вроде мыши, живут в лаборатории максимум 3 года (в среднем 24–28 месяцев). А возраст самого старого из известных гренландских китов составляет 211 лет [Age and growth estimates 1999, p. 571–580]. За время жизни одного кита сменилось более 80 поколений мышей.

Примерно столько же поколений людей сменилось за время от распада Римской империи до наших дней. Такие различия не могут быть объяснены действием случайных механизмов, приводящих к «износу» организма. Почему столь прекрасно организованные и приспособленные к жизни организмы, как мышь и крыса, стареют и умирают за 2–3 года? Стремительная и полная энергии собака умирает, прожив 15 лет, а тучный, курящий и пьющий человек стареет и умирает в 70–80 лет? Почему так по-разному тикают биологические часы для разных представителей одного класса млекопитающих: мыши, собаки, человека и гренландского кита? Увы, ответа на эти вопросы пока нет.

Принятые на сегодня попытки объяснения феномена старения, носящие гордое название «теории старения», на самом деле таковыми не являются. Почему их нельзя назвать теориями? Да просто потому, что теория по определению — это учение или система научного знания, описывающая и объясняющая некоторую совокупность явлений и сводящая открытые в данной области многочисленные факты и закономерные связи к целостной объединяющей «картине», или модели.

Теория выступает как информационная модель синтетического знания, в границах которой отдельные понятия, гипотезы и законы теряют прежнюю

автономность и становятся элементами целостной системы. Важное свойство теории — способность прогнозировать, именно на основе этого свойства происходит ее верификация. Иначе говоря, если теория верно объясняет описываемое явление, на него можно влиять и предвидеть изменения.

Принятые на сегодня «теории старения», основными из которых являются: теория накопления ошибок в ДНК под влиянием свободных окисляющих радикалов, теория клеточного старения и теория сокращения теломер — не представляются элементами цельной теории, не объясняют видовых различий в продолжительности жизни. Но самое главное — все попытки продления жизни и омоложения организма, предпринятые на основе данных «теорий» на протяжении многих лет, пока не дали желаемых результатов.

Поэтому можно сказать, что это не теории, а гипотезы. Но даже как гипотезы они выглядят, к сожалению, некими тупиками в движении мысли. Да, они порождают массу научных работ и ученых степеней, но дело с места не двигается. Как ни печально это признать, сегодня у нас нет точного понимания процесса необратимой деградации организма, называемого старением. Понимания того, что именно этот процесс запускает и как конкретно функционирует таймер жизни от рождения до смерти.

Единственный научно доказанный на сегодня способ продления жизни мелких грызунов с короткими сроками жизни — ограничение питания с поддержкой существования на грани физического голода. В этом случае зверьки вырастают мелкими, позднее размножаются и живут на 30–40 % дольше, чем их собратья, которые питаются без ограничений. По всей видимости, в данном случае резкое ограничение количества и калорийности пищи приводит к замедлению общего метаболизма организма и некоторому торможению механизма старения. Сущность описанного феномена состоит в том, что старение не останавливается, а замедляется, не говоря о том, что оно не обращается вспять.

Разумеется, на людях такой метод продления жизни невозможно испытать: морить человека голодом в течение 80 лет, надеясь, что он проживет 100–110 лет, будет при этом плохо развитым физически, с поздним половым созреванием и, возможно, неразвитым умственно (обучение требует много энергии, а следовательно, больше калорий, потребляемых с пищей) [Caloric restriction increases lifespan 2018]. В общем, еще один тупик...

Основания для осторожного оптимизма

Что же в итоге? Неужели всё так плохо? Ответ опять-таки неоднозначный: и да и нет.

К началу XXI века медицинские знания в союзе с системой здравоохранения помогают большинству граждан развитых стран доживать до глубокой старости, что было далеко не само собой разумеющимся для всех поколений

Номо Sapiens вплоть до середины XX века. Проблема в том, что возможность доживать до преклонного возраста и продление периода старости повлекли за собой формирование все более широкого слоя населения, страдающего от болезней старческого возраста, все большего числа немощных людей, нуждающихся в поддержке и уходе.

Борьба с болезнями старческого возраста становится все более трудной и затратной, так как организм человека в возрасте 85–90 лет теряет свои физиологические резервы с поразительной быстротой. В этой борьбе как непреодолимая стена стоит биологический предел — максимальная видовая продолжительность жизни, возраст, при котором старение, как программа самоуничтожения, раньше или позже убивает всех без исключения представителей данного вида.

Повторяю: сегодня у нас нет четкого представления, как сломать эту программу, продлевая не просто период старости, но и период активной жизни в биологически молодом теле, то есть период молодости. Но значит ли это, что так будет всегда, что проблема продления молодости или омоложения стареющего организма нерешаема в принципе? Я верю в прогресс, поэтому отвечаю — нет! Возможно, гении, которые решат эту проблему, уже родились и живут среди нас.

Человек и общество устроены так, что решают проблемы по мере их появления. В период, когда большинство людей умирало в детском и молодом возрасте, а до старости доживали лишь единицы, целью науки была борьба с болезнями, убивавшими нас в молодом возрасте. В общественном сознании не было категорического требования остановить старение, так как достижение старческого возраста было привилегией относительно немногих. В наше время, когда все больше людей доживает до глубокой старости, необходимость борьбы с болезнями, убивающими человека в старческом возрасте, становится все более актуальной. Понятно, что бороться с такими болезнями можно прежде всего через преодоление биологических барьеров старения организма [ARDD 2020, p. 24484–24503].

Стремительный рост абсолютной численности и удельного веса пожилых людей в составе населения развитых стран стимулировали появление и развитие новых направлений научных исследований социальных, экономических, медицинских и многих других проблем, сопутствующих старению населения. В середине XX века в Великобритании оформилась первая гериатрическая ассоциация врачей, появилась новая врачебная профессия — гериатрия, область медицины, занимающаяся изучением и лечением пожилых людей. Сам термин «гериатрия», по аналогии с «педиатрией», предложил в 1909 году американско-австрийский врач и ученый Игнац Лео Нашер.

До двадцатого века появление гериатрии как отдельной специальности было невозможным. У врача-гериатра в XVIII–XIX веках просто не могло быть

достаточного количества клиентов. Параллельно, в том же XX веке, появилась геронтология — наука, изучающая биологические, социальные и психологические аспекты старения человека.

В течение XX века обе эти научные дисциплины развивались параллельно, почти не имея точек пересечения. Гериатры в больничных и амбулаторных условиях изучали специфические проблемы старческого организма и возможные пути их решения. Геронтологи в университетских лабораториях изучали свои модели — мушек-дрозофил, круглых червей, мышей, — развивая гипотезы старения и пытаясь повлиять на продолжительность их жизни.

Пока проблемы старения казались не слишком острыми и актуальными, объем финансирования геронтологических исследований был мизерным по сравнению с бюджетами онкологии, иммунологии, вирусологии и бактериологии.

Ситуация начинает меняться именно в наши дни, в начале XXI века. Необходимость борьбы со старением организма человека становится все более и более острой, и объемы финансирования исследований в этой сфере начинают расти, хотя они всё еще недостаточны. Сегодня на борьбу с инфекцией COVID-19 тратится неизмеримо больше средств, чем на изучение старения, хотя понятно, что от коронавируса умрут относительно немногие жители планеты, а от старости — абсолютно все.

Традиционные парадигмы медицинского мышления также еще недостаточно изменились, но их трансформация происходит. Интенсифицируется изучение влияния различных химических субстанций на процесс старения организмов-моделей. В США разрабатывается обширная многоцентровая программа ИТР (Программа тестирования вмешательств), изучающая одновременно в различных исследовательских центрах влияние тех или иных веществ на старение и продолжительность жизни организмов. Параллельно изучаются десятки веществ, хотя пока эта программа напоминает стрельбу с завязанными глазами в надежде, что некоторые «пули» попадут в цель [Warner 2015, p. 22–26].

Вместе с тем становится понятно, что проблемы старения человека не могут быть решены лишь на основе изучения мушек и круглых червей. Уже делаются первые шаги в изучении возможных медикаментозных воздействий на старение человека — с целью его торможения. Первой ласточкой в этом отношении является американское исследование TAME (Targeting Aging with Metformin — Противодействие старению с помощью метформина) [Metformin 2016, p. 1060–1065]. Почему выбор пал именно на метформин, рутинный препарат, очень широко используемый при лечении диабета второго типа (диабета пожилых)?

Во-первых, сегодня в западных странах разработка каких-либо новых конвенциональных препаратов «против старения» практически невозможна, ибо

невозможно провести официальную регуляцию такого лекарства. Знаменитое FDA — Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США — не может выдать разрешение на использование такого препарата, ибо старение формально не является болезнью и не занесено в ICD (Международную классификацию болезней). Таким образом, попытка повлиять на старение человеческого организма может быть проведена только с использованием препарата известного и разрешенного к широкому применению на людях (естественно, по другим показаниям). К тому же этот препарат должен быть безопасен/безвреден. Метформин отвечает всем этим критериям.

Во-вторых, за последние два десятилетия как в гериатрии, так и в геронтологии накопилось много работ, указывающих на интересные свойства метформина, явно выходящие за рамки его традиционного антидиабетического действия. При испытаниях на мышах метформин показал способность улучшать когнитивные показатели и физическую выносливость грызуна, помимо воздействия на метаболизм глюкозы. Некоторые клинические работы с применением метформина при диабете человека показали, что этот препарат вроде бы задерживает развитие сердечно-сосудистой (атеросклеротической) патологии, тормозит развитие онкозаболеваний и отсрочивает начало деменции.

Логика исследования TAME такова: если выяснится, что метформин при длительном применении на больших группах людей действительно тормозит или предотвращает развитие основных заболеваний старческого возраста, то, вероятнее всего, он воздействует при этом не на некий конкретный механизм развития каждого заболевания, а каким-то образом модулирует (тормозит) сам процесс старения. Ибо именно старение является главным фактором риска развития всех вышеупомянутых патологических процессов. В случае успеха TAME может сдвинуть парадигму медицинского мышления от лечения каждого конкретного заболевания старческого возраста в сторону воздействия на старение как таковое.

Следует отметить, что применение метформина, скорее всего, не решит проблему старения в пользу увеличения максимальной видовой продолжительности жизни. И конечно же, не приведет к омоложению старых организмов. Воздействие метформина на метаболизм в общих чертах напоминает сдвиги, происходящие в организме грызунов при резком ограничении калорийности питания. То есть можно сказать, что мы искусственно имитируем воздействие хронически полуголодного существования, не голодая, а принимая таблетки. Может быть, при массовом применении этого препарата средняя продолжительность жизни увеличится еще на несколько лет.

Тем не менее испытание метформина в исследовании TAME представляется мне очень важным. Это первая ласточка на новом рынке, называемом геросайенс. Впервые начинает давать плоды взаимодействие геронтологии и гериатрии. Именно их гибрид, геронаука (Geroscience), открывает научно

обоснованные направления в попытках воздействовать на старение. В случае успешного подтверждения теоретических концепций ТАМЕ может стимулировать исследования, направленные на замедление процесса старения. А это, в свою очередь, может побудить гигантов фармацевтической индустрии начать целенаправленную разработку «лекарства от старости». В этом случае в геронтологию придут огромные бюджеты. И, возможно, уже в обозримом будущем неизвестный гений расшифрует истинный механизм старения и найдет способ его остановить.

Вот тогда мы (или, скорее, наши потомки) смогут жить сотни лет в биологически молодом теле, выглядя, по нашим понятиям, лет на 40–50 и наслаждаясь радостями активной жизни.

Если данные рассуждения показались вам интересными, то в следующей лекции я постараюсь рассказать, какие именно подходы в изучении механизмов старения кажутся мне перспективными, и указать возможные пути воздействия на эти механизмы [Контролируемое разрушение 2019].

Список литературы

- Контролируемое разрушение 2019 — Контролируемое разрушение старых коллагеновых структур на организменном уровне как попытка воздействия на биологический процесс старения у млекопитающих / А. П. Рабинович, П. Д. Рабинович, Г. Харах и др. // Успехи геронтологии. 2019. Т. 32. № 3. С. 331–337.
- Население России 1998 — Население России за 100 лет (1897–1997) : стат. сб. / Госкомстат России ; редкол.: Ю. А. Юрков (пред.) и др. М. : Моск. изд. дом, 1998. 222 с.
- A potential decline in life expectancy 2005 — A potential decline in life expectancy in the United States in the 21st century / S. J. Olshansky, D. J. Passaro, R. C. Hershov et al. // The New England Journal of Medicine. 2005. Vol. 352 (11). P. 1138–1145. DOI: 10.1056/NEJMs043743.
- Age and growth estimates 1999 — Age and growth estimates of bowhead whales (*Balaena mysticetus*) via aspartic acid racemization / J. C. George, J. L. Bada, J. Zeh et al. // Canadian Journal of Zoology. 1999. Vol. 77 (4). P. 571–580. DOI: 10.1139/cjz-77-4-571.
- Angel 1969 — Angel J. L. The bases of paleodemography // American Journal of Physical Anthropology. 1969. Vol. 30 (3). P. 427–437. DOI: 10.1002/AJPA.1330300314.
- ARDD 2020 — ARDD 2020: from aging mechanisms to interventions / G. V. Mkrtychyan, K. Abdelmohsen, P. Andreux et al. // Aging (Albany NY). 2020. Vol. 12 (24). P. 24484–24503. DOI: 10.18632/aging.202454.
- Arking 2006 — Arking R. The biology of aging: observations and principles. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. xiv, 604 p.
- Caloric restriction increases lifespan 2018 — Caloric restriction increases lifespan but affects brain integrity in grey mouse lemur primates / F. Pifferi, J. Terrien, J. Marchal et al. // Communications Biology. 2018. Vol. 1. No. 1. Article number: 30. DOI: 10.1038/s42003-018-0024-8.
- Frier 2000 — Frier B. W. Demography // The Cambridge Ancient History. Vol. XI : The High Empire, A.D. 70–192 / ed. by A. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. Chapter 27. P. 788–816. DOI: 10.1017/CHOL9780521263351.028.
- Future life expectancy 2017 — Future life expectancy in 35 industrialised countries: projections with a Bayesian model ensemble / V. Kontis, J. E. Bennett, C. D. Mathers et al. // Lancet. 2017. Vol. 389 (10076). P. 1323–1335. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)32381-9.

- Global, regional, and national mortality 2017 — Global, regional, and national under-5 mortality, adult mortality, age-specific mortality, and life expectancy, 1970–2016: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016 / H. Wang, A. A. Abajobir, K. H. Abate et al. // *Lancet*. 2017. Vol. 390 (10100). P. 1084–1150. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)31833-0.
- Longitudinal analysis of blood markers 2021 — Longitudinal analysis of blood markers reveals progressive loss of resilience and predicts human lifespan limit / T. V. Pyrkov, K. Avchaciov, A. E. Tarkhov et al. // *Nature Communications*. 2021. Vol. 12 (1). Article number: 2765. DOI: 10.1038/s41467-021-23014-1.
- Metformin 2016 — Metformin as a Tool to Target Aging / N. Barzilai, J. P. Crandall, S. B. Kritchevsky et al. // *Cell Metabolism*. 2016. Vol. 23 (6). P. 1060–1065. DOI: 10.1016/j.cmet.2016.05.011.
- Roser, Ortiz-Ospina, Ritchie 2019 — Roser M., Ortiz-Ospina E., Ritchie H. Life Expectancy [Electronic resource] // Our World in Data. First published in 2013. Last revised in October 2019. URL: <https://ourworldindata.org/life-expectancy> (access date: 25.01.2022).
- Tsuji 2020 — Tsuji I. Epidemiologic Research on Healthy Life Expectancy and Proposal for Its Extension: A Revised English Version of Japanese in the Journal of the Japan Medical Association 2019;148(9):1781-4 // *JMA Journal*. 2020. Vol. 3 (3). P. 149–153. DOI: 10.31662/jmaj.2020-0027.
- Warner 2015 — Warner H. R. NIA's Intervention Testing Program at 10 years of age // *Age (Dordr)*. 2015. Vol. 37 (2). P. 22–26. DOI: 10.1007/s11357-015-9761-5.

References

- Angel, J. L. (1969), “The bases of paleodemography”, *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 30 (3), pp. 427–437. DOI: 10.1002/AJPA.1330300314.
- Arking, R. (2006), *The biology of aging: observations and principles*, 3rd ed., Oxford University Press, Oxford, xiv, 604 p.
- Barzilai, N., Crandall, J. P., Kritchevsky, S. B. and Espeland, M. A. (2016), “Metformin as a Tool to Target Aging”, *Cell Metabolism*, vol. 23 (6), pp. 1060–1065. DOI: 10.1016/j.cmet.2016.05.011.
- Frier, B. W. (2000), “Demography”, in Bowman, A., Garnsey, P. and Rathbone, D. (eds), *The Cambridge Ancient History. Vol. XI, The High Empire, A.D. 70–192*, Cambridge University Press, Cambridge, Chapter 27, pp. 788–816. DOI: 10.1017/CHOL9780521263351.028.
- George, J. C., Bada, J. L., Zeh, J., Scott L., Brown, S. E., O'Hara, T. et al. (1999), “Age and growth estimates of bowhead whales (*Balaena mysticetus*) via aspartic acid racemization”, *Canadian Journal of Zoology*, vol. 77 (4), pp. 571–580. DOI: 10.1139/cjz-77-4-571.
- Kontis, V., Bennett, J. E., Mathers, C. D., Li G., Foreman, K. and Ezzati, M. (2017), “Future life expectancy in 35 industrialised countries: projections with a Bayesian model ensemble”, *Lancet*, vol. 389 (10076), pp. 1323–1335. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)32381-9.
- Mkrtychyan, G. V., Abdelmohsen, K., Andreux, P., Bagdonaite, I., Barzilai, N., Brunak, S. et al. (2020), “ARDD 2020: from aging mechanisms to interventions”, *Aging (Albany NY)*, vol. 12 (24), pp. 24484–24503. DOI: 10.18632/aging.202454.
- Olshansky, S. J., Passaro, D. J., Hershov, R. C., Layden, J., Carnes, B. A., Brody, J. et al. (2005), “A potential decline in life expectancy in the United States in the 21st century”, *The New England Journal of Medicine*, vol. 352 (11), pp. 1138–1145. DOI: 10.1056/NEJMSr043743.
- Pifferi, F., Terrien, J., Marchal, J., Dal-Pan, A., Djelti, F., Hardy, I. et al. (2018), “Caloric restriction increases lifespan but affects brain integrity in grey mouse lemur primates”, *Communications Biology*, vol. 1, no. 1, article number: 30. DOI: 10.1038/s42003-018-0024-8.
- Pyrkov, T. V., Avchaciov, K., Tarkhov, A. E., Menshikov, L. I., Gudkov, A. V. and Fedichev, P. O. (2021), “Longitudinal analysis of blood markers reveals progressive loss of resilience and predicts human lifespan limit”, *Nature Communications*, vol. 12 (1), article number: 2765. DOI: 10.1038/s41467-021-23014-1.
- Rabinovich, A. P., Rabinovich, P. D., Harah, G. and Lerman, Ya. (2019), “Controllable systemic destruction of old collagen fibers as a novel approach for rejuvenating biological aging in mammals”, *Advances in Gerontology*, vol. 32, no. 3, pp. 331–337 (in Russian).

- Roser, M., Ortiz-Ospina, E. and Ritchie, H. (2019), "Life Expectancy", *Our World in Data*, available at: <https://ourworldindata.org/life-expectancy> (accessed 25 January 2022).
- Tsuji, I. (2020), "Epidemiologic Research on Healthy Life Expectancy and Proposal for Its Extension: A Revised English Version of Japanese in the Journal of the Japan Medical Association 2019;148(9):1781-4", *JMA Journal*, vol. 3 (3), pp. 149–153. DOI: 10.31662/jmaj.2020-0027.
- Wang, H., Abajobir, A. A., Abate, K. H., Abbafati, C., Abbas, K. M., Abd-Allah, F. et al. (2017), "Global, regional, and national under-5 mortality, adult mortality, age-specific mortality, and life expectancy, 1970-2016: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016", *Lancet*, vol. 390 (10100), pp. 1084–1150. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)31833-0.
- Warner, H. R. (2015), "NIA's Intervention Testing Program at 10 years of age", *Age (Dordr)*, vol. 37 (2), pp. 22–26. DOI: 10.1007/s11357-015-9761-5.
- Yurkov, Yu. A. et al. (eds) (1998), *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997), statisticheskii sbornik* [Population of Russia: 1897–1997, statistical compendium], Moskovskii izdatel'skii dom, Moscow, 222 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 28.01.2022

Принята к публикации / Accepted: 18.02.2022

Информация об авторе

Рабинович Александр
директор отделения гериатрической
реабилитации
Медицинский центр Шиба
52621, Израиль, Тель-Авив,
Дерех Шиба, 2
E-mail: drabin65@gmail.com

Information about the author

Rabinovich, Alexander
Director of Geriatric Rehabilitation
Department
Chaim Sheba Medical Center
2 Derech Sheba, Tel Aviv, 52621 Israel
E-mail: drabin65@gmail.com

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.041

УДК 364.662 + 323.1 + 39(=411.16) + 316.347

О ТОМ, НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ МИР: НЕМНОГО О ЕВРЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ЕВРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Э. Носенко-Штейн

Институт востоковедения РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия

Аннотация: В этом небольшом очерке автор говорит об основных принципах еврейской благотворительности, а также дает краткую характеристику ее основных направлений в современной России. Подчеркивается, что деятельность еврейских благотворительных организаций направлена в основном на помощь пожилым и нуждающимся людям. В то же время, как отмечает автор, люди с ограниченными возможностями здоровья, как правило, оказываются вне поля зрения таких организаций, как и государственных социальных служб. Далее Е. Э. Носенко-Штейн рассказывает о руководителе одной из таких организаций — А. Е. Киросе и о том, как его приход туда связан с еврейской самоидентификацией. По мнению автора, такая самоидентификация — одна из существующих в современной России. Автор называет ее носителей Хранителями, поскольку они сохраняют некоторые элементы традиционной еврейской культуры и исторической памяти. Ниже с небольшими сокращениями публикуется интервью, которое автор провела с А. Е. Киросом в июле 2020 г.

Ключевые слова: благотворительность, евреи, Россия, инвалиды, благотворительные организации, еврейская идентичность.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 20-09-00063 А.

Для цитирования: *Носенко-Штейн Е. Э.* О том, на чем держится мир: немного о еврейской благотворительности и еврейской идентичности // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 80–100. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.041

THE WORLD WAGS ON IT: ABOUT JEWISH PHILANTHROPY AND JEWISH IDENTITY

E. E. Nosenko-Stein

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: In this essay, the author briefly describes main principles of Jewish philanthropy and its main trends in Russia. Elena E. Nosenko-Stein stresses that activities of Jewish philanthropic organizations mainly cover needs of aged and poor persons. At the same time, the author notes that disabled persons, as a rule, do not become the recipients of Jewish both philanthropic organizations and Russian social services. Further the author tells about the Head of one of such organizations, Aleksander Ye. Kirnos and his Jewish self-identification as an impulse of his coming to Jewish philanthropic activities. Elena E. Nosenko-Stein underlines that his self-identification is one of the forms of Jewish self-identifications existing in contemporary Russia. Drawing on her research of Jewish identities, Elena E. Nosenko-Stein names people with this self-identification Guardians as they save and guard some elements of traditional Jewish (East Ashkenazic) culture and memory. Below is the text of the interview with Aleksander Kirnos (conducted by Elena E. Nosenko-Stein in July 2020).

Keywords: philanthropy, Jews, philanthropic organizations, Jewish identity, Russia, disabled people.

Acknowledgments: This research has been fulfilled with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research. Grant 20-09-00063 A.

For citation: Nosenko-Stein, E. E. (2021), "The World Wags on It: About Jewish Philanthropy and Jewish Identity", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 80–100 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.041

Благотворительность в иудаизме является заповедью (*мицва*), обычно ее обозначают словом *цдака* (пожертвование, милосердие). Это нашло свое отражение в библейских текстах (Втор. 10: 17–18; Иса. 58: 6–7 и др.). Первоначально она в основном сводилась к предписанию накормить голодных и отпустить на волю рабов:

и угнетенных отпусти на свободу,
и расторгни всякое ярмо;
И раздели с голодным хлеб твой,
и скитающихся бедных введи в дом;
когда увидишь нагого, одень его,
и от единокровного твоего не укрывайся (Иса, 58: 6–7).

В Талмуде эта тема нашла более глубокое отражение. Заповедь благотворительности, также по преимуществу обозначаемой словом «цдака», — по своей значимости равна всем остальным заповедям, вместе взятым (Бава Батра, 9а), это одна из тех основ, на которых (наряду с взаимопомощью) держится мир (подробнее см.: [Заповеди и предписания 2021]).

В Каббале получила распространение концепция *тиккун олам* (букв. иврит — исправление мира), согласно которой благотворительность рассматривалась как в некоторой степени способствующая этому «исправлению» [Шодем 2004]. И хотя предписания относительно характера благотворительной деятельности и размеров пожертвований менялись, она была, что вполне естественно, в основном направлена на оказание различной помощи нуждающимся (денежные пожертвования в пользу неимущих, обеспечение бедных невест приданым и др.) [Mayer 2001]. Такие направления благотворительности, как уход за больными (*бикур холим*) и помощь инвалидам (об этом понятии см. ниже), распространились несколько позднее, поскольку такой уход (включая уход за пожилыми и немощными людьми), как, впрочем, и повсюду, первоначально считался обязанностью в первую очередь близких. Впоследствии стали создаваться специальные общества, которые предоставляли бедным и одиноким больным уход, медикаменты, оплачивали услуги врачей [Ibid.]. Значение разных форм благотворительности было тем более важным, что у евреев на протяжении более двух тысяч лет не было собственного государства, которое во многих случаях (стихийные бедствия, эпидемии, неурожай и пр.) выполняло бы функцию оказания помощи своим оказавшимся в нужде гражданам. Поэтому такую помощь приходилось искать за счет внутренних ресурсов.

После Второй мировой войны и уничтожения двух третей европейского еврейства во время Холокоста, возникновения Государства Израиль (1948), перемещения центров еврейской жизни в США и еврейское государство, структура и характер еврейской благотворительности постепенно меняются. Стали возникать новые благотворительные еврейские организации и центры, деятельность которых была направлена на оказание помощи выжившим в Холокосте, сохранение еврейского культурного наследия как части еврейской культурной памяти, помощи Государству Израиль и др. Впоследствии к ним добавились помощь мигрантам и беженцам (особенно из стран ислама), затем из различных зон вооруженных конфликтов (например, в бывшей Югославии). Продолжало существовать и развиваться традиционное направление еврейской благотворительности — помощь нуждающимся (в том числе пожилым и больным людям) [Старовойтенко 2018]).

В нашей стране еврейская благотворительность существовала и в советское время, но в очень ограниченных масштабах. После перестройки возникли различные организации и центры, финансируемые в основном из-за рубежа, хотя и ряд отечественных организаций (Российский еврейский конгресс,

Федерация еврейских общин России, Евро-Азиатский еврейский конгресс и др.) имеет различные благотворительные программы. Однако, как я уже отметила, основное финансирование поступает всё же от зарубежных спонсоров, прежде всего от «Джойнта» (Американского еврейского распределительного комитета — крупнейшей еврейской благотворительной организации), которые в значительной мере и определяют направление благотворительной деятельности российских благотворителей. «Джойнт» направляет средства прежде всего на оказание помощи жертвам нацизма, а также пожилым одиноким людям. В ряде российских благотворительных организаций существуют (или существовали до недавнего прошлого) и детские программы, а также программы помощи семьям с детьми-инвалидами.

Это определяется не только политикой спонсоров, но и в немалой мере российским менталитетом. Если отдать нежелательного ребенка, особенно больного и тем более инвалида, на попечение государства в нашей стране считается не особенно зазорным, а лишение родительских прав в маргинальных слоях общества выглядит довольно естественно, то «стремление сдать стариков» в дома престарелых до сих пор в целом общественно порицаемо. И это обусловлено не только и не столько низким качеством обслуживания в государственных домах престарелых (большинство детских домов, особенно специализированные, куда «сдают» больных детей или просто «устраивают личную жизнь», тоже не отличается высоким качеством жизни находящихся там детей (см. об этом, например: [Клепикова 2018])). Скорее, это можно объяснить сохраняющимися в российском обществе (особенно в небольших городах и сельской местности) элементами традиционных воззрений на старость. Учитывая же низкий уровень государственных домов престарелых, недостаточность услуг государственных социальных служб и невозможность для большинства населения обеспечить своим пожилым родственникам достойный уход на дому, востребованность разнообразной помощи именно пожилым продолжает возрастать (особенно учитывая общее «постарение» населения России). Если же принять во внимание, что массовая эмиграция конца 1980-х — начала 1990-х гг. (она в значительно более скромных масштабах продолжается и поныне) привела к тому, что доля людей в возрасте 70+ среди российских евреев сильно возросла [Синельников 2018], то востребованность оказания качественных услуг именно пожилым людям становится очевидной.

Иная ситуация с разнообразными детскими программами. Это тема отдельного исследования, поэтому здесь лишь упомяну, что большинство российских еврейских организаций (Российский еврейский конгресс, Федерация еврейских общин России и др.) их активно развивают, и в ряде еврейских благотворительных фондов они имеются.

Что касается людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), то в советском и постсоветском российском обществе они в значительной мере

остаются «людьми-невидимками», чьи потребности и проблемы нередко «выносятся за скобки», решаются по «остаточному принципу», а о самих проблемах и потребностях большинство населения, включая людей, ответственных за осуществление социальной политики в этой области, нередко имеет смутное представление. Это не могло не отразиться и на характере деятельности российских еврейских благотворительных организаций. И если пожилые люди (нередко имеющие официально зарегистрированный инвалидный статус) и дети-инвалиды обычно попадают в сферу их деятельности, то с людьми, не подпадающими под эти категории, дело обычно обстоит иначе.

Так, люди с инвалидностью, достигшие совершеннолетия, но моложе определенного возрастного рубежа (обычно за 70 лет или более), оказываются в сложной ситуации.

В этой связи следует коротко остановиться на некоторых проблемах инвалидности в России. Одна из таких проблем — определение численности людей, официально имеющих статус инвалида (т. е. прошедших процедуру медико-социальной экспертизы, определяющей этот статус). Специалисты неоднократно указывали на то, что разные министерства и ведомства в нашей стране приводят разные цифры относительно общей численности людей с инвалидностью и отдельных их групп [Ананьин 2018]; однако численность инвалидов в нашей стране за последние несколько лет неуклонно сокращается на 150–300 тыс. человек в год, достигнув на начало 2021 г. чуть более 11,6 млн человек [Численность инвалидов в России 2021]. Это объясняется, по-видимому, двумя факторами. Один из них — ужесточение социальной политики, в том числе барьеры, воздвигаемые на пути получения статуса инвалида. Второй сводится к тому, что в советское время и в 1990-х гг. людям старше 70 лет почти автоматически присваивали статус инвалида («инвалидность по старости»), и, хотя эта практика сейчас изживается, люди, в свое время получившие такой статус, достигли преклонного возраста и покидают этот мир. Во всяком случае, если в странах глобального Севера (да и в целом в мире) численность людей с инвалидностью и/или с ограниченными возможностями здоровья возрастает, достигнув более 10 % населения планеты [Всемирный доклад об инвалидности 2011], то в России, как я уже отметила, она сокращается. По данным Росстата (отражающим явно неполные цифры), в 2021 г. она составила 11,63 млн человек, т. е. значительно меньше 1/10 населения РФ.

На такие подсчеты может влиять еще один фактор. Дело в том, что инвалидность в нашей стране, как в СССР и многих постсоветских государствах, связана с полной или частичной утратой работоспособности, в то время как в большинстве стран глобального Севера статус инвалида связан с характером заболевания. Оба подхода имеют свои плюсы и минусы, но от них зависят различные выплаты (пенсии, льготы и пр.), а в итоге — социальная политика в отношении людей с инвалидностью.

И тут надо совсем коротко сказать о сути самого явления. О том, что такое инвалидность, ее моделях, подходах к ней, истории и современных проблемах существует обширная научная литература. Здесь у меня нет возможности остановиться на обзоре даже основных работ (некоторые обзоры см.: [Disability Studies 2008; Siebers 2008; Routledge Handbook of Disability Studies 2012; Курленкова 2018; Ендальцева 2018; Носенко-Штейн 2018]). Поясню только, что инвалидность — это сложное явление. В его основе находятся биомедицинские корни, но его понимание, восприятие и отношение к нему варьируются в зависимости от историко-культурного контекста, а также от существующих в конкретных обществах социальных реалий (социальная иерархия, социальные статусы и роли, социальные различия и др.). Поэтому инвалидность как понятие конструируется в разных обществах и разное время властными элитами с целью контроля над распределением ресурсов, социального контроля, властных полномочий и др. В результате даже в настоящее время во многих обществах люди с инвалидностью обладают низкими статусами (экономическими, социальными, культурными) и поэтому представляют собой одну из наиболее дискриминируемых групп общества.

Но именно эта группа нередко оказывается в нашей стране исключена из многих сфер благотворительности. И если существуют фонды и программы, помогающие детям-инвалидам, оказывается социальная помощь семьям с такими детьми и пожилым людям (тоже нередко имеющим «инвалидный статус»), то взрослые люди с ограниченными возможностями здоровья нередко выпадают из поля зрения социальных служб и благотворительных организаций. Это относится и к деятельности еврейских благотворительных организаций в нашей стране.

Так, руководители крупных еврейских организаций «Хама» [Хама 2022] и Шаарей Цедек [Шаарей Цедек 2022] в беседах со мной говорили о том, что их деятельность направлена, прежде всего, на оказание помощи пожилым нуждающимся людям, особенно жертвам нацизма. Некоторые из них помогают также семьям с больными детьми или детьми-инвалидами. Но по достижении 18 лет такой молодой человек или девушка (а также совершеннолетний, получивший инвалидность во взрослом возрасте) лишается помощи благотворителей. Правда, в ряде случаев таким людям могут оказать разовую помощь (оплата лечения, лекарств и др.), но проблему в целом это не решает.

Это, как мне говорили практически все организаторы и активисты таких организаций, связано с нормативами и подходами, определяемыми «Джойнтом». Эта организация с самого начала своей деятельности в нашей стране создала сеть организаций под общим названием «Хэсед», стремящихся помогать и поддерживать, в первую очередь, пожилых людей, положение которых, особенно в 1990-х гг., нередко было бедственным. Что же касается помощи

российских еврейских благотворительных организаций, то ее оценивали крайне невысоко (особенно в российских регионах).

Одна из старейших еврейских благотворительных организаций в нашей стране — «Яд Эзра» («Рука помощи») — оказывает помощь в первую очередь весьма пожилым людям. В июле 2020 г. мне удалось побеседовать с ее руководителем **Александром Ефимовичем Кирносом** (фрагменты нашей беседы были опубликованы в журнале «Медицинская антропология и биоэтика» [Носенко-Штейн, Кирнос 2020]; ниже приводится значительно более обширный текст, тоже содержащий некоторые сокращения). Это интервью проводилось в рамках изучения отношения к болезни и инвалидности в иудаизме и — шире — в разных этнокультурных средах.

Здесь надо сказать несколько слов о моем собеседнике и о связи его деятельности с его мироощущением и с еврейской самоидентификацией.

А. Е. Кирнос — врач, поэт и известный общественный деятель (его посты, а также некоторые стихи можно видеть в Фейсбуке* [Кирнос 2022]). Он в настоящее время возглавляет уже упомянутую еврейскую благотворительную организацию «Рука помощи» (см. о ней: [Рука помощи 2021]).

Александр Ефимович сам рассказывает о своей семье, о том, как он пришел в эту организацию, поэтому не буду повторяться. Подчеркну только, что это было для него вполне естественно и органично. И не только потому, что он был хирургом, в том числе военным. Приход в такую благотворительную организацию был тесно связан с его культурной самоидентификацией как еврея (точнее, как российского, или русского, еврея — см. ниже). О том, что такое еврейская идентичность и самоидентификация, написано множество работ. Единого мнения на этот счет не существует. Мне пришлось многие годы заниматься вопросами еврейской идентичности и культурной памяти в нашей стране. И мои исследования показали, что в России, как, впрочем, и в других странах, в современном мире нет единой еврейской самоидентификации, но существует некий их «набор». Характер той или иной зависит от воспитания, социокультурного окружения и многих других факторов. Причем если во многих странах еврейская самоидентификация (при всем разнообразии ее типов) часто в той или иной мере сохраняет «привязку» к религии (иудаизму), то в России и многих постсоветских странах дело обстоит иначе. Антирелигиозная политика советской власти, а также готовность части советских евреев довольно быстро отказаться от религии предков в пользу приобретения гражданского равноправия (см. об этом: [Krupnik 1995; Shternshis 2006]) привели к тому, что большинство форм еврейской самоидентификации в СССР и в современной России с иудаизмом связаны слабо или не связаны вовсе [Gitelman 2001; Носенко-Штейн 2013]. Однако в еврейской самоидентификации

* Здесь и далее: С 21 марта 2022 г. запрещенная в России экстремистская социальная сеть.

людей, родившихся до Великой Отечественной войны (иногда вскоре после нее) сохранилась связь с некоторыми элементами (иногда в остаточной форме) еврейской традиционной культуры: владение (в той или иной мере) идишем, ряд черт бытовой и поведенческой культуры (отмечание праздников, музыка, кухня, чтение книг «на еврейские темы» и др.) [Носенко-Штейн 2013]. Но — и это главное — в этой форме самоидентификации органически сохранялось отождествление себя с историей и судьбами евреев (причем не столько сквозь призму антисемитизма, сколько благодаря позитивному отождествлению с древней и богатой культурой). Я условно назвала таких людей *Хранителями*, имея в виду, что они на протяжении всей своей жизни хранят и стремятся передать детям и внукам ту самую память, которая целенаправленно уничтожалась в течение многих десятилетий.

В нашей стране существуют и другие типы культурной самоидентификации, которые свойственны людям еврейского происхождения. Иногда такая самоидентификация не связана с еврейской историей и культурой (это так называемая «нееврейская» самоидентификация, когда человек обычно идентифицирует себя с культурой доминирующего большинства, в данном случае с русской). До недавнего прошлого в России и в СССР была также распространена еврейская самоидентификация, которую я условно обозначила как «негативная» (ее «носители» отождествляли себя с еврействами преимущественно через негативный опыт: проявления антисемитизма на различных уровнях). Весьма часто встречается также двойственная, или гибридная, самоидентификация (когда человек в одних ситуациях «чувствует себя» евреем, а в других — русским). Наконец, преимущественно среди молодежи, вовлеченной в жизнь еврейских общинных, культурных, молодежных организаций, активно формируется (тоже условно названная мной) «новая еврейская» самоидентификация (люди, ею обладающие, активно стремятся «припасть к корням», т. е. интересуются историей, традициями, культурой евреев, иудаизмом и т. п.) [Носенко-Штейн 2013]. Разумеется, такие типы далеко не всегда существуют в «чистом виде», есть и переходные типы. Более того, любая культурная самоидентификация ситуационна по своей природе: она зависит от множества факторов, может меняться и меняется на протяжении жизни человека. И, как явствует из интервью с А. Е. Кирносом, в его самоидентификации присутствуют разные аспекты. Но глубинная связь с еврейской культурой (именно российской еврейской) — стала ее основой.

Такой жизненный опыт и самоидентификация позволили А. Е. Кирносу в 1990-х гг., если так можно выразиться, перевести свою еврейскую самоидентификацию из имплицитной формы в эксплицитную и прийти в еврейскую благотворительную организацию, а потом и возглавить ее. При этом, как явствует из самого интервью и из всей деятельности (в том числе как поэта), А. Е. Кирнос не ограничивался и не ограничивается помощью только «своим»,

т. е. членам «своей» этнической или религиозной группы. «Рука помощи» (как, впрочем, и другие еврейские благотворительные организации) нередко распространяют свою деятельность на представителей других групп населения. В этом суть того милосердия, которое составляет одну из основ иудаизма и о котором говорит А. Е. Кирнос.

Интервью Е. Э. Носенко-Штейн с А. Е. Кирносом*

Е. Н.-Ш.: Александр Ефимович, огромное спасибо за то, что уделите время! Два слова скажу, зачем это нужно. Это интервью у нас проводится в рамках исследования восприятия инвалидности в разных религиозных, этнических и прочих культурных средах. Я занимаюсь этим с позиции иудаизма и современных еврейских общин. И меня сейчас интересуют такие проблемы, как еврейская современная благотворительность, а также работа волонтеров. Поэтому я начинаю и собираюсь брать интервью у руководителей и работников соответствующих благотворительных еврейских организаций, у волонтеров, чтобы составить представление, кто, как, зачем и почему этим занимается. Может быть, для начала Вы расскажете немного о себе и своей семье?

А. К.: Вопрос обширный, большой, и мы будем, наверное, двигаться последовательно. Я немножко расскажу о предыстории вообще, о еврейской благотворительности в России, о том, что мне известно, естественно. О себе: родился в 1941 году, в самом начале войны, после окончания школы поступил в Военно-медицинскую академию, закончил ее, 29 с небольшим лет отслужил в Советской армии, демобилизовался ведущим хирургом госпиталя, после демобилизации начал работать в 7-й городской больнице города Москвы, короткое время заведовал там отделением, потом, по семейным обстоятельствам, был вынужден работать просто дежурным хирургом. С 1997-го до 2000 года совмещал эту работу с работой в еврейской благотворительной организации «Рука помощи». <...> С 2001 года я работаю только директором этой организации по сегодняшний день. Женат, двое детей.

Е. Н.-Ш.: У вас, как я понимаю, еврейские корни? Они с обеих сторон?

А. К.: Я еврей, и у меня никогда вопроса о своей идентичности не возникало, поскольку это началось в раннем детстве, папа ушел на фронт, а мама со мной, я родился в эвакуации в августе-месяце, мама выехала из Москвы, ее сняли с поезда в городке Козловка-на-Волге в Чувашской автономной республике, и там я родился. Вместе с ней с поезда сошла вся мишпуха (семья) — ее

* Текст интервью публикуется с разрешения редакции журнала «Медицинская антропология и биоэтика».

сестры, бабушка и дедушка с маминой стороны, и мы год прожили в Козловке-на-Волге, а потом за нами приехал брат мамы, и мы переехали в Новосибирск, жили там до 1944 года и в декабре 1944-го вернулись в Москву. Папа, бабушка и дедушка говорили на идише дома, и, поскольку я оставался с ними, первый мой язык был даже, может, больше идиш, чем русский, хотя практически одновременно было и то, и то. Потом начал быстро набирать русский, идиш стал потихоньку забываться, но до конца не забылся. Когда вернулся с фронта папа, разговаривал с мамой на идише, думая, что я не понимаю, но для меня это была открытая книга, я понимал все. Так что в этом плане я двуязычный, и вопросов о том, кто я, у меня не возникало. Гораздо позднее единственное, что у меня возникало какое-то время колебание самоидентификации: кто я — русский еврей или еврейский русский? Вот такая культурная составляющая у каждого из нас, у тех, для кого основным языком общения, мышления и вообще всего является русский язык, и вот возникает всегда сомнение, а насколько я еврей, может, я больше русский? И вот между двумя этими идентичностями — русский еврей или еврейский русский — я какое-то время колебался. Все мои родные, которые выехали за пределы России, не важно куда — в Израиль, в Германию, в Америку, — они очень быстро поняли, что они русские евреи. А вот те, кто остаются здесь, у меня такое впечатление, что для многих этот вопрос не до конца решен, кто они такие. Евреи — это понятно, а вот какие, чего в нас больше? Но сейчас у меня такое впечатление, что достаточно широкий спектр смещений в этой самой идентификации даже для евреев, у которых и родители евреи, то есть они чисто галахические евреи¹, но все равно те, кто остаются в России, они во многом, большинство из них, связаны с русской культурой, для меня это имеет особенно большое значение, поскольку я в какой-то степени еще литератор, и пишу я, естественно, на русском языке, а не на идише. <...>

Может, я вам прочту короткое стихотворение, которое я написал в свое время, которое определяет, кто я.

Е. Н.-Ш.: Замечательно.

А. К.:

Я Кирнос, Дреш, Радошовецкий,
еврей с закваскою советской,
воспитанный в культуре светской,
и русский — мой родной язык.
Но, позабыт и позаброшен,
во сне всплывает мамолошен²
с картавинкой из эр-горошин и вкусом молока козы.

¹ Галахические евреи (от иврит. Галаха — нормативное право в иудаизме) — люди, рожденные матерью-еврейкой или принявшие иудаизм.

² Маме лошн (идиш — материнский язык), в данном случае идиш.

А где-то глубже в подсознание
бесплотней ангела касанья
иное притаилось знание,
оно во мне подспудно спит.
В нем шелестом песков пустыни,
сиеной жженою и синью
от дней синайских и доньше
мгновеньем вечность говорит.

Е. Н.-Ш.: Замечательно.

А. К.: Я понимаю, что принадлежу к древней еврейской культуре, много, особенно после демобилизации, я об этом думал, много читал. Мой старший сын во многом привел меня к иудаизму. В 1987 году, учась в «керосинке», поступил, тогда открылась первая в Москве такая *ешива*³, называлась она отделение иудаики при институте изучения восточных языков академии иудаики. В общем, я сейчас запутался, но она такой была, и, когда он туда пошел, я этим заинтересовался, мне хотелось говорить с ним на одном языке. И после демобилизации я, работая в 7-й городской больнице, поступил на вечерний факультет ТУРО колледжа, факультет иудаики. Я его не закончил, но проучился там три года, и это мне много дало и в изучении иврита, и в понимании еврейских подходов, и в понимании того практически, здесь я могу сослаться на Мольера; помните, один из героев, Журден, говорил: «Оказывается, я всю жизнь говорил прозой». И на факультете иудаики я внезапно понял для себя, что загадочная *идишкайт*⁴ — это образ жизни моих бабушки и дедушки, это отношение к семье, где дедушка олицетворял закон и справедливость, а бабушка — милосердие, и что это одна из составляющих, на которой держится еврейский мир. Две еврейские составляющие еврейского мира — справедливость и милосердие — это и есть еврейский закон. Что раньше, что позже, — здесь у каждого человека есть свое к этому отношение. Это, естественно, связано и с моим выбором, с тем, что я врач, и я оказался в благотворительной организации, что для меня более важна не справедливость, а милосердие, оказание помощи человеку, а потом уже, после того как ему такого рода помощь оказана, можно думать уже о справедливости. Но это, действительно, две основные составляющие еврейского мира, и на них зиждется, в общем-то, вся еврейская жизнь, на мой взгляд, все еврейские общины.

Е. Н.-Ш.: А как все-таки Вы пришли в «Руку помощи»?

³ В еврейской традиции так называется учебное заведение, где изучают Талмуд и другие еврейские тексты.

⁴ Идишкайт — культура, основанная на языке идиш и традициях иудаизма.

А. К.: Эта история достаточно долгая и достаточно обычная. Поскольку я врач, у меня были разного рода клиенты, которым я оказывал помощь. <...> В «Джойнте»⁵ начали искать директора для благотворительной организации «Рука помощи» в связи с тем, что предыдущий директор, очень незаурядный человек, Зиновий Львович Коган, собрался уходить <...>. Дальше началась цепочка представлений, меня начали уговаривать, чтобы я начал работать. Я не хотел уходить из хирургии <...>. Поскольку, видимо, полагали, что я демобилизовался, я полковник медицинской службы, у меня был достаточно серьезный административный список, и решили, что мне можно доверять. Три года я так работал. Потом понял, что надо выбирать что-то одно. Но к этому времени мне пошел уже 60-й год, и я понимал, что в хирургии я надолго не задержусь, с одной стороны, а с другой стороны, я обрел в «Руке помощи» еврейскую семью, которую к тому времени в Москве я практически утратил. <...> И счастливо так совпало, что, во-первых, есть пожилые люди примерно того возраста, в котором были мои дяди и тети; во-вторых, это евреи; в-третьих, мое как раз еврейское самосознание, которое к тому времени окончательно проснулось, пробудилось. Перед тем как прийти в «Руку помощи», я принимал участие в различных кружках, связанных с изучением иудаики, поскольку я учился в это время в ТУРО-колледже <...>. Оказывается, я могу жить в России в еврейской среде, жить и работать, работать для тех, для кого мне очень хотелось работать. <...> А наши помощники по уходу вошли внутрь квартир: они ухаживали за теми, кто не смог подняться, они готовили еду, помогали купаться, помогали в личной гигиене. Это практически альтернатива дому престарелых. Такого рода помощь трудно было переоценить, поскольку в квартирах ее не было, а у многих родственники уехали, кто были, а очень многие из категории жертв нацизма оказались одни, потеряв свои семьи во время или после войны или не обретя эти семьи из-за того, что была война и не сложилась жизнь. В основном это были женщины, но были и мужчины. Таким образом организация начала работать. <...> Соответственно, в 1991 году, 3 декабря, состоялось собрание учредителей, на котором была учреждена организация, которая была названа «Московский благотворительный фонд «Яд эзра»». 3 февраля 1992 года она была зарегистрирована в Министерстве юстиции. <...> Так что наш благотворительный фонд — одна из старейших в России благотворительных организаций и наверняка старейшая благотворительная организация, основной программой которой является патронаж, уход на дому за престарелыми людьми, утратившими частично или полностью способность к самообслуживанию, и за инвалидами. <...> Естественно, основная наша программа, как она была, так она и осталась, — это патронаж, уход на дому.

⁵ Американский еврейский Объединенный Распределительный Комитет/Джойнт — крупнейшая еврейская благотворительная организация.

Возникли различные программы материальной помощи... и таким образом достаточно долго мы кормили 300–350 человек. Затем возникли другие программы <...> Была создана специальная программа по приобретению и бесплатной выдаче реабилитационного оборудования. В Москве было реабилитационное оборудование, но получить такое оборудование мог только инвалид, а человек, который только заболел и в нем нуждался, но еще не получил инвалидности — а получить инвалидность было достаточно сложно, трудно, долго — не мог воспользоваться такого рода помощью. А мы предоставляли всем нуждающимся, независимо от того, инвалид или нет <...> Сейчас эта программа свернута по ряду причин. Продолжаем выдавать это реабилитационное оборудование, но это касается жертв нацизма. <...> Была большая волонтерская программа, направленная на то, чтобы собрать сведения обо всех нуждающихся евреях. Это были годы, когда многие как бы опасались открыто заявлять о себе, с разъяснениями, с привлечением если не в еврейскую общину, то, во всяком случае, в еврейские благотворительные организации для того, чтобы они могли получить такого рода помощь. <...> А Москва оказалась, на самом деле, центром проживания самого большого количества пожилых евреев, пострадавших от войны. К категории жертв нацизма первоначально были отнесены только те люди, которые были либо в лагерях, либо в гетто, либо проживали на территории, временно оккупированной немцами, и сумели это доказать. Такого рода организация — Союз евреев — малолетних узников гетто — существует и сейчас. Люди уходят из жизни, их становится меньше, но они есть. <...> Помимо этих программ, поступали средства не только от «Джойнта», но и от Российского еврейского конгресса в первую очередь. От частных благотворителей для оказания помощи больным детям, неполным семьям, у которых либо нет отцов, либо есть больные дети, не справляются родители с ними, то есть это дети с особыми потребностями. <...>

Мы вырабатывали единые этические подходы, единые критерии, но каждая организация, мы вроде бы сосуществовали, но конкурировали, нам нужно было не конкурировать, а нужно было содружество. А для того чтобы было содружество, нужно было вырабатывать единые цели, единые задачи и единые подходы, единые критерии оказания помощи. <...> Нужно было создать единую базу данных, и вот мы создавали единую базу данных на всех евреев города Москвы. <...> Я не коснулся общинных программ. Темы, о которых я Вам рассказывал, — это социальные программы, программы социальной поддержки. Естественно, были и общинные программы. <...> Вначале был дневной центр, у нас было 14 таких групп дневного центра по 12 человек каждая, которых мы привозили, они сменяли друг друга. На основе этих групп, в конце концов, были созданы группы такой взаимопомощи психологической поддержки. Это было преодоление одиночества, люди подружились. Мы с ними проводили занятия по иудаике, по сути дела это цвет московской

интеллигенции во многом, и неизвестно, кто кому больше дал — мы им или они нам. Они сами рассказывали о своей жизни, формировали свои запросы. Параллельно с этими группами дневного центра были созданы так называемые *теплые дома*: это те люди, которые не могли приехать сюда, находилась хозяйка, которая готова была принимать у себя людей, которые жили не очень далеко, и дальше мы помогали их сгруппировать, вначале они собирались раз в две недели, потом раз в месяц, мы много помогали им фруктами, овощами, приезжали наши лекторы туда. Но потом оказалось, что этого делать не надо, в этих группах оказались чрезвычайно интересные люди — поэты, писатели, музыканты, люди, просто глубоко знающие и любящие литературу, историю, и у каждой такой группы было свое лицо. Они были достаточно долго, до тех пор, пока они не состарились и уже не могли вести эти программы, хозяйки этих теплых домов. Одна из хозяек с помощью своей подруги вела такой теплый дом до своего столетия. Но все это сейчас, к сожалению, в прошлом. По многим причинам, прежде всего потому, что состарились жертвы нацизма, они уже многие не в состоянии приезжать на такие общинные программы, не в состоянии и у себя их принимать, то есть эта эпоха завершилась. У нас сейчас остались клубные программы, вернее, оставались до эпохи ковида. Сейчас это опасно, а до этого были клубные программы. Это были шаббатные (субботние, суббота (иврит) — Шаббат. — Е. Н.-Ш.) группы, еженедельно встречала группа людей Шаббат, она с нами уже больше четверти века, эта группа. Когда я пришел, она была, и эти люди продолжают ходить, слава богу, вместе со мной, они взрослеют, стареют, я их всех, естественно, знаю. У нас есть музыкальный салон, который ведет выпускник консерватории Михаил Червинский. Есть художественный салон, где выросло уже несколько самодеятельных художников почти до профессионального уровня, ведет его Илья Осин, тоже профессиональный художник, доцент, специалист. У нас проводятся различные встречи с историками, интересными людьми. Долгое время при нашей организации было создано и работало объединение «Складчина», в которое входило около 25 литераторов-евреев. Мы в течение практически 13 лет издавали самодеятельный альманах, который выходил раз в полгода. Издавали не за счет средств организации, а целиком за счет волонтерского труда членов этого альманаха и собственных средств литераторов, которые участвовали в этом альманахе. Двадцать один выпуск у нас этого альманаха. Но потом — во многом это было связано с тем, что ушли из жизни наши старшие товарищи, которые участвовали в альманахе, и это было не просто литературное объединение, по сути дела мы стали друзьями, мы вместе собирались, обсуждали, говорили, читали и просто проводили вместе время — это, к сожалению, ушло.

В настоящее время основной программой у нас остался патронаж, уход на дому, мы углубляем и увеличиваем помощь, стареют наши клиенты, и они

нуждаются в большем количестве часов обслуживания. У нас сейчас очень большое число клиентов, которым мы оказываем практически круглосуточную помощь, поддержку для их проживания. Если бы этого не было, они были бы вынуждены уйти в дома престарелых. Мое убеждение и мнение всех сотрудников нашей организации, что желательно, чтобы человек уходил из жизни из своего дома, где ему все знакомо, где всё под рукой. И если он сам не хочет куда-то уйти, мы должны создать все условия, чтобы он был у себя дома. <...>

И к нам в организацию, с учетом тех средств, которые нам выделяют, *могут обращаться люди любой национальности* (выделено мной. — *Е. Н.-Ш.*), проживающие в Москве, для того чтобы стать к нам на учет и чтобы мы начали оказывать вот такого рода помощь на дому, и не только евреям, членам их семей, и не только тем, на которые нам доставляет деньги «Джойнт». У нас сейчас на этой программе 41 человек, среди которых примерно половина евреев, но программа продолжается, она не расширяется, она затратна, средний уход за таким человеком на дому обходится в 500 долларов в месяц, если так переводить — это около 6 тысяч долларов в год. Тем не менее она конкурирует с домами престарелых, а так как сейчас эпоха ковидная, она реально спасает жизни людей, потому что в тех домах опасно находиться. Вы знаете, что произошло на Западе, где не были предусмотрены такого рода меры, — там была массовая летальность в Италии, в США и в других странах. И у нас расформировывали, были примеры, когда просто разбирали по домам не детей, а стариков, чтобы они продолжали жить. Эта программа у нас есть, сегодня работает. <...>

Е. Н.-Ш.: Зарубежные фонды Вас больше не финансируют?

А. К.: Нет, Израиль и США никак не финансируют, Израиль не имеет отношения к нашему финансированию вообще, это распространенное заблуждение. Не финансируют ни США, ни Израиль, а финансируют еврейские общины, которые передают средства «Джойнту» и «Клеймс Конференс», это средства правительства Федеративной Республики Германии, это те средства, которые истребованы, на которые в досудебном порядке согласилось правительство Федеративной Республики Германии компенсировать материальные и моральные издержки еврейского населения. И они компенсируют двумя способами: тем, кто признан жертвами нацизма, выплачивают определенную материальную помощь, и деньги американских еврейских общин, которые предназначены для жертв нацизма. Но это деньги «Джойнта», а не Соединенных Штатов Америки.

Это деньги благотворительных еврейских организаций, крупнейшей из которых является «Джойнт», которая аккумулирует средства. Эти средства сейчас значительно уменьшены, и их все больше и больше замещают средства Российского еврейского конгресса. Российский еврейский конгресс во главе с Юрием Исааковичем Каннером принимает все большее и все более значимое

участие в жизнедеятельности еврейских общин. Наша организация, может быть, меньше, хотя мы сотрудничаем с Российским еврейским конгрессом, но не потому, что Российский еврейский конгресс нам не очень помогает. Помогает, но мы сознательно воздерживаемся от того, чтобы принимать средства от Российского еврейского конгресса, желая, чтобы эти средства были направлены в другие еврейские организации, периферийные, которые оказались лишены поддержки... там очень мало осталось жертв нацизма — евреев, а организация продолжает жить. <...> Я член совета региональной организации, это другая часть моей жизни, помимо того, что я директор, у нас же есть межрегиональная ассоциация *Идуд Хасадим*, и эта межрегиональная ассоциация объединяла раньше 51 организацию, сейчас осталось меньше, но они есть, и мы постоянно общаемся друг с другом, стремимся друг друга поддерживать, ищем возможности получения грантовой помощи и так далее. И небольшие *Хэседы* (т. е. отделения благотворительной организации «Хэсед». — Е. Н.-Ш.), которые остались в областных городах, очень активны в поисках такого рода поддержки. Есть сейчас и президентские гранты, гранты правительств различных регионов и частные фонды, например фонд Тимченко, еще некоторые фонды, объявляются такие конкурсы по грантам. Наша организация принимает в этом участие и часто выигрывает такого рода гранты, так же как мы в свое время выиграли президентский грант. Сейчас мы тоже хотим получить президентский грант для помощи не жертвам нацизма, поскольку средств для оказания помощи недостаточно. Люди становятся старше, им такого рода помощь нужна, а средства, которые может собрать «Джойнт», даже с помощью РЕК (Российский еврейский конгресс), недостаточны. И по-прежнему нашей основной заботой, основным, на что мы обращаем внимание, остается уход на дому. Мы понимаем, что эта программа была, есть и будет основной социальной программой, потому что пока человек может самостоятельно передвигаться, пока он более активен, ему выжить легче. Остальные программы сохраняются, но, тем не менее, это так.

Е. Н.-Ш.: Если средства нужно искать, с одной стороны, и есть определенные сложности с подбором персонала — с другой, Вы пробовали привлекать волонтеров, добровольцев?

А. К.: Мы не просто пробовали, у нас есть волонтерская группа, которая поручения выполняет, но вся проблема в том, что организация, у которой основная работа — это уход на дому, нуждается в постоянно работающих людях. Волонтер не может оказать такую помощь. Он может привести продукты один раз или два, но он не может систематически это делать. У нас создана такая группа, у нас есть бригадир волонтеров сейчас, и они оказывают такую помощь, и это замечательно, что они могут ее оказать, и мы планировали создать телефонную линию «Друг», деятельность которой будут целиком обеспечивать

волонтеры, и начали уже ее подбирать, чтобы работало несколько телефонных линий, постоянно действующих, куда сможет обратиться за поддержкой и решением своих вопросов любой член еврейской общины за социальной помощью, юридической. Можно искать волонтеров и среди юристов, врачей. В каком плане волонтеров? Мы можем рекомендовать обратиться к тому или иному человеку. Но жизнь изменилась сейчас, и изменился порядок оказания помощи, и оптимизация московского здравоохранения привела не только к тому, что это все больше и больше профессионализируется и необходимо выполнить целый ряд бюрократических процедур, чтобы обратиться к тому человеку, к кому мы рекомендовали, но она еще и коммерциализируется. На самом деле это достаточно серьезная проблема, на которую мы полноценного ответа пока не нашли <...> Я не сказал, что мы не только жителям Москвы оказываем помощь, но и жителям Московской области. Это все тоже есть у «Хама»⁶, есть еще свой детский садик, и школа была своя, различные детские программы. У них сохранился центр для ежедневного посещения пожилыми людьми, на Бутырской улице, недалеко от нас, он еще пока сохранился.

<...> А у меня такое впечатление, что мир становится все более индивидуализированным в этом плане и что собирать людей, конечно же, нужно, но во многом это будет онлайн. Не сиденье по кухням, не в домах и церквях, а онлайн-встречи. Поиск единомышленников, поиск поддержки, общения, и конкретная физическая помощь — это все будет меняться. Все же меняется. Робототехника недаром же приходит.

Это все идет параллельно. Увеличение количества людей на Земле — понятно, что население будет увеличиваться, и чем больше будет плотность населения, тем больше возрастает опасность самых разных инфекционных заболеваний. Значит, нужно каким-то образом сочетать разобщенность и комфорт, возможность общения. Так что мы стоим — мы, может быть, нет, но следующее поколение стоит — перед серьезными изменениями в жизни, подходах и так далее. Но пока да, я думаю, наша организация будет жить.

Е. Н.-Ш.: Мне очень понравилось стихотворение, которое вы прочитали. Вы публикуетесь где-то?

А. К.: Да, у меня вышло несколько книжек стихов и проза.

Е. Н.-Ш.: Это можно купить или в Интернете найти?

А. К.: В Интернете найти можно, купить, наверное, что-то можно на «Озоне», но они вышли небольшими тиражами, и большинство распродано. Книжка прозы «Тыча», наверное, на «Озоне» еще есть, возможно, книжка

⁶ Хама — еврейская благотворительная культурно-просветительская организация.

стихов «Поговорим». И еще я до сегодняшнего дня публикуюсь в «Фейсбуке», у меня там основной круг читателей, там стихи, проза, размышления.

В заключение хочу сказать, что ничего не мог бы сделать, если бы не команда единомышленников, команда людей, она была, и, несмотря на смену состава, она остается, новые люди приходят, и все равно это команда, и профессионалы, и люди, обладающие таким вот представлением о жизни, о котором я вам говорил, что одни больше за справедливость, другие за милосердие, но они понимают, что главное, чтобы обе эти компоненты были, это то коромысло, на котором держится мир. <...> Задача директора — только следить за чистотой воздуха, больше ничего делать не надо.

Е. Н.-Ш.: Во-первых, набрать правильную команду — это очень много, а во-вторых, Вы явно преуменьшаете свои заслуги. Я желаю, чтобы ваша организация существовала возможно дольше, поскольку тенденция такая, что пожилых людей становится все больше и медицину действительно оптимизировали так, что не всегда бывает просто пожилым людям получить помощь, альтернативную нашим домам престарелых.

А. К.: Я думаю, сейчас во всем мире на это будут обращать внимание. В домах престарелых в условиях появившейся инфекции небезопасно, и я не думаю, что это последняя такая инфекция, будет еще что-то.

Е. Н.-Ш.: Спасибо Вам. Желаю Вам крепкого здоровья, чтобы Вы и Ваша организация преуспевали в такой благородной деятельности.

Список литературы

- Ананьин 2018 — Ананьин С. А. Современные проблемы статистической регистрации инвалидности в России // Инвалиды — инвалидность — инвалидизация : материалы Междунар. науч.-практ. конференции, 27–28 сентября 2018, Нижний Новгород / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород : Научно-исследовательский социологический центр, 2018. С. 16–21.
- Всемирный доклад об инвалидности 2011 — Всемирный доклад об инвалидности [Электронный ресурс]. Всемирная организация здравоохранения : Всемирный банк, 2011. URL: https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/summary_ru.pdf (дата обращения: 09.12.2021).
- Ендальцева 2018 — Ендальцева А. С. Disability Studies и поиски «чистой» модели: про швы, невозможность и пространство: между Глобальным Югом и Глобальным Севером // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентация, практики : сб. статей / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. С. 43–74.
- Заповеди и предписания 2021 — Заповеди и предписания [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия ОПТ. 2021. URL: <https://eleven.co.il/judaism/commandments-and-preccepts> (дата обращения: 03.01.2022).
- Кирнос 2022 — Александр Кирнос [Электронный ресурс] // Facebook : сайт. 2022. URL: <https://www.facebook.com/aleksandr.kirnos.9> (дата обращения: 08.01.2022).
- Клепикова 2018 — Клепикова А. Наверное, я дурак: антропологический роман. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.

- Курленкова 2018 — Курленкова А. С. Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентация, практики : сб. статей / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. С. 25–42.
- Носенко-Штейн 2013 — Носенко-Штейн Е. Э. «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду»: культурная память у российских евреев в наши дни. М. : МБА : Ин-т востоковедения РАН, 2013. 576 с.
- Носенко-Штейн 2018 — Носенко-Штейн Е. Э. Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 5–11. DOI: 10.7868/S0869541518010013.
- Носенко-Штейн, Кирос 2020 — Носенко-Штейн Е. Э., Кирос А. Е. Милосердие выше справедливости // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 2 (20). DOI: 10.33876/2224-9680/2020-2-20/14.
- Рука помощи 2021 — Рука помощи [Электронный ресурс] : региональный общественный еврейский благотворительный фонд : сайт. 2021. URL: <http://ruka-pomoschi-fond.ru/> (дата обращения: 09.12.2021).
- Синельников 2018 — Синельников А. Б. Демография российского еврейства // Евреи : монография / отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : Наука, 2018. С. 141–154. (Серия «Народы и культуры»).
- Старовойтенко 2018 — Старовойтенко Н. Восемь степеней милосердия. Как устроена еврейская благотворительность [Электронный ресурс] // Милосердие.ru : православный портал о благотворительности. 15.08.2018. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/vosem-stepenej-miloserdiya-kak-ustroena-evrejskaya-blagotvoritelnost/> (дата обращения: 08.01.2022).
- Хама 2022 — Хама [Электронный ресурс] : благотворительная организация : сайт. 2022. URL: <https://www.chamah.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).
- Численность инвалидов в России 2021 — Численность инвалидов в России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. 2021. URL: <https://www.gks.ru/search?q=%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 17.12.2021).
- Шаарей Цедек 2022 — Шаарей Цедек [Электронный ресурс] : благотворительная организация : сайт. 2022. URL: <https://www.tzedek.ru/> (дата обращения: 08.01.2022).
- Шолем 2004 — Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике / пер. с англ. и иврита Н. Бартман, Н.-Э. Заболотной. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. 510 с.
- Disability Studies 2008 — Disability Studies Emerging Insights and Perspectives / ed. by T. W. Campbell, F. Fontes, L. Hemingway et al. Leeds : The Disability Press, 2008. 154 p.
- Gitelman 2001 — Gitelman Z. Y. A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. 2nd ed. Bloomington : Shocken, 2001. 297 p.
- Krupnik 1995 — Krupnik I. Soviet Cultural and Ethnic Policies towards Their Jews: A Legacy Reassessed // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / ed. by Y. Ro'i. London : Frank Cass, 1995. P. 67–86.
- Mayer 2001 — Mayer E. The Production of Philanthropy: A Case Study of the Imagery and Methodology of Jewish Fundraising : An Extension Course Guide. New York : Center for the Study of Philanthropy, 2001. 52 p.
- Routledge Handbook of Disability Studies 2012 — Routledge Handbook of Disability Studies / ed. by N. Watson, A. Roulstone, C. Thomas. London : Routledge, 2012. 468 p.
- Shternshis 2006 — Shternshis A. Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1959. Bloomington : Indiana University Press, 2006. xxi, 252 p.
- Siebers 2008 — Siebers T. Disability Theory. Boldly rethinks theoretical questions of the last thirty years from the vantage point of disability studies. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2008. 240 p.

References

- “Aleksandr Kirnos” (2022), *Facebook*, available at: <https://www.facebook.com/aleksandr.kirnos.9> (accessed 08 January 2022) (in Russian).
- Anan'in, S. A. (2018), “Modern Problems of Statistical Registration of Disability in Russia”, in Saraliev, Z. Kh. (ed.), *Invalidity — invalidnost' — invalidizatsiya, materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 27–28 sentyabrya 2018, Nizhnii Novgorod* [Disabled Persons, Disabilities, Disabilisation, Proc. of the International Conference, Nizhny Novgorod, Russia, 27–28 September 2018], Nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr, Nizhny Novgorod, pp. 16–22 (in Russian).
- Campbell, T. W., Fontes, F., Hemingway, L., Soorenian, A. and Till, C. (eds) (2008), *Disability Studies Emerging Insights and Perspectives*, The Disability Press, Leeds, 154 p.
- Chamah, *Charity organization* (2022), available at: <https://www.chamah.ru/> (accessed 08 January 2022) (in Russian).
- “Commandments and Precepts” (2021), *Elektronnaya evreiskaya entsiklopediya ORT*, available at: <https://eleven.co.il/judaism/commandments-and-precepts> (accessed 03 January 2022) (in Russian).
- Endaltseva, A. S. (2018), “Disability Studies and the quest for a clean model: Looking for seams in the space between the Global South and Global North”, in Kurlenkova, A. S. and Nosenko-Stein, E. E. (eds), *Obratnaya storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriya, reprezentatsiya, praktiki* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], MBA, Moscow, pp. 43–74 (in Russian).
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (2021), “The number of disabled people in Russia”, *Rosstat*, available at: <https://www.gks.ru/search?q=%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2> (accessed 17 December 2021) (in Russian).
- Gitelman, Z. Y. (2001), *A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present*, 2nd ed., Shoken, Bloomington, 297 p.
- Klepikova, A. (2018), *Navernoje, ia durak: Antropologicheskij roman* [“Perhaps I am foolish: An Anthropological novel], European University in Saint Petersburg, Saint Petersburg, 432 p. (in Russian).
- Krupnik, I. (1995), “Soviet Cultural and Ethnic Policies towards Their Jews: A Legacy Reassessed”, in Ro'i, Y. (ed.), *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*, Frank Cass, London, pp. 67–86.
- Kurlenkova, A. S. (2018), “Disability as an effect of practices: An attempt of a new conceptualization”, in Kurlenkova, A. S. and Nosenko-Stein, E. E. (eds), *Obratnaya storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriya, reprezentatsiya, praktiki* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], MBA, Moscow, pp. 25–42 (in Russian).
- Mayer, E. (2001), *The Production of Philanthropy: A Case Study of the Imagery and Methodology of Jewish Fundraising: An Extension Course Guide*, Center for the Study of Philanthropy, New York, 52 p.
- Nosenko-Shtein, E. E. and Kirnos, A. E. (2020), “Mercy is Higher than Justice”, *Medical Anthropology and Bioethics*, vol. 2 (20) (in Russian). DOI: 10.33876/2224-9680/2020-2-20/14.
- Nosenko-Stein, E. (2013), “*Peredaite ob etom detyam vashim, a ikh deti sleduyuschemu rodu*”: kulturnaya pamyat' u rossijskikh evreyev v nashi dni [“Tell it to your children, and their children will tell it to next generation”: Cultural memory of Russia's Jews today], MBA Publishers, Moscow, 576 p. (in Russian).
- Nosenko-Stein, E. (2018), “Anthropology of disability: problems and perspectives”, *Ethnographic Review*, no. 1, pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.7868/S0869541518010013.
- Ruka pomoshchi, *Regional'nyi obshchestvennyi evreiskii blagotvoritel'nyi fond* [Helping hand, regional public Jewish charitable foundation] (2021), available at: <http://ruka-pomoschi-fond.ru/> (accessed 09 December 2021) (in Russian).

- Shaarey Tsedek, *Charity organization* (2021), available at: <https://www.tzedek.ru/> (accessed 08 January 2022) (in Russian).
- Sholem, G. (2004), *Major trends in Jewish mysticism*, translated by Bartman, N. and Zabolotnaya, N.-E., Mosty kultury, Moscow, Gesharim, Jerusalem, 510 p. (in Russian).
- Shternshis, A. (2006), *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*, Indiana University Press, Bloomington, xxi, 252 p.
- Siebers, T. (2008), *Disability Theory. Boldly rethinks theoretical questions of the last thirty years from the vantage point of disability studies*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 240 p.
- Sinel'nikov, A. B. (2018), "Demography of Russian Jewry", in Yemelyanenko, T. and Nosenko-Stein, E. (eds), *Evrei* [Jews (series "Peoples and Cultures")], Nauka, Moscow, pp. 141–154 (in Russian).
- Starovoitenko, N. (2018), "Eight stages of mercy. About Jewish philanthropy functioning", *Miloserdie.ru, Orthodox portal about charity*, available at: <https://www.miloserdie.ru/article/vosem-stepenej-miloserdiya-kak-ustroena-evrejskaya-blagotvoritelnost/> (accessed 08 January 2022) (in Russian).
- Watson, N., Roulstone, A. and Thomas, C. (eds) (2012), *Routledge Handbook of Disability Studies*, Routledge, London, 468 p.
- World Health Organization (2011), *Vsemirny doklad ob invalidnosti* [World report about disability], available at: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/ru/ (accessed 09 December 2021) (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 28.01.2022

Принята к публикации / Accepted: 10.02.2022

Информация об авторе

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Институт востоковедения РАН,
Институт этнологии и антропологии РАН
107031, Россия, Москва,
ул. Рождественка, 12
E-mail: nosenko1@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-9952-8582

Information about the author

Nosenko-Stein, Elena Eduardovna
D. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Institute of Ethnology
and Anthropology, Russian Academy
of Sciences
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031
Russia
E-mail: nosenko1@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-9952-8582

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.042
УДК 393.05 + 316.74:39 +316.75

ПРОЩАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА (СОЦИОЛОГИЯ ПОХОРОН)

И. Е. Левченко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей прощальной встречи — похорон. Они представляют собой ритуальное оформление проводов умершего в пространство смерти, гарантирующее благополучное для живых преодоление границы между ними. Несмотря на историко-культурные и этноконфессиональные различия, в прощаниях с усопшим можно обнаружить общий алгоритм и сходные черты. Ретроспективный анализ обрядов показал, что во все времена существовала «стратификация» церемоний похорон. В XX веке за рубежом процесс секуляризации привел к значительному сокращению похорон, совершаемых в соответствии с религиозными ритуалами. С глубокой древности траурная музыка задает темпоритм похорон. Хотя переход от традиционного к модернизированному обществу в определенной степени модифицировал прощание, остались неизменными их фундаментальные черты — демонстрация любви и уважения к покойному, обряды выноса тела и траурное шествие к месту его последнего пристанища. Классификация похорон осуществляется по множеству оснований (количество усопших, социальный статус умершего, технологии, продолжительность и др.). Согласно обычаям, на отдельных стадиях или в определенных ритуалах похорон ограничивается или запрещается участие детей, женщин (особенно — беременных), тяжелобольных, престарелых людей и т. п. Наряду с жестко регламентированными церемониями, в жизни людей случаются экстренные похороны, когда продолжительность ритуалов сокращается, либо они не соблюдаются вовсе — в условиях боевых действий, природных или техногенных катастроф, пандемий. По своей «природе» похороны полифункциональны — они выполняют санитарно-гигиеническую, ритуальную, психотерапевтическую, консолидирующую, идентификационную, мемориальную и другие функции. В целом похороны можно рассматривать как «цепь» оппозиций: завершение — начало, разрыв — соединение, прощание — встреча и т. п.

Ключевые слова: прощальная встреча, социология похорон, темпоритм, траурная музыка, классификация похорон, функции похорон.

Для цитирования: Левченко И. Е. Прощальная встреча (социология похорон) // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 101–115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.042

A FAREWELL MEETING (SOCIOLOGY OF FUNERALS)

I. E. Levchenko

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article is devoted to identifying the features of a farewell meeting — funeral. They represent the ritual design of the wires of the deceased into the space of death, guaranteeing a safe crossing of the border between them for the living. Despite the historical, cultural and ethno-confessional differences, a common algorithm and similar features can be found in the farewells to the deceased. A retrospective analysis of the rites showed that at all times there was a “stratification” of funeral ceremonies. In the 20th century, the secularization process abroad led to a significant reduction in funerals performed in accordance with religious rituals. Since ancient times, mourning music has set the tempo of funerals. Although the transition from a traditional to a modernized society had modified the farewell to a certain extent, their fundamental features remained unchanged — the demonstration of love and respect for the deceased, the rites of carrying out the body and the funeral procession to the place of his last resting place. Classification of funerals is carried out on a variety of grounds (the number of deceased, the social status of the deceased, technology, duration, etc.). According to customs, at certain stages or in certain funeral rituals, the participation of children, women (especially pregnant women), seriously ill, elderly people, etc. is restricted or prohibited. Along with strictly regulated ceremonies, emergency funerals occur in people’s lives when the duration of rituals is shortened, or they are not observed at all — in conditions of hostilities, natural or man-made disasters, pandemics. By their “nature” funerals are multifunctional — they perform sanitary-hygienic, ritual, psychotherapeutic, consolidating, identification, memorial and other functions. In general, funerals can be considered as a “chain” of oppositions: completion — beginning, break — connection, farewell — meeting, etc.

Keywords: farewell meeting, sociology of funerals, tempo rhythm, funeral music, classification of funerals, funeral functions.

For citation: Levchenko, I. E. (2021), “Farewell Meeting (Sociology of Funerals)”, *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 101–115 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.042

Введение

Развитие цивилизации привело к тому, что похороны стали представлять собой ритуальное оформление проводов умершего в пространство смерти, гарантирующее благополучное для живых преодоление границы между ними [Bailey, Walter 2016; Hayslip, Ward, Sewell 2009]. В результате эта церемония

обозначает одновременно прощание с ушедшим в иной мир человеком, его «вхождение» в загробный мир и явление пред Богом, а также «непосредственную встречу» участников печального мероприятия с феноменом смерти и общение между собой.

Несмотря на историко-культурные и этноконфессиональные различия, в прощаниях с усопшим можно обнаружить общий алгоритм и сходные черты.

Похороны: ретроспективный взгляд

В Древнем Египте усопшего любого достатка, когда его труп надлежащим образом оплакивался домашними и затем посвящался жрецами подземному миру наложением на него собачьей маски Анубиса, укладывали в пестро раскрашенный ящик и, поставив на полозья, отвозили на священных быках в сопровождении жрецов и родственников к Нилу. Переправившись через реку на западный берег, доходили до приготовленной гробницы, и здесь жрецы устраивали «суд» над покойником [Вейс 1998, с. 92; Дженкинс 1986, с. 98–100; Монтэ 1989, с. 316–317, 324; Assmann 1989; Baines, Lacovara 2002]. «Книга мертвых» донесла до нас оправдательные речи умершего, клявшегося, что он «не чинил зла людям», «не убивал», «не совершал прелюбодеяния» и т. п. [Из «Книги мертвых» 1978].

Древнегреческие похоронные обряды также предусматривали участие специалистов и «дилетантов». Тело омывали, умащали благовониями, украшали венками и облачали в самые пышные одежды, какие способна предоставить семья. В зубы покойнику клали обол для уплаты Харону — мифическому лодочнику, который переправлял мертвецов через Стикс в Аид. Тело помещали в глиняный или деревянный гроб; в знак траура носили черные одежды; в дар покойному состригали волосы или отдельные пряди. На третий день тело укладывали на похоронные носилки и проносили по улицам, а участвующие в шествии женщины голосили и били себя в грудь [Велишский 2000, с. 645–653; Винничук 1988, с. 308–317; Дюрант 1997, с. 317–318; Georgoulaki 1996; Retief, Cilliers 2006b].

Очевидно, что похороны обходились недешево, поэтому в некоторых полисах принимались специальные законы, призванные ограничить издержки граждан на погребальные обряды [Винничук 1988, с. 313]. Вместе с тем, согласно Фукидиду, описавшему погребение афинских воинов, ставших первыми жертвами Пелопоннесской войны, любой из граждан и иностранцев имел право присоединиться к похоронной процессии [Фукидид 1999, с. 104].

Ритуалы проводов в Древнем Риме убедительно свидетельствуют о «стратификации» усопших. С одной стороны, по решению сената похороны знатного человека нередко устраивали за счет казны. Глашатаи до полудня оповещали народ о церемонии (после таких похорон обычно проводили игры гладиаторов).

Когда публика собиралась, распорядители устраивали шествие, похожее на триумфальное. В период империи пышное прощание с покойным цезарем сопровождалось ритуалом его обожествления. С другой стороны, проводы умершего в очень юном возрасте лишались всякой торжественности, каково бы ни было общественное положение покойника. Похороны молодого человека, по мнению римлян, оскверняли весь дом, их называли «несчастливыми» [Вейс 1998, с. 592–593; Велишский 2000, с. 653–657; Винничук 1988, с. 318–332; Гиро 2001, с. 176–183; Санчурский 1995, с. 131–133; Retief, Cilliers 2006a].

В христианстве стало принято совершать заупокойную службу в храме. В Средневековье была продолжена институализация церемониала государственных похорон. Постепенно произошло «разделение» сакрального тела монарха и его физического тела.

Однако если в Византии идея равенства императора и раба перед лицом смерти отодвинула на время прощания традицию обожествления василевса («в целом вся церемония ухода правителя из жизни утратила светский характер и находилась по преимуществу в руках клира» [Поляковская 2011, с. 272]), то в католической Европе был создан «погребальный манекен» (эффигия), который выполнял функцию презентации (разлагающегося) тела монарха в течение многодневных церемоний прощания. «Удвоение» тела государя выражало две стороны его существования — смирение и величие. Известно также, что при погребении германского императора Фридриха III Габсбурга во время заупокойной службы шествие к алтарю собора совершали не только люди, но и кони, символизировавшие различные земли, которыми владел покойный государь [Бойцов 2009, с. 444].

В Новое время происходят существенные изменения в прощальных церемониях. Например, английский парламент, справедливо полагая, что обычаи похорон сыграли негативную роль в распространении «черной смерти», в 1665 г. издал закон против «ненужных посещений» траурных процессий [Gazis-Sax 1995]. Но позднее возникла мода на вечерние похороны, что означало дополнительные расходы на дорогие восковые факелы и катаfalки. Фактически, процессии, направлявшиеся к храму, демонстрировали богатство семей усопших [Уоллер 2003, с. 135–136].

При этом сам протестантский ритуал прощания отличается известной скромностью: «Пастор (в храме или дома) произносит вступительную речь, выражает сочувствие родственникам, говорит несколько слов о личности усопшего, звучит хорал, после этого зачитывается Псалом и Послание римлянам апостола Павла, произносится проповедь» [Похороны в протестантстве 2021].

В Новейшее время за рубежом процесс секуляризации привел к значительному сокращению похорон, совершаемых в соответствии с религиозными ритуалами. Например, в Великобритании по англиканскому обряду погребается лишь около 15 % умерших [Percent Cremated 2020].

Темпоритм похорон

Уже в Древности ритм похоронным обрядам задавала музыка, которая, как справедливо полагал П. А. Сорокин, «больше приспособлена к объективации и передаче чувств, эмоций, настроений или неуловимых умственных состояний, которые не поддаются вербальному выражению, и поэтому она чаще используется для эмоциональной, чем для интеллектуальной коммуникации» [Сорокин 1992, с. 209].

Отечественным практикам прощания присуще определенное своеобразие. Так, ученые выявили наличие взаимосвязи между свадебным и похоронным ритуалами у славян [Юдин 1999, с. 169–170]. Это служит еще одним аргументом в пользу теории обрядов перехода.

Похоронные причитания (причеть, причёт, плач) относятся к архаичным жанрам фольклора. Последний представляет собой особый инструмент управления человеческим поведением: специфика фольклорной речи состоит в том, что она организована в соответствии с определенными принципами, задаваемыми традицией. Интонационно-ритмическая, лексическая, синтаксическая и тематическая упорядоченность речевых практик, практик коммуникации, напрямую связана с закреплением определенных социальных отношений [Адоньева 2004].

Обычай изливать свою скорбь в особых поэтических формах, в приподнятой, ритмической речи, коренится в основах человеческой психики. Свидетельства об этом сохранились во многих источниках (например, в гомеровской «Илиаде», Библии и др.) [Причитания 1898].

Громкие вопрошания (например, «на кого ты нас покинул?!»), использующие традиционные ритмические механизмы народной поэтической речи, позволяют в словах «выплакать» горе и тоску, вытеснить негативные переживания. Поэтический текст каждого конкретного причитания зависит от нескольких условий: 1) характера «языковой личности» исполнителя как носителя определенного языкового, культурного и социального диалектов, имеющего определенную биографию; 2) его психосоматического состояния, определяющего перцептуальный характер времени и пространства обряда; 3) роли исполнителя в обряде, его обрядовой функции (мать, жена, соседка и т. д.); 4) коммуникативного статуса текста, ориентации текста на определенного адресата (покойный, соседи, дети и т. д., включая и автоориентацию); 5) конкретной формы ритуального события (вынос гроба, поминки и т. д.); 6) знания традиции (включая музыкальную традицию исполнения) и направленности на ее воспроизведение [Герасимова 1998].

В плачах одновременно сочетаются стереотипность и импровизационность: драматизация, паузы, жесты, сюжеты, рыдания, крик и др.

Филологи справедливо отмечают, что тема смерти, например, в русских народных плачах противоположна христианским представлениям. Это

не вестник покоя и радости, а заклятый враг человечества. В плачах отчетливо прослеживается культ мертвых, в основе которого лежит вера в бессмертную душу: умирает только тело, душа остается живой и будет вредить или помогать оставшимся на земле. Живые должны позаботиться, чтобы определить наилучшим образом душу в мир мертвых — чтобы там ее встретили, помогли, устроили. Посредством плача оповещают жителей «страны мертвых» о прибытии покойного, обращаются к ранее умершим родственникам с просьбой встретить его в новом мире, принять под свою опеку. Догма о загробном воздаянии никак не проявляется в плачах, поэтому христианство осуждало причитания [Адоньева 2004; Герасимова 1998; Седакова 2004].

Со временем магические плачи вытеснялись религиозной музыкой (например, заупокойная месса, кондак «Со святыми упокой» и др.), которая придала импульс развитию светской музыки и созданию шедевров мировой культуры — «Реквиема» В.-А. Моцарта, «Немецкого реквиема» И. Брамса, «Реквиема» Дж. Верди, «Заупокойных песнопений» И. Ф. Стравинского и др. Произведения великих композиторов дают слушателям возможность эмоционально переживать брэнность бытия и трагизм утрат.

С конца XIX в. в евро-атлантической цивилизации происходит закрепление музыкального ряда церемонии прощания: как правило, в качестве траурного марша звучит третья часть Второй сонаты для фортепьяно Ф. Шопена, исполненная на похоронах композитора 30 октября 1849 г.

Погребальный звон и воинская музыка призваны акцентировать начало и окончание религиозных и светских ритуалов, придавая им торжественность и обозначая темп движения почетного караула и других участников церемоний.

Итак, траурная музыка задает темпоритм похорон и выполняет ритуальную, психотерапевтическую, экспрессивную, коммуникативную, эстетическую, регламентирующую и другие функции.

Похороны: традиции и инновации

По православной традиции отпевание и погребение обычно совершаются на третий день после смерти человека. В конце отпевания священник читает разрешительную молитву, после этого родные и близкие обходят гроб с телом, с поклоном просят прощения у покойного за невольные обиды, прикладываются к иконе на груди и к венчику на лбу усопшего. В Церкви сложилось несколько последований чина погребения: мирян, младенцев, монахов, священников и особый чин на Святую Пасху. По чину священническому погребаются только архиереи и иереи; монахи, иеромонахи и архимандриты — по чину монашескому; диаконы и миряне — по чину «мирских человек»; младенцы (до 7 лет) — по чину младенческому [Булгаков 1993, с. 1288–1358].

Преобразования, произошедшие в России во второй половине XIX — начале XX в., отразились на культуре общества, включая ритуалы последнего пути. У. Никелл глубоко проанализировал социокультурный контекст прощаний с великими писателями (Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин и Л. Н. Толстой). Он установил, что участники похорон задействовали механизм превращения мертвого тела в «политический козырь». В итоге, мероприятия приобретали черты демонстрации и митинга. Манифестация скорби выступала в качестве показателя политической культуры активной части социума [Никелл 2000].

После Октябрьской революции насильственная атеизация духовной жизни советских людей привела к отказу от этноконфессиональных ритуалов прощания с умершими [Листова 2015], вместе с тем среди населения наблюдалось следование архаичным обычаям (например, вкладывание в гробы усопших амулетов, оберегов и т. д.).

Хотя переход от традиционного к модернизированному обществу в определенной степени модифицировал прощание, остались неизменными их фундаментальные черты — демонстрация любви и уважения к покойному, обряды выноса тела и траурное шествие к месту его последнего пристанища.

Согласно обычаям, на отдельных стадиях или в определенных ритуалах похорон ограничивается или запрещается участие детей, женщин (особенно — беременных), тяжелобольных, престарелых людей и т. п.

Подчеркнем, что органичность организации похорон родственниками, присущая традиционному социуму, в обществе (пост)модерна сменилась доминирующим участием ритуальных фирм, решающих комплекс обрядовых и юридических вопросов прощания с покойным.

Показательным примером синтеза регламента и сострадательного «аспекта» похорон стал последний путь президента США Дж. Ф. Кеннеди, трагически погибшего в Далласе в 1963 г. Гроб с его телом был со всеми почестями доставлен в Вашингтон; сначала его установили в Восточной комнате Белого дома, затем — под огромным куполом Капитолия, где сотни тысяч людей, скорбя, попрощались с ним [Броган 1997, с. 336].

Согласно нормативным документам, к траурным процессиям относятся похоронные и мемориальные шествия, колонны транспортных средств, а также прощальные и поминальные митинги и манифестации. Важнейшими из них являются следующие: 1) траурные митинги (гражданские панихиды); 2) вынос умершего из здания для прощания на открытом воздухе; 3) пешее шествие на кладбище или в крематорий; 4) траурный кортеж (автопоезд, гужевой поезд); 5) перенос умершего из автокатафалка в зал ритуального здания [Рекомендации 2001].

Проведенный нами анализ исследований позволяет классифицировать похороны по ряду оснований (см. таблицу).

Классификация похорон**Classification of funeral**

№	Критерий	Типы
1	Количество усопших	индивидуальные, двойные, групповые
2	Пол покойного	мужские, женские
3	Возраст умершего	детские, взрослые, старческие
4	Семейное положение усопшего	одинокое, семейные (сына, дочери, матери, отца, бабушки, дедушки, сестры, брата, родственников)
5	Брачный статус покойного	(не)замужней, женатого (холостого), разведенного(ой), вдовы(ца)
6	Социальный статус умершего	высоко-, средне- и низкостатусные
7	Причины и обстоятельства смерти	умершего от старости (болезни), погибшего (на поле брани, от рук преступника), казненного, самоубийцы
8	Законность	нелегальные, легальные
9	Открытость	тайные, публичные
10	Организация	домашние, полупрофессионально организованные, профессионально организованные
11	Технологии	самодельные, механизированные, автоматизированные, виртуальные, комбинированные
12	Численность участников	групповые, массовые
13	Церемониал	общегражданские, гражданские, воинские, по государственному протоколу, по деловому протоколу, по религиозному обряду, по этническому обряду
14	Характер	частные (семейно-родственные), официальные
15	Условия	нормальные, экстренные
16	Присутствие	реальные, символические
17	Способы	традиционные, инновационные
18	Перемещение	пешие, конные, автомобильные, железнодорожные, водные, авиационные, смешанные
19	Территория	сельские, городские, столичные
20	Продолжительность	сокращенные, стандартные, пролонгированные
21	Время суток	утренние, дневные, вечерние, ночные
22	Сезон года	зимние, весенние, летние, осенние
23	Уровень затрат	бедные, скромные («бюджетные»), «бизнес-класс», перворазрядные, пышные («VIP»)

Используя данную классификацию, рассмотрим похороны партийно-государственных руководителей СССР, проходившие в первой половине 1980-х гг. На основе информации, содержащейся в радио- и телевизионных трансляциях церемоний и в центральных газетах «Правда» и «Известия», можно реконструировать ход прощальных церемоний [Левченко 2005].

Первая стадия похорон начиналась с официального извещения о кончине «вождя» в «Обращении к коммунистической партии и к советскому народу», которое публиковалось в СМИ. Оно включало некрологическое клише «позднего застоя»: «Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности. Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплачиваются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его руководящего ядра...»

Обязательно сообщалось о создании правительственной комиссии по организации похорон, главой которой назначался член Политбюро ЦК КПСС — будущий лидер партии и государства.

Вторая стадия знаменовалась «марафоном» всенародного прощания, проводившегося в Колонном зале Дома Союзов. В траурной вахте участвовали «рядовые» члены комиссии по организации похорон (руководители профсоюзов, комсомола, творческих союзов, космонавты, передовики производства). Последний почетный караул у гроба состоял из членов и кандидатов в члены Политбюро; завершающие минуты прощания отдавались близким.

Далее — скорбное шествие, когда гроб на артиллерийском лафете доставлялся на Красную площадь. Впереди процессии несли сотни венков от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, союзных республик, краев и областей, советских и общественных организаций, от трудовых коллективов страны и зарубежных делегаций. За ними — на атласных подушечках награды, которых был удостоен лидер. Непосредственно за гробом безмолвно следовали руководители компартии и Советского государства, члены комиссии по организации похорон, родные покойного, министры, ответственные работники ЦК КПСС, МГК КПСС и исполкома Моссовета, представители общественности. Кортиж прибывал на Красную площадь, заполненную народом, над шеренгами частей войск Московского гарнизона — склоненные боевые знамена. Колонна останавливалась у мавзолея, и гроб с лафета переносился на постамент.

Затем начиналась гражданская панихида. На центральную трибуну мавзолея поднимался «ареопаг» и члены комиссии по организации похорон. На гостевых трибунах — практически полный состав ЦК КПСС и Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, представители партийных, советских и общественных организаций,

военачальники, передовики производства, зарубежные гости и дипломаты. Панихида начиналась речью преемника усопшего, далее звучали выступления его ближайшего соратника, авторитетного ученого, знатного рабочего и последнего оратора — посланца малой Родины покойного.

Третья стадия — совершение погребения: руководители страны спускались с трибуны и подходили к постаменту, офицеры поднимали и несли гроб к Кремлевской стене, немощные старцы лишь «поддерживали» его. Под звуки государственного гимна и гром артиллерийских залпов (их также производили в столицах союзных республик, городах-героях и ряде других городов (центрах военных округов и мест рождения и работы умершего)) гроб опускался в могилу и закапывался. Пять минут молчания выдерживались по всей стране.

Четвертая стадия — завершающая дань уважения погребенному: государственные мужи вновь поднимались на трибуну мавзолея и наблюдали за маршем подразделений Московского гарнизона, отдававших последние воинские почести упокоенному лидеру.

Эти похороны характеризуются следующим образом: 1) индивидуальные; 2) мужские; 3) старческие; 4) семейные; 5) женатого; 6) высокостатусные; 7) умершего от болезни; 8) легальные; 9) публичные; 10) профессионально организованные; 11) комбинированные; 12) массовые; 13) по государственному протоколу; 14) официальные; 15) нормальные; 16) реальные; 17) традиционные; 18) смешанные; 19) столичные; 20) стандартные; 21) дневные; 22) весенние (осенние); 23) пышные.

Отметим, что в новой России церемонии государственных похорон такого же ранга проводилась в связи погребением останков семьи последнего российского императора Николая II и его приближенных и тела первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина.

Похороны подобного рода имеют международное значение, так как подводят некий итог в историческом развитии государства, манифестируют ответственность внешне- и внутривластного курса руководства державы и поддержку со стороны народа.

Наряду с жестко регламентированными церемониями, в жизни людей случаются экстренные похороны, когда продолжительность ритуалов сокращается либо они не соблюдаются вовсе — в условиях боевых действий, природных или техногенных катастроф. Нынешняя пандемия также вынуждает минимизировать число участников траурных мероприятий, но при этом существует возможность их «виртуализации» и значительного увеличения количества зрителей. Наиболее яркий пример — недавняя трансляция похорон принца Филиппа, герцога Эдинбургского.

Заключение

Методологию исследования похорон целесообразно выстраивать с учётом следующих аспектов: 1) похороны в контексте антиномии жизнь — смерть (аксиологический аспект); 2) похороны как социальный процесс (процессуальный аспект); 3) похороны как социальный институт (институциональный аспект); 4) похороны как спектакль (семиотический аспект).

По своей «природе» похороны полифункциональны — они выполняют санитарно-гигиеническую, ритуальную, психотерапевтическую, консолидирующую, идентификационную, мемориальную и другие функции.

В целом похороны можно рассматривать как «цепь» оппозиций: завершение — начало, разрыв — соединение, прощание — встреча и т. п.

Список литературы

- Адоньева 2004 — Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. 312 с.
- Бойцов 2009 — Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М. : РОССПЭН, 2009. 550 с.
- Броган 1997 — Броган Х. Джон Кеннеди / пер. с англ. А. Б. Дрозд. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 384 с.
- Булгаков 1993 — Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей : в 2 ч. Ч. 2. М. : Изд. отдел Московского патриархата, 1993. С. 945–1772.
- Вейс 1998 — Вейс Г. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь : ил. энцикл. : в 3 т. Т. 1 : Классическая древность (до IV в.). М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. 752 с.
- Велишский 2000 — Велишский Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян : пер. с чеш. под ред. И. Я. Ростовцева. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 702 с.
- Винничук 1988 — Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польск. В. К. Ронина. М. : Высшая школа, 1988. 496 с.
- Герасимова 1998 — Герасимова Н. М. Поэтика плача в севернорусских причитаниях // Обрядовая поэзия Русского Севера: Плачи : приложение № 7 к Бюллетеню фонетического фонда русского языка / сост. А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко. СПб. : Бохум, 1998. С. 13–37.
- Гиро 2001 — Гиро П. Быт и нравы древних римлян / пер. с фр. ; науч. ред., прим., обраб. текста К. В. Купченко, Н. В. Абрамовой. Смоленск : Русич, 2001. 572 с.
- Дженкинс 1986 — Дженкинс Н. Ладья под пирамидой (Царская ладья фараона Хеопса) / пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона. М. : Наука, 1986. 125 с.
- Дюрант 1997 — Дюрант В. Жизнь Греции / пер. с англ. В. Федорина. М. : Крон-Пресс, 1997. 704 с.
- Из «Книги мертвых» 1978 — Из «Книги мертвых». Гл. 125 // Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза : сб. / пер. с древнеегип., вст. ст. и коммент. М. А. Коростовцева ; сост. К. Н. Жуковская. М. : Художественная литература, 1978. С. 256–260.
- Левченко 2005 — Левченко И. Е. Традиции прощания: от прошлого к постсовременности // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России : VIII науч.-практ. конференция, проведенная Гуманитарным университетом (г. Екатеринбург) 17–18 мая 2005 года : тез. докл. : в 2 т. Т. 2 / редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова, А. П. Семитко и др. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2005. С. 59–62.
- Листова 2015 — Листова Т. Праздник встречи живых и умерших в пространстве кладбища. Современные календарные поминания на российско-украинско-белорусском пограничье // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре : сб. ст. / отв. ред. Д. В. Громов. М. : ИЭА РАН, 2015. С. 54–77.

- Монтэ 1989 — *Монтэ П.* Египет Рамсесов / пер. с фр. Ф. Л. Мендельсона. М. : Наука, 1989. 380 с.
- Никелл 2000 — *Никелл У.* Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России / пер. с англ. С. Силаковой // Новое литературное обозрение. 2000. № 44 (4). С. 43–61.
- Поляковская 2011 — *Поляковская М. А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 333 с.
- Похороны в протестантстве 2021 — Похороны в протестантстве [Электронный ресурс] // Ritual.ru: городская ритуальная служба в Москве и области : сайт. 2021. URL: <https://ritual.ru/poleznaia-informacia/pokhorony-v-protestantstve/> (дата обращения: 16.10.2021).
- Причитания 1898 — Причитания // Энциклопедический словарь : в 86 т. XXV (49) : Праяга — Просрочка отпуска / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского ; издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1898. С. 288–289.
- Рекомендации 2001 — Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации МДК 11-01.2002 (рекомендованы протоколом НТС Госстроя России от 25 декабря 2001 г. № 01-НС-22/1) [Электронный ресурс] // Гарант : справ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12128536/> (дата обращения: 16.10.2021).
- Санчурский 1995 — *Санчурский Н. В.* Римские древности : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 1995. 205 с.
- Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. М. : Индрик, 2004. 320 с.
- Сорокин 1992 — *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. С. А. Сидоренко, А. Ю. Согомонова ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М. : Политиздат, 1992. 542 с.
- Уоллер 2003 — *Уоллер М.* Лондон. 1700 год / пер. с англ. М. В. Пановой, Т. П. Церр. Смоленск : Русич, 2003. 379 с.
- Фукидид 1999 — *Фукидид.* История / пер. с древнегреч. и примеч. Г. А. Стратановского. М. : Ладомир, 1999. 729 с.
- Юдин 1999 — *Юдин А. В.* Русская народная духовная культура : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Высшая школа, 1999. 330 с.
- Assmann 1989 — *Assmann J.* Death and initiation in the funerary religion of Ancient Egypt / translated by M. Grauer, R. Meyer // Religion and Philosophy in Ancient Egypt. Yale Egyptological Studies 3 / ed. by W. K. Simpson. Yale Egyptological Seminar, 1989. P. 135–159.
- Bailey, Walter 2016 — *Bailey T., Walter T.* Funerals against death // Mortality. 2016. Vol. 21. No 2. P. 149–166. DOI: 10.1080/13576275.2015.1071344.
- Baines, Lacovara 2002 — *Baines J., Lacovara P.* Burial and the dead in Ancient Egyptian society // Journal of Social Archaeology. 2002. Vol. 2 (1). P. 5–36.
- Gazis-Sax 1995 — *Gazis-Sax J.* A Brief History of Cemeteries [Electronic resource] // Alsirat. 1995. URL: <http://www.alsirat.com/silence/history.html> (access date: 16.10.2021).
- Georgoulaki 1996 — *Georgoulaki E.* Religious and Socio-Political Implications of Mortuary Evidence // Kernos. 1996. No. 9. P. 95–120. DOI: 10.4000/kernos.1160.
- Hayslip, Ward, Sewell 2009 — *Hayslip Jr. B., Ward M. L., Sewell K. W.* Funerals // Encyclopedia of death and the human experience / ed. by C. D. Bryant, D. L. Peck. Los Angeles : SAGE Publications, 2009. P. 486–490.
- Percent Cremated 2020 — Percent Cremated in the UK (1884–2011) and of % of Funerals that are Church of England [Electronic resource] // Religion in the United Kingdom. Diversity, Trends and Decline. Vexen Crabtree, 2020. URL: <http://www.vexen.co.uk/UK/religion.html#burn> (access date: 16.10.2021).
- Retief, Cilliers 2006a — *Retief F. P., Cilliers L.* Burial customs and the pollution of death in ancient Rome: procedures and paradoxes // Acta Theologica. 2006. Vol. 26. No. 2. Suppl. 7. P. 128–146. DOI: 10.4314/actat.v26i2.52569.

Retief, Cilliers 2006b — Retief F. P., Cilliers L. Burial customs, the afterlife and the pollution of death in Ancient Greece // *Acta Theologica*. 2006. Vol. 26. No. 2. Suppl. 7. P. 44–61. DOI: 10.4314/actat.v26i2.52560.

References

- Adon'eva, S. B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The Pragmatics of folklore], St Petersburg University, Saint Petersburg, 312 p. (in Russian).
- Assmann, J. (1989), "Death and initiation in the funerary religion of Ancient Egypt", translated by Grauer, M. and Meyer, R., in Simpson, W. K. (ed.), *Religion and Philosophy in Ancient Egypt*. *Yale Egyptological Studies* 3, pp. 135–159.
- Bailey, T. and Walter, T. (2016), "Funerals against death", *Mortality*, vol. 21, no. 2, pp. 149–166. DOI: 10.1080/13576275.2015.1071344.
- Baines, J. and Lacovara, P. (2002), "Burial and the dead in Ancient Egyptian society", *Journal of Social Archaeology*, vol. 2 (1), pp. 5–36.
- Boitsov, M. A. (2009), *Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoi Evrope* [Greatness and humility. Essays on Political Symbolism in Medieval Europe], ROSSPEN, Moscow, 550 p. (in Russian).
- Brogan, H. (1997), *Kennedy*, translated by Drozd, A. B., Feniks, Rostov-on-Don, 384 p. (in Russian).
- Bulgakov, S. V. (1993), *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovnoslužhitelei, v 2 chastyakh. Chast' 2* [A table book for the Holy clergy, in 2 parts, Part 2], The Moscow Patriarchate, Moscow, pp. 945–1772 (in Russian).
- Durant, W. (1997), *The Life of Greece*, translated by Fedorin, V., Kron-Press, Moscow, 704 p. (in Russian).
- "From the Book of the Dead. Chapter 125" (1978), in Zhukovskaya, K. N. (ed.), *Povest' Peteise III. Drevneegipetskaya proza, sbornik* [The story of Peteise III. Ancient Egyptian prose, a Collection], translated by Korostovtsev, M. A., Khudozhestvennaya literatura, Moscow, pp. 256–260 (in Russian).
- "Funerals in Protestantism" (2021), *Ritual.ru, City funeral service in Moscow and the region*, available at: <https://ritual.ru/poleznaya-informacia/pokhorony-v-protestantstve/> (accessed 16 October 2021) (in Russian).
- Gazis-Sax, J. (1995), "A Brief History of Cemeteries", *Alsirat*, available at: <http://www.alsirat.com/silence/history.html> (accessed 16 October 2021).
- Georgoulaki, E. (1996), "Religious and Socio-Political Implications of Mortuary Evidence", *Kernos*, no. 9, pp. 95–120. DOI: 10.4000/kernos.1160.
- Gerasimova, N. M. (1998), "The poetics of crying in Northern Russian lamentations", in Kastrov, A. Yu. and Marchenko, Yu. I. (eds), *Obryadovaya poeziya Russkogo Severa: Plachi, Prilozhenie № 7 k Byulletenyu foneticheskogo fonda russkogo yazyka* [Ritual poetry of the Russian North: Lamentations, Appendix No. 7 to the Bulletin of the Phonetic Fund of the Russian language], Bokhum, Saint Petersburg, pp. 13–37 (in Russian).
- Guiraud, P. (2001), *La Vie privée et la vie publique des Romains*, translated by Rusich, Rusich, Smolensk, 572 p. (in Russian).
- Hayslip, Jr. B., Ward, M. L. and Sewell, K. W. (2009), "Funerals", in Bryant, C. D. and Peck D. L., *Encyclopedia of death and the human experience*, SAGE Publications, Inc., Los Angeles, pp. 486–490.
- Jenkins, N. (1986), *The boat beneath the pyramid*, translated by Mendel'son, F. L., Nauka, Moscow, 125 p. (in Russian).
- "Lamentations" (1898), in Arsen'ev, K. K. and Petrushevskii, F. F. (eds), *Entsiklopedicheskii slovar', v 86 tomakh. Tom XXV (49), Prayaga — Prosochka otpuska* [Encyclopedic Dictionary, in 86 vols, Vol. XXV (49), Prayaga — Delayed vacation], Typo-Lithography by I. A. Efron, Saint Petersburg, pp. 288–289 (in Russian).

- Levchenko, I. E. (2005), "Traditions of farewell: from the past to postmodernity", in Zaks, L. A., Myasnikova, L. A., Semitko, A. P., Balmaeva, S. D., Zubkov, K. I., Zborovskii, G. E. et al. (eds), *Mezhdú proshlym i budushchim: sotsial'nye otnosheniya, tsennosti i instituty v izmenyayushcheisya Rossii, materialy konferentsii, 17-18 maya 2005, Yekaterinburg, v 2 tomakh. Tom 2* [Between the Past and the Future: Social Relations, Values and Institutions in a Changing Russia, Proc. of the Conference, Yekaterinburg, Russia, May 17-18, 2005, in 2 vols, Vol. 2], Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, pp. 59-62 (in Russian).
- Listova, T. (2015), "A celebration of the meeting of the living and the dead in the space of the cemetery. Modern calendar commemorations on the Russian-Ukrainian-Belarusian border", in Gromov, D. V. (ed.), *Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoi kul'ture* [Memento Mori: Funeral Traditions in Modern Culture], Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 54-77 (in Russian).
- Montet, P. (1989), *La vie quotidienne en Egypte aux temps des Ramses*, translated by Mendel'son, F. L., Nauka, Moscow, 380 p. (in Russian).
- Nickell, W. (2000), "Tolstoy's Death and the genre of public funerals in Russia", translated by Silakova, S., *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 44, pp. 43-61 (in Russian).
- "Percent Cremated in the UK (1884-2011) and of % of Funerals that are Church of England" (2020), *Vexen Crabtree*, available at: <http://www.vexen.co.uk/UK/religion.html#burn> (accessed 16 October 2021).
- Polyakovskaya, M. A. (2011), *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV v.: «teatr vlasti»* [Byzantine palace ceremonial of the XIV century: "theater of power"], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, 333 p. (in Russian).
- Rekomendatsii o poryadke pokhoroň i soderzhanii kladbishch v Rossiiskoi Federatsii MDK 11-01.2002 (rekomendovany protokolom NTS Gosstroya Rossii ot 25 dekabrya 2001 № 01-NS-22/1)* [Recommendations on the procedure for burial and the maintenance of cemeteries in the Russian Federation MDK 11-01.2002 (recommended by the protocol of the NTS of the Gosstroy of Russia dated December 25, 2001 No. 01-NS-22/1)] (2001), Garant.ru, available at: <https://base.garant.ru/12128536/> (accessed 16 October 2021) (in Russian).
- Retief, F. P. and Cilliers, L. (2006a), "Burial customs and the pollution of death in ancient Rome: procedures and paradoxes", *Acta Theologica*, vol. 26, no. 2, supplementum 7, pp. 128-146. DOI: 10.4314/actat.v26i2.52569.
- Retief, F. P. and Cilliers, L. (2006b), "Burial customs, the afterlife and the pollution of death in Ancient Greece", *Acta Theologica*, vol. 26, no. 2, supplementum 7, pp. 44-61. DOI: 10.4314/actat.v26i2.52560.
- Sanchurskii, N. V. (1995), *Rimskie drevnosti* [Roman antiquities], Moscow State University, Moscow, 205 p. (in Russian).
- Sedakova, O. A. (2004), *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [The poetics of the rite. Funeral rites of the Eastern and Southern Slavs], Indrik, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Sorokin, P. A. (1992), *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society], translated by Sidorenko, S. A. and Sogomonov, A. Yu., Politizdat, Moscow, 542 p. (in Russian).
- Thucydides (1999), *Istoriya* [History], translated by Stratanovskii, G. A., Ladimir, Moscow, 729 p. (in Russian).
- Veiss, H. (1998), *Istoriya tsvilizatsii: arkhitektura, vooruzhenie, odezhda, utvar', illyustrirovannaya entsiklopediya v 3 tomakh. Tom 1, Klassicheskaya drevnost' (do IV veka)* [The History of Civilization. Architecture, Arms, Clothes, Utensils, an illustrated encyclopedia, in 3 vols, Vol. 1, Classical antiquity (before the IV century)], translated by EKSMO-Press, EKSMO-Press, Moscow, 752 p. (in Russian).
- Velliský, F. (2000), *Život Řekú a Římanú*, translated by Rostovtsev, I. Ya. (ed.), EKSMO-Press, Moscow, 702 p. (in Russian).
- Waller, M. (2003), *1700 Scenes from London Life*, translated by Panova, M. V. and Tserr, T. P., Rusich, Smolensk, 379 p. (in Russian).

- Winniczuk, L. (1988), *Ludzie, zwyczaje, obyczaje starożytnej Grecji i Rzymu*, translated by Ronin, V. K., Vysshaya shkola, Moscow, 496 p. (in Russian).
Yudin, A. V. (1999), *Russkaya narodnaya dukhovnaya kul'tura* [Russian folk spiritual culture], Vysshaya shkola, Moscow, 330 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 10.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2021

Информация об авторе

Левченко Илья Евгеньевич
кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: i.e.levchenko@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-3619-4797

Information about author

Levchenko, Ilya Evgenievich
Cand. Sci (Philosophy), Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: i.e.levchenko@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-3619-4797

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Социально-политические процессы и дискуссии 1990-х

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.043

УДК 159.955.4:378.4(470.5) + 321.7 + 327.2

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИИ НАЧАЛА 1990-х гг. НА ТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА РОССИИ

В. И. Михайленко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье предлагается дискуссия, которая состоялась в 1992–1993 гг. с участием профессоров Уральского государственного университета В. А. Буханова и В. И. Михайленко относительно перспектив демократического транзита России. Участники дискуссии анализируют расположенность индивидуумов, массового общества, экономических и политических элит к демократическим преобразованиям и приходят к выводу о том, что в новой России идеалы свободы и демократических институтов не занимают доминирующего положения в массовом сознании. Отсюда велика восприимчивость российского общества к радикальным и экстремистским идеологиям, к разновидностям политических режимов прямой демократии. Обращаясь к теме геополитики, авторы отмечают ее научный потенциал. Когда геополитики отстаивают идею сильного государства, это не означает априори, что речь идет о тоталитарном государстве. В этом, как и в других случаях, политики приспособливают научные идеи или идеологии под свои утилитарные задачи. Вместе с тем можно говорить о предрасположенности определенных идей, в т. ч. и геополитики, для манипулирования массовым сознанием с целью утверждения авторитарных или тоталитарных режимов. По мнению авторов, сильным является государство, в котором установлены наиболее оптимальные отношения между гражданским обществом и государством. В статье сделаны выводы о том, что Россия после 1991 года не определилась с выбором

демократического транзита, имеет предрасположенность к выбору авторитарных или тоталитарных форм взаимоотношений между властью и обществом.

Ключевые слова: Российская Федерация, демократический транзит, геополитика, прямая демократия, представительная демократия, тоталитаризм.

Для цитирования: Михайленко В. И. Интеллектуальные рефлексии начала 1990-х гг. на темы постсоветского транзита России // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 4. С. 116–139. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043

INTELLECTUAL REFLECTIONS OF THE EARLY 1990S ON THE TOPICS OF POST-SOVIET TRANSITION OF RUSSIA

V. I. Mikhaylenko

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article proposes a discussion that took place in 1992–1993 with the participation of V. A. Bukhanov and V. I. Mikhaylenko, professors of the Ural State University, on the prospects of democratic transition of Russia. The participants of the discussion analyze the propensity of individuals, mass society, economic and political elites for democratic transformations and come to the conclusion that in New Russia the ideals of freedom and democratic institutions do not occupy a dominant position in the mass consciousness. Hence, there is great susceptibility of Russian society to radical and extremist ideologies, to varieties of political regimes of direct democracy. Turning to the topic of geopolitics, the authors note its scientific potential. When geopoliticians advocate the idea of a strong state, it does not mean a priori that we are talking about a totalitarian state. In this case, as in other cases, politicians adapt scientific ideas or ideologies to their utilitarian tasks. At the same time, we can talk about the predisposition of certain ideas, including geopolitics, to manipulating mass consciousness in order to establish authoritarian or totalitarian regimes. According to the authors, a strong state is one in which the optimum relations between civil society and state are established. The article concludes that after 1991 Russia has not decided on the choice of democratic transition and has a propensity to choose authoritarian or totalitarian forms of relations between the government and society.

Keywords: Russian Federation, democratic transition, geopolitics, direct democracy, representative democracy, totalitarianism.

For citation: Mikhaylenko, V. I. (2021), “Intellectual Reflections of the Early 1990s on the Topics of Post-Soviet Transition of Russia”, *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 116–139 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.043

Перебирая пожелтевшие бумаги в своем архиве, я наткнулся на две почти тридцатилетней давности записи диалога с Валентином Александровичем Бухановым. На них не указаны точные даты. По некоторым признакам, первую запись можно отнести к концу 1992 г., а вторая была сделана год спустя. На наш взгляд, именно этот период стал поворотным в выборе варианта постсоветской трансформации России. Очередная буржуазно-демократическая революция в России оказалась незавершенной. Не был решен вопрос о безоговорочной защите законом частной собственности, оставались правовые и институциональные лазейки для наступления на демократические институты и права человека, происходило возвращение государственно-бюрократического стиля мышления и управления, отказались от идеи гражданской нации, во внешней политике формировался великодержавный ревизионизм.

Отставка Е. Гайдара 15 декабря 1992 г. с поста исполняющего обязанности Председателя Правительства Российской Федерации означала, что между главными действующими политическими и экономическими акторами достигнут консенсус относительно выбора стратегии постсоветского трансфера в пользу примата государства и великодержавности.

К моменту дискуссии ее авторы заявили о себе в качестве исследователей Германии и Италии в исторические периоды трансформации политических и экономических институтов в первой половине XX века. В. А. Буханов опубликовал исследования о европейской стратегии и концепции «нового порядка» нацистской Германии [Буханов 2013]. Автор этих строк после защиты докторской диссертации по историографии итальянского фашизма продолжил исследование этого исторического феномена [Михайленко 1987].

Опираясь на опыт политической трансформации в Италии и Германии, авторы дискуссии пытались найти ответы на вопросы о состоянии массового сознания россиян под влиянием постсоветского синдрома, о восприимчивости российского общества к радикальным и экстремистским идеологиям, о свободе, о национальной идее и национальном интересе, о последствиях превращения геополитики в инструмент государственного проектирования и управления.

Спустя три десятилетия политической элитой и экспертным сообществом оказались востребованными практически те же самые темы, которые обсуждались в начале 1990-х, чтобы придать новую динамику государственному и общественному строительству. Нам кажется, что интеллектуальные дебаты и рефлексии 1990-х гг. не утратили своей актуальности.

Часть 1. Размышления о тоталитаризме и представительной демократии

Вопрос: Итак, мы начинаем разговор о фашизме, о вероятной возможности реставрации тоталитарного строя в России. Я предоставляю слово

Валерию Ивановичу Михайленко, и давайте поговорим: возможно ли у нас возрождение того, что было?

В. И. Михайленко: Я и присутствующий здесь Валентин Александрович писали свои исследования по германскому и итальянскому фашизму. Я думаю, что интерес к той и другой разновидностям тоталитаризма достаточно велик в нашем обществе. Но я думаю, что вы пригласили нас на обсуждение не столько для того, чтобы услышать наше мнение по поводу Германии и Италии, сколько, может быть, для того, чтобы на сравнительном анализе истории Италии и Германии попытаться понять, какие же процессы происходят в нашей стране, какие перспективы могут открываться для нашего дальнейшего исторического развития. И, конечно, очень важным является ответ на вопрос о наличии или отсутствии предпосылок для русского фашизма как движения и возможности его прихода к власти. В этом случае речь могла бы идти о предпосылках того или другого политического режима.

Важно отметить, что, конечно, прямых аналогий в развитии отдельных стран быть не может, и поэтому понятно, что исторические судьбы России, Германии, Италии весьма разнятся. Если все-таки коснуться вопроса: есть или нет предпосылки для возможного возникновения русского фашистского движения и режима, то, как это ни печально констатировать, я думаю, что Россия в своем последующем историческом развитии имеет для этого больше шансов. Я хочу подчеркнуть, что больше шансов не означает абсолютную вероятность установления фашистского режима у нас, но еще больший шанс имеет какая-либо новая разновидность тоталитаризма.

Игнорирование специфики исторического развития России фактически перечеркнуло оптимистический вариант перестройки, которая была задумана М. С. Горбачевым и его командой. В основу концепции перестройки Горбачева, по крайней мере на заключительном этапе (я не беру начальный этап, я думаю, что такой концепции на начальном этапе вообще не было) закладывалась западноевропейская социал-демократическая модель. На первый план выдвигалась личность, индивидуальность. И отцы перестройки были уверены — не скрою, что и я разделял этот оптимизм, — что достаточно снять обручи тоталитарной системы и включить механизм свободного саморазвития общества, открыть возможности для индивида, для человека, для реализации его способностей, и, так сказать, путь в демократическое общество будет открыт. В связи с этим хотел бы упомянуть, мне кажется, очень примечательные в этом плане слова Гавриила Попова, бывшего мэра города Москвы, что «любой человек всегда, во все времена готов к свободе, даже тот, кто не вполне сознает, и тот, который, якобы, не хочет. Демократия — это то, до чего дозрели все и что делает человека человеком» [Попов 1989, с. 70]. Ну, а что получилось в реальной жизни, мы с вами видим сегодня.

Вопрос: Давайте поговорим о тех вероятных причинах, которые могли бы привести к передаче власти в тоталитарные руки, если можно так сказать. Ведь и в Италии, и в Германии, насколько я помню, тоталитарные режимы пришли к власти парламентским путем, т. е. в результате всенародных выборов. И Муссолини, и Гитлера выбрал народ. Возможна ли у нас подобная ситуация?

В. И. Михайленко: Вообще-то не совсем таким был механизм взятия власти, скажем, Муссолини в Италии. Муссолини пришел в результате определенного политического соглашения, компромисса между партиями, важную роль здесь сыграл король Виктор Эммануил. Но я хотел бы чуть-чуть вернуться назад, к нашим размышлениям о свободе, и вот под каким углом. Где-то в декабре этого года я был в Италии и на фаттории (это винодельческая фирма) вел разговор с простым человеком — владельцем этой винодельческой фаттории. Разговор был о пожеланиях нашей общественности (мы записали на пленку этот разговор, получился видеофильм). Там можно услышать заранее не подготовленную такую фразу: «Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». Понимаете, когда мы дойдем до осознания этой очень простой формулы на уровне массового обыденного сознания, то, может быть, тогда понятие свободы у нас будет иметь несколько другое значение, чем тот смысл, который мы вкладываем в него в настоящее время.

В. А. Буханов: Мне бы хотелось сказать пару слов о проблеме свободы. У нас до самого последнего времени бытовало такое мнение, что тоталитаризм — это несвобода, а вот демократическое общество — это свобода. Но дело все в том, что в конкретно-исторических условиях, в конкретно-историческом сознании точнее, переход, скажем, от демократического общества к тоталитарному означает вовсе не переход от свободы к несвободе, а от одной свободы к другой свободе. И этим заинтересовались все слои общества Германии. Скажем, в 20-е годы эта проблема интересовала всех: и философов, и простого слесаря каких-то мастерских или завода, и домохозяйку. Поэтому постановка очень привлекательной цели, которая показывается через призму новой свободы, означала освобождение от старых пут — это очень важный элемент внедрения в сознание тоталитарного мышления...

В. И. Михайленко: И вот, возвращаясь к вашему вопросу, я бы хотел обратить внимание на следующее. Понимаете, как это ни покажется парадоксальным, но в тоталитарном обществе жить комфортно, и комфортно очень многим слоям. Потому что, во-первых, есть надежда, иллюзия, что государство думает о человеке, есть возможность предъявить требования к государству. И не случайно, когда сейчас проводятся массовые опросы, то многие говорят, что самая комфортная ситуация была в период брежневского режима, многие хотели бы вернуться к этому периоду. И, понимаете, мало кто ставит вопрос

о том, какова цена этих комфортных условий, что мы, фактически, в этот период проели, исчерпали физические ресурсы, естественные ресурсы, разрушили окружающую среду; мы сейчас видим, что мы оставляем жуткое наследство — это и была цена нашего комфорта. И, понимаете, если отвечать на ваш вопрос и как бы идти немного дальше, говорить о том, что же составляет фон возможного прихода тоталитаризма, я бы все-таки сказал, что я не вижу, пожалуй, на уровне массового сознания, даже на уровне политических деятелей, скажем на уровне экс-руководителей, такого очень важного момента саморазвития личности, как рефлексия и развитие самосознания. Вот, посмотрите, даже сейчас: возьмем, скажем, бывшего президента СССР, — ведь нигде, ни в одном из выступлений не мелькает даже малейшего намека на то, а что же все-таки плохого он сделал, идет сплошное самооправдание, но фактически эта тема касается и каждого из нас.

И еще я бы хотел затронуть сюжет, связанный с афганской войной. Здесь уместно сказать пару слов по поводу рефлексии, самосознания, т. е., не претендуя на какое-то глубокое философское определение, я бы хотел отметить, что одно из проявлений — это способность людей осознавать содержание своих действий, добросовестно их оценивать и корректировать. И вот сейчас я хотел бы вернуться к проблеме афганской войны. Мне кажется, что это один из примеров недостаточной рефлексии, недостаточной совестливости, может даже, общества в целом. Даже справедливая война, даже выигранная война, такая как Отечественная война, влечет за собой страшную разрушительную силу в отношении моральных устоев общества. Так было и с Первой мировой войной. Кстати, подобного рода конфликты и войны являются как бы стимулятором таких разрушительных движений, которые ведут к тоталитарным режимам или к диктатурам другого типа. Афганская война — это война, в развязывании которой виновны не только анонимные члены политбюро, которых до сих пор не могут назвать, но и все мы, всё наше общество.

В принципе, когда она началась, не было массовых протестов. Существовала либо конформистская, либо соглашательская позиция. И, самое главное, ну, хорошо, скажем, мы все были опутаны, окутаны определенной системой идеологического и другого воздействия. Понимаете, в США, когда закончилась вьетнамская война, общество несколько лет самоочищалось от этой войны, т. е. оно должно было нравственно выйти более возвышенным из этой войны (даже появился такой термин: «вьетнамский синдром»). В отношении же жертв в афганской войне, среди которых я бы назвал, в первую очередь, наших соотечественников — тех, кто погиб, остался там, и тех, кто выжили, практически общество заняло наплевательскую позицию, делая вид, что такой войны не было, как бы вычеркивая ее из памяти вместе с людьми, которые пострадали в этой войне. И это провоцирует зачастую обоснованную озлобленность, обиженность «афганцев», поскольку мы не наблюдаем покаяния общества.

В. А. Буханов: Очень любопытно, что многие «афганцы» рекрутируются сейчас в ряды российского национального движения, и это очень любопытная тенденция, потому что прослеживается параллель с Германией. Дело все в том, что сейчас мы видим, как на наших глазах происходит интеграция идей коммунизма, российского государственного патриотизма, национального патриотизма в крайней форме проявления. Примерно такое же развитие, такой же процесс происходил и в Германии времен Веймарской республики, когда национал-социалистическому движению удалось вобрать в себя элементы различных идейно-политических течений, скажем, консерватизма, либерализма, даже социализма. В частности, проблема социальной справедливости была поставлена очень остро именно национал-социалистами. В результате получилась не эклектика, а очень любопытная, тщательно продуманная философия, которая звала к новой свободе, опять же возвращаясь к этому, под лозунгом нового порядка, реорганизации. Вот примерно то же самое здесь у нас происходит.

Вопрос: Вчера я видел плакат «За великую черносотенную Русь!». Что такое «черносотенная Русь», кто за ней стоит и что нас ждет, если эти силы придут к власти?

В. И. Михайленко: Направляясь сегодня на эту передачу, я тоже купил газету «Русский союз» и посмотрел на ряд концептуальных позиций. Цитирую один из документов (газета как раз у меня здесь в руках): «Суть власти в стране остается неизменной — антирусской». И в этой же газете приводятся списки «инородцев», которые ответственны за массовые репрессии. Вообще, списки «врагов» можно приводить какие угодно длинные, но, понимаете, они не будут миллионными списками. Почему? Потому что фактом остается главное: чтобы появился один Сталин, необходимо было, чтобы миллионы сталиных появились в массовом сознании. Давайте представим себе хотя бы на минутку, что в развитом европейском обществе, где идеи свободы, идеи индивидуализма завоевали прочные позиции, кто-то может увлечь за собой массы под какое-то знамя. Да это просто нереально, это невозможно, этого не может произойти. И если это произошло с Германией и Италией, то произошло прежде всего потому, что эти страны переживали определенный переходный период. Сейчас Германию, западную Германию, если уж точно будем говорить, в западной части Германии, увлечь массы подобными лозунгами просто невозможно. Я бы хотел здесь коснуться еще одного вопроса: фашистская Италия, нацистская Германия оказались в собственном «сталинизме» не по воле «инородцев», кстати, а как раз на волне борьбы с ними. И вообще-то очень старая песня: давайте построим национальное государство, общество, а затем уже приложится все остальное.

Мы хорошо знаем, что среди наших политических сил достаточно крепкие позиции занимают государственники, т. е. сторонники примата государства над обществом. И в этой связи я хотел бы сказать, что ничего нового в этом

нет: государственнымиком был Сталин, государственнымиком был Муссолини. Свобода в фашизме — не свобода от государства, но свобода в государстве. Муссолини принадлежала известная формула о том, что «всё в государстве, ничего вне государства, ничего против государства». «Поскольку для фашиста все находится в государстве, и ничто человеческое или духовное не существует, тем более не имеет никакой ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, а фашистское государство, синтез и единство всех ценностей, осмысливает, развивает и укрепляет всю жизнь народа» [Mussolini 1935, p. 3].

На первый взгляд, вроде бы, легко эту концепцию отбросить, но дело в том, что массовый россиянин и до революции 17-го года, и особенно после революции 17-го года предпочитал суперэксплуатацию со стороны государства эксплуатации индивидуальной. То есть, понимаете, существует определенный тип государственного сознания.

Довольно часто звучит мысль о том, что вроде бы 17-й год прервал историю русской государственности. Я лично придерживаюсь другой точки зрения и считаю, что ничего подобного не произошло: как раз русская государственность переживала определенный крах или трудности, кризис, как это было с Австро-Венгерской империей накануне и в ходе Первой мировой войны, но именно большевизм спас русскую государственность, т. е. придал ей новый статус в виде новой концепции, новой идеологии Российского государства. И сейчас эта концепция не просто переживает кризис, она, по существу, потерпела поражение. И вот здесь, конечно, есть большая опасность, что во имя этой государственности снова могут возникнуть объединения именно такого тоталитарного толка и массовые движения именно этого типа. Эта опасность, на мой взгляд, угрожает и нам. Необязательно тоталитарная идеология может проявляться в той форме, как у «Русского союза».

Вопрос: Если появляются такие плакаты «Русского союза», и за них не судят, значит, власти поддерживают шовинизм, национализм и т. д.? Как-то можно прокомментировать этот вопрос?

В. И. Михайленко: В одной из очень «русских» газет я читаю буквально: «Мы, русские, имеем право на вооруженное восстание во имя спасения». Подобного рода фразы, конечно, мне кажется, являются призывом к войне, и, учитывая многонациональную специфику нашего города, я задаюсь естественным вопросом: а почему не имеют такого права татары, башкиры и другие национальности, проживающие в нашем городе? Ну, давайте, начнем всеобщее восстание, которое приведет к тотальной катастрофе.

Вопрос: Как бы вы, Валентин Александрович, прокомментировали слова обычных граждан относительно того, что нас, русских, унизили в 1991 г., что мы чувствуем себя обманутыми, побежденными?

В. А. Буханов: Русский народ, россияне — это великий народ. Унижать великий народ ни в коем случае не допустимо, но и недопустимо представлять таким образом, что один какой-то народ превосходит все другие народы, тоже. Здесь проблема очень деликатная. Когда Германия, кайзеровская Германия — великая страна, великая держава — потерпела поражение в Первой мировой войне, среди немцев возникло ощущение, что их унижают — великую нацию, великий народ. И на этом очень ловко сыграли. Здесь может случиться примерно то же, так что могут сыграть и здесь.

В. И. Михайленко: В Германии сыграли — и привели народ к катастрофе.

Вопрос: То есть наше достаточно легкое отношение к выступлениям «Русского союза» может иметь такие же последствия?

В. И. Михайленко: Мне задавали вопрос: «Почему весь народ, а не ЦК должен каяться, ведь народ тогда ничего на решал. Почему не Горбачев, Лигачев? Простые люди в этом не виноваты». Вы знаете, невозможно осуществить массовые репрессии в какой-либо стране, которые охватили бы десятки миллионов жертв, если бы сосед не «закладывал» соседа, сослуживец по работе не «закладывал» сослуживца по работе, т. е., понимаете, отказаться полностью от того, что одна из причин этой беды великой заключалась в самом массовом сознании, я думаю, было бы очень глубокой ошибкой. Мне кажется, что в этом плане необходимо каяться и за то, как мы так отнеслись к афганской войне. Прежде всего, момент покаяния необходим для того, чтобы преодолеть это в себе, чтобы выйти на новую нравственную позицию. Я, например, последнее время немножко по-другому оценил реакцию западной прессы на событие, как, например, убийство Фальконе в Италии¹. Об этом шумели все. Для чего шумели, ведь реально ничего нельзя было сделать. Это был момент взаимного принародного покаяния людей, они объявили о своей нравственной позиции.

В. А. Буханов: Хотелось еще добавить: когда мы говорим о тоталитарных режимах, мы опять же, прежде всего, акцентируем внимание на насилии, которое осуществляет государство, тоталитарный режим по отношению к обществу, но забываем, что в такие времена существует иллюзия единения государства и большинства людей, и это даже не иллюзия, люди искренне верят в цели, провозглашаемые государством. Избавиться от этой слепой веры, быть критичным по отношению к самим себе — это и есть очень важный элемент покаяния.

В. И. Михайленко: Есть еще один вопрос, на который мне хотелось бы ответить. Вопрос очень типичный: об одинаковости тоталитарных режимов в России, Германии и Италии.

¹ Джованни Фальконе — итальянский магистрат, известный борец с Коза Нострой, погиб вместе с женой и тремя телохранителями в результате взрыва, устроенного сицилийской мафией 23 мая 1992 года.

Вопрос: Сейчас у нас много людей, особенно молодых людей, которые говорят, что сталинизм и гитлеризм, фашистская Германия и СССР — это одно и то же. Что вы думаете по этому поводу?

В. И. Михайленко: Я считаю, что можно говорить об институтах и механизмах организации власти, скажем, о политических партиях, о системе организации массового консенсуса, т. е., конечно, здесь есть много общего, действительно. Но я думаю, что мы оскорбляем миллионы людей утверждением об общности советского и нацистско-фашистских режимов. Они базировались на разных идеологических, утопических идеологемах. Они имели разную мотивацию. И если сталинский режим в отношении собственного народа был более жестоким, чем нацистский, то все-таки мотивация людей, их нравственная и этическая основа, пусть замешенная на социалистической утопии, была другой. И мне кажется, что здесь мы должны этот очень важный момент учитывать.

Вопрос: Какая может быть причина возможного нашего обращения к тоталитаризму?

В. И. Михайленко: В сегодняшнем разговоре мы не использовали классические определения фашизма, национал-социализма и т. д. Я хочу сказать очень коротко, что практически все определения неправы по-своему, потому что высвечивают какие-то отдельные грани этих явлений. И у нас в стране много сил — экономических, политических, криминальных, — которые заинтересованы в жестком, жестоком авторитарном или тоталитарном режиме. И, конечно, возникает вопрос о том, как выстоять, как противопоставить себя этому. Мне кажется, что практически весь тон нашего сегодняшнего разговора сводился к тому, что нужна нравственная оппозиция моральному разложению, нравственная оппозиция авторитарным тенденциям, и, на мой взгляд, мы должны в конце концов понять, что все зависит от нас. И я опять возвращаюсь к сталинскому периоду: без выпадения масс в этот кристалл репрессий вряд ли сталинский режим мог бы осуществить эти репрессии.

В. А. Буханов: Я еще хотел бы добавить, что процессы, происходящие сейчас в обществе, как мы сами замечаем каждый день, очень сложны. И поэтому — я здесь говорю как историк — не надо очень примитивно думать о фашизме: об итальянском, германском национал-социализме, других формах фашизма, потому что это очень сложное общественное явление. Мы о фашизме знаем гораздо меньше, чем не знаем, поэтому мне кажется, что историки будут дальше работать над изучением этих феноменов, этих явлений. И, в частности, использовать эти знания для того, чтобы каким-то образом давать оценку современному процессу в нашей стране.

Часть II. О геополитике, национальных интересах и сильном государстве

В. А. Буханов: Я в «Вечернем Екатеринбургe» неделю или две недели назад читал в субботнем выпуске, что, действительно, организован какой-то не то комитет, не то совет, не то ассоциация по геополитике в Свердловске, которую возглавляет доктор философских наук Некрасов и в которую входит несколько докторов наук (10 или больше). И это надо иметь в виду, потому что у них какая-то библиотека создается, видимо какие-то встречи и т. д.

В. И. Михайленко: Я хотел сразу задать такой вопрос: как ты считаешь, геополитика — это наука или не наука?

В. А. Буханов: Здесь надо прежде всего ответить на вопрос: какое определение геополитики? В зависимости от определения геополитики можно сказать, что это наука или нечто, что немного коррелируется с политикой, и т. д.

В. И. Михайленко: А не может быть так, скажем, что геополитика перестает быть наукой, когда становится политикой?

В. А. Буханов: Вот я как раз это и имею в виду, потому что геополитика на протяжении нашего столетия, насколько я понимаю, претерпела не только какие-то серьезные содержательные изменения: Челлен², потом, после Первой мировой войны, немецкая геополитика, Вторая мировая война, потом американская геополитика перешла через океан, сейчас вот у нас ренессанс и т. д. Мне кажется, что само определение геополитики постоянно меняется, оно сейчас разрабатывается в разных журналах, вот в журналах «Полис», «Кентавр» всё это постоянно публикуется. «Социс» — «Статья о геополитике». Есть даже геополитическая служба в Академии наук и некоторые другие. Мне кажется, что когда говорят о современной геополитике, то речь идет, прежде всего, об учете географического фактора, его влияния на внешнюю политику той или иной страны, т. е. господствует прагматическое понимание геополитики, и такое понимание, которое относится не ко всему государству, а только к одной из сфер деятельности государства — внешней политике. А раньше, когда работал Челлен, и потом, после Первой мировой войны, немецкие геополитики все-таки более глубоко смотрели на понятие и сущность геополитики, по-другому понимали ее. Там были разные точки зрения, даже в годы фашистской диктатуры на страницах журнала «Геополитика» были разные точки зрения, и они публиковались.

В. И. Михайленко: Я согласен с тем, что это научные знания, но есть такая опасность, что научное знание, став идеологией, обслуживая политику, утрачивает роль научного знания, становится орудием. Орудием чего-то — это

² Рудольф (Юхан Рудольф) Челлен (1864–1922) — шведский социолог и политолог, автор термина «геополитика». Один из первых авторов геополитической концепции, определившей государство как географический и биологический организм, который стремится к расширению.

первое. Во-вторых, на мой взгляд, любое научное знание может быть абсолютизировано. Любое научное знание относительно, и абсолютизация геополитики очень опасна, так же как любого другого научного знания. Вот, можно брать любую отрасль, скажем новое мышление.

В. А. Буханов: В межвоенный период и в годы Второй мировой войны геополитика понималась совершенно по-другому, чем сейчас.

В. И. Михайленко: А как? У меня сложилось такое впечатление, что вообще геополитика — это все-таки наука, грубо говоря, XIX века. Хотя она появилась, я знаю, и обслуживала первую половину XX века, но, в принципе, она выросла из классической науки, из классического представления о не вариативности представления развития мира, а моноразвития.

В.А. Буханов: Правильно, и это имеет смысл, только я немножечко конкретизирую это положение, уточню, потому что все-таки речь идет о конкретном понимании геополитики. Геополитика первой половины XX века — это традиционная наука. Она не традиционная в том смысле, что пыталась соединиться, слиться с наукой и перелиться в науку, вот в этом смысле она уже современная, т. е. она и традиционная, и современная. Но дело все в том, что немецкие геополитики воспринимали геополитику не просто как воздействие или необходимость учета влияния географических факторов, климата, каких-то естественных границ на разработку внешней политики того или иного государства, они воспринимали геополитику как науку о самом государстве, причем они даже добавляли, что «геополитика — это наука об органическом государстве».

В. И. Михайленко: Что значит «органическое государство»? Ведь государство может быть государством, в котором нация, культура растворяются, создается единая общность. А здесь имеется в виду, может быть, ландшафт, природа, этнос?

В. А. Буханов: Нет. Дело все в том, что геополитика, действительно, в какой-то степени наука спекулятивная, потому что она возникла в начале XX века, когда, собственно говоря, границы между европейскими государствами уже давно сложились. Но границы, например, в XI веке, в XV веке еще складывались и были совершенно иными, поэтому она схватила какой-то статичный момент, но этот статичный момент являлся элементом динамичного развития, она как раз пыталась это развить. Так вот, органическое государство и должно быть субъектом этого статично-динамичного развития в отношениях между государствами. То есть органическое государство — это, прежде всего, действительно, создание сплоченной общности единого народа, который возглавляется диктаторским режимом.

В. И. Михайленко: Буквально вчера я просмотрел работу Э. Геллнера [Геллнер 1991], посвященную как раз проблеме нации и т. д., и у меня складывается впечатление, что органические государства возникают в результате

индустриального развития. Не архаичного, не аграрного типа, скажем, как Россия, где были очень сильны явления локальных миров и т. д., а как раз именно индустриального. Но, фактически, большинство из этих государств являются государствами либерального типа. Мне интересно, не возникают ли здесь, в какой-то степени, противоречия? Совершенно ясно, что наиболее динамичные и однородные государства — это государства либерального типа. Наиболее диктаторские — это государства, которым не удалось решить проблему создания органичного государства снизу, т. е. за счет саморазвития, а насаждается это сверху, как мы сейчас пытаемся решать проблему географического фактора. На мой взгляд, это противоречие. Был такой взгляд в 30-х годах. А почему он возник? Что, Германия разве не была в 30-х годах органичным государством?

В. А. Буханов: Она и была в 30-х годах (после 1933 года) органичным государством.

В. И. Михайленко: А до 33-го года?

В. А. Буханов: А до 33-го года как раз геополитики и пытались переломить сущность немецкого государства. Они как раз выступали за создание вот такого именно диктаторского режима, но диктаторского режима не в смысле, например, гитлеровского режима, а консервативно-диктаторского режима, такого государства, которое, учитывая возможную динамику границ, постоянно расширяется. И следовательно, собственно говоря, концепция геополитиков, я имею в виду немецких геополитиков 20–23-го годов, это, фактически, концепция постоянной экспансии и агрессии диктаторского режима, диктатуры, которые предусматривают борьбу между различными государствами, т. е. в этом отношении она тоже архаична, эта концепция. Это та самая геополитика первой половины XX века, которая не выходила за пределы архаичного восприятия международных отношений.

В. И. Михайленко: Скажем так: возникла чисто объективная ситуация, так как, действительно, XIX век — это век возникновения национальных государств. Национальных в том смысле, что не географически искусственные рамки стали олицетворять государство, а границы, наоборот, стали олицетворять органичную общность. Геополитика возникла как один из инструментов для того, чтобы решать проблему органичного государства там, где эта проблема не была решена. В Германии ведь, я согласен, в XIX веке, как и в Италии, эта проблема не была решена. Но как получилось, что геополитика из инструмента решения внутренней органичности переросла в инструмент внешней экспансии? По идее, внешняя экспансия просто тормозит создание внутренней органичности.

В. А. Буханов: В принципе, да. В данном случае речь как раз и идет о том, что органичное государство должно было постоянно расширяться за счет других государств, стран и т. д., чтобы создавать какую-то основу для еще более крупных позиций, создать империю, великое пространство, сферу влияния и т. д.

В. И. Михайленко: Вот такой вопрос: как ты считаешь, геополитика сейчас — это что, только инструмент для того, чтобы констатировать наличие определенного механизма поддержания баланса сил, или же это механизм экспансии?

В. А. Буханов: Сейчас увлечение геополитикой, с одной стороны, является академическим делом, а с другой стороны, очень рискованным. Почему? Вот, например, можно сказать об учете географического фактора во внешней политике Российской Федерации. Конечно, если мы будем учитывать географические факторы, это будет наиболее безопасно с точки зрения национальных интересов (раз мы говорим о национальных интересах, то, собственно говоря, речь идет о национальной безопасности, о государственных интересах). Если говорить о государственных интересах, так решает фактически кучка людей, принимающих решения или влияющих на принятие решения. Так вот, с этой точки зрения, конечно, наиболее безопасными границами для нас, например, является побережье Балтийского моря. Поэтому геополитика и сейчас не так безобидна, как может показаться. Другое дело, что в данный момент мы не можем реализовать эти планы, но, в принципе, геополитика всегда связана не просто с констатацией каких-то определенных естественных границ, она всегда направлена вовне.

В. И. Михайленко: Хорошо. Вот такой вопрос: Хаусхофер³ и другие в Германии. Ясно, что многие из них стали обслуживать правительство в дальнейшем, обслуживать государственную идеологию. Они, по существу, как бы подставили себя, стали выполнять опорную какую-то роль в идеологическом обосновании нацистской внешней политики. Все ли ученые- геополитики были на это нацелены, или, может быть, геополитика все-таки проявила себя как какая-то свободная мысль? Вот ты говорил, что дискуссии были. Дискуссии ведь могут быть какого характера: кланового — кто первый, правильно? Может быть, ты назовешь пример, когда эти дискуссии были антимилиитаристские, антиэкспансионистские, направленные вовнутрь, на развитие. Вот я согласен с тобой, что, наверное, теоретически да, это возникло для того, чтобы создать органичное государство, т. е. благое дело. Но развилось ли это течение?

В. А. Буханов: Но органичное государство понималось как диктатура, а диктатура — это стремление к экспансии вовнутрь и вовне. Что касается функции геополитики в Третьем рейхе, то здесь дело оказывается не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Да, действительно, геополитики переоценили свои силы в 1920–30-х годах. Они полагали, что имеют достаточно большое влияние на Гитлера и его окружение, и, когда нацисты

³ Карл Хаусхофер — немецкий географ и социолог, основоположник германской школы геополитики.

пришли к власти, то геополитики поставили прямо такой вопрос: мы должны геополитизировать национал-социализм.

В. И. Михайленко: То есть проблема завоевания?

В.А. Буханов: Да, завоевание этого идеологического пространства.

В. И. Михайленко: Это знакомая ситуация, как в Италии 1920–30-х гг....

В. А. Буханов: Да, однако этого не получилось, и поэтому им пришлось довольствоваться в течение 30-х годов ролью свободных экспертов. Они посылали меморандумы, докладные записки, отвечали на те запросы, которые им сверху присылали, но не более того. И, по существу, национал-социализм, как идеология государственная, подчинил себе геополитику. И когда это случилось, большинство геополитиков оказалось в растерянности. Некоторые пошли на службу национал-социалистам уже в открытую, т. е. отказались от принципов геополитики, другие, как Хаусхофер, колебались, некоторые оказались в стане борцов Сопrotивления. То есть, в конечном итоге, геополитика отдалась, по существу. Никогда геополитики не доходили до такого положения, которое выдвинули, например, нацисты, что можно уничтожать целые народы. Они до такого не доходили. Они были консерваторами, они были реакционерами, но не до такой крайности, а вот национал-социалисты были готовы на все: уничтожить евреев, скажем, как народ, уничтожить славянские народы, цыган и т. д. В этом коренная разница между геополитикой Хаусхофера и вообще немецкой геополитикой, с одной стороны, и национал-социализмом — с другой. То есть национал-социалисты (идеология, я имею в виду) были просто безжалостными по отношению к другим народам.

В. И. Михайленко: Ты мог бы назвать какие-то императивы геополитики, специфику. У меня в руках сейчас книжечка, изданная в Академии наук: «Геополитика: теория и практика». Это журнал наших фашистов. И, что интересно, если мы полистаем журнал, то кроме портретов нацистов, вдруг идут совсем другие портреты: Бабурин, например, и Бенуа где-то там, в Верховном Совете Российской Федерации, какие-то схемы «Евразия» и т. д. И если мы посмотрим на редакционную коллегию, то, наряду с такими известными геополитиками, как Дугин, есть Алкснис, Проханов. У меня возникает такой вопрос: что это? Как это называется? Мое впечатление такое, если брать только чисто геополитику, что здесь никакого перевертывания у коммунистов никогда и не было. Потому что Сталин мыслил геополитическими критериями не только накануне Второй мировой войны, но и после Второй мировой войны, когда он построил мир, исходя из абсолютно однозначной геополитической концепции. Поэтому мне кажется, что органичное единство было абсолютным и разрыва в данном случае нет. И странного в том, что коммунисты выступают вместе с геополитиками-фашистами, нет.

В. А. Буханов: Можно только, наверное, добавить, что все-таки геополитика, поскольку она понимается по-разному и поскольку она сама стремится

превратиться из науки в политику, то ее используют разные силы по-разному, и это очень опасно, я еще раз повторяю: очень опасно, потому что геополитика не такая безобидная наука, как может показаться, это не география, это политика.

В. И. Михайленко: Мне кажется, опасным является сам факт обращения к ней. Может быть, Сталин был прав в свое время, может, это было время геополитиков, но мне кажется, что перенесение инструментов прошлого в будущее опасно не только потому, что инструмент плох, но и потому, что глазомер оказывается совсем даже не тот и смотрит не в ту сторону. Может быть, сейчас для освоения нашего внутреннего российского пространства нужен не геополитический инструмент, а инструмент такой, как учет культуры, роль культуры, роль экономики, роль саморазвития индивидуальности.

В. А. Буханов: Вот это очень хорошо, потому что, собственно говоря, такая мода на геополитику в настоящее время в нашей стране, прямо ренессанс геополитики, связаны, прежде всего, с внутренними трудностями. Геополитика классическая, она связана все-таки с понятием диктатуры прежде всего. Диктатуры вовнутрь и диктатуры вовне. И поэтому трудности, которые переживаются нашей страной сейчас: развал империи, необходимость новых границ, необходимость вообще ощутить себя, и то, что сейчас многие политические силы занимаются геополитикой, это, фактически, водораздел между демократией и диктатурой в конечном итоге. Хотя, как известно, геополитические комитеты есть и в Академии наук и т. д., но они по-разному воспринимаются, потому что геополитику по-разному понимают даже сейчас разные силы, разные ученые.

В. И. Михайленко: Хорошо, я понял, что все-таки геополитика — это диктатура?

В. А. Буханов: Это не то чтобы диктатура, но это ориентация в сторону диктатуры, ориентация в сторону диктаторских режимов, потому что установление естественных границ — это авантюра сама по себе, это экспансия, причем экспансия ничем не прикрытая, только разными голыми схемами, рисунками, линиями, осями, как ты говоришь, треугольниками Берлин — Рим — Токио и т.д.

В. И. Михайленко: Меня поражает, что есть опять умозрительная концепция, которая становится неанализируемой, и, исходя из этой концепции, выстраивается как бы научная теория, которая учитывает какие-то факторы, но база-то на самом-то деле не камень, она зыбкая, это умозрительная теория...

В. А. Буханов: Это иррациональная вещь, субъективная очень. Как говорили про Хрущева: волюнтаризм, потому что каждый какую хотел схему, такую и рисовал.

В. И. Михайленко: Да. То есть, если я захотел и провел линию не по России, а по Америке или по Атлантическому океану, значит, надо там выстраивать крепостную стену? И еще один вопрос в связи с этим: геополитика уводит

от созидательной работы, уводит в сторону, а нам сейчас, по идее, надо заниматься созидательной работой, не надо поглощать Чечню военным путем, надо интегрировать ее, очевидно, если к этому будет какая-то необходимость, экономическим и культурным путем, т. е. только на этой платформе.

В. А. Буханов: Это и есть водораздел между либеральной демократией и противоположной тенденцией.

В. И. Михайленко: Этот путь более тяжелый.

В. А. Буханов: Кстати говоря, в каком-то недавнем журнале, не то в «Полисе», не то в «Свободной мысли», есть одна статья о геополитике, она очень любопытно называется: «Геополитика: путь в тупик?» Это очень серьезная постановка вопроса.

В. И. Михайленко: И еще один вопрос: я долго думал над названием статьи, которую можно написать, связанную с критическим подходом к геополитике как к абсолютной концепции, по-моему, я говорил тебе: «Кавалерийская атака в атомный век». В связи с этим, скажем, ведь геополитика — это один из факторов, которые могут влиять на внешнюю политику, и вот, может быть, я ошибаюсь, но геополитика, исходя из того, как она сконструирована, нашими врагами являются Соединенные Штаты Америки, Западная Европа, и надо, по идее, вроде бы делать ставку на страны третьего мира. Сейчас мы всё еще исходим из того, что нас кто-то собирается оккупировать. Хорошо, предположим, что нас кто-то собирается оккупировать. Нас собирается оккупировать Япония, хотя и претендует на некоторые острова? Нас собираются оккупировать Соединенные Штаты Америки? Нас собирается оккупировать Германия или Великобритания? Я думаю, что на исходе XX века ни одна из этих стран на себя обузу оккупации брать не будет. Они могли это сделать в XIX веке, могли сделать накануне Второй мировой войны, но на исходе XX века никто оккупировать нас не будет, кроме тех стран, которые находятся на стадии своего развития, отставая от технологически развитых стран на много порядков, потому что у них совершенно другой инструмент экспансии, он является инструментом XIX века. То есть, объективно, получается, если эта логика правильна, что нашими союзниками могут быть Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Германия. Без союзников Россия жить не может, это понятно. Могут быть страны бывшего СНГ, но здесь много деликатных вещей, и, скорее, эти страны будут занимать такую же позицию, как страны Восточной Европы накануне Второй мировой войны: в пользу сильного. Не получается ли так, что геополитика как инструмент прошлого века, ну, довоенный, сейчас уводит нас, фактически, от наших потенциальных союзников, уводит нас в тот мир, который является для нас самым опасным?

В. А. Буханов: Не исключено. Не исключено, потому что, все-таки, действительно, геополитика — это инструмент прошлого, и если им пользоваться чисто академически, т. е. не абсолютизировать его, то можно обсуждать,

дискутировать в научных кругах и т. д., но не следует распространять в общественное сознание, интегрировать в нашу политическую культуру инструментарий геополитики, а надо, наоборот, повышать политическую культуру, возрождать общественное сознание демократическое. И в этой ситуации, конечно, геополитика в какой-то степени является препятствием, поэтому мода на геополитику пройдет, хотя и, может быть, не скоро, но с течением времени. Но это, мне кажется, действительно, не самый эффективный путь постижения истины и современных международных отношений и т. д.

В. И. Михайленко: Ты сказал, что нам надо возрождать демократическое сознание, а вот не звучит ли это с таким же императивом, скажем, с противоположным знаком, как геополитика? Вот ты считаешь, что да, надо возрождать демократическое сознание, а вот кто-то говорит: «Ну, смотрите, Россия не готова к демократии, и демократия для России — это саморазрушение».

В. А. Буханов: Вот я как раз об этом и говорю, что необходимо возрождать демократическое сознание. Когда демократическое сознание будет развиваться, тогда не будет диктатуры, авторитарных режимов в нашей стране.

В. И. Михайленко: А может, государство рухнет к тому времени? Как ты относишься к проблеме того, что государство рухнет? Что значит, по-твоему, сильное государство, какой смысл ты бы вложил в понятие «сильное государство»?

В. А. Буханов: Сильное государство — это такое государство, которое находит наиболее оптимальные отношения с гражданским обществом и поддерживает его всячески, т. е. наиболее оптимальные отношения между гражданским обществом и государством означают сильное государство.

В. И. Михайленко: А зачем поддерживать гражданское общество? Ведь в нашей стране слово «гражданское общество» никак не звучит, как и слово «свобода». Многие ведь считают, что при Сталине жилось лучше, говорят об этом совершенно уверенно. Почему? Потому что не надо было думать. Голова не должна была трещать, так сказать, она не должна была быть инструментом добывания чего-то, т. е., в принципе, все было дано. И ведь жить в таких условиях, действительно, легче. Легче.

В. А. Буханов: Массе людей.

В. И. Михайленко: Массе людей. Им кажется: вот и будет сильное государство. Это ведь тоже спорный вопрос: ставить или не ставить проблему примата государства? Вот мы поставили проблему примата государства: да, государство должно быть сильным, нас должны бояться, я должен ехать куда-то и говорить, что я из России, и должны с уважением относиться, шляпу снимать или еще что-то. Ведь может быть такой подход? И априорно говорить о том, что он неправилен, наверное, нельзя.

В. А. Буханов: Ну, конечно, по крайней мере, когда был достигнут паритет ракетно-ядерного оружия, так нас все-таки зауважали.

В. И. Михайленко: Да, нас зауважали. Так давайте опять восстановим паритет. Вот, может ли быть другое прочтение понятия «сильное государство», т. е. когда и свобода есть, и есть что поесть, и уважают потому, что сильное государство, и т. д. Может быть такой вариант?

В. А. Буханов: Мне трудно ответить на этот вопрос. Но, мне кажется, — я исхожу, как и все мы, наверное, из цельности европейской цивилизации — мы на этой культуре воспитаны. Все-таки исторический опыт показывает, что сильное государство немислимо без поддержки своего собственного народа. А когда свой собственный народ поддерживает, то это значит, что государство само учитывает вот эту многосложность и многообразие различных интересов своих людей. Собственно говоря, что такое гражданское общество? Это и есть совокупность государственных интересов.

В. И. Михайленко: Я в канун 50-летия Победы много думаю над тем, что народ поддерживает. Вот за Сталина шли в бой. Кем был Сталин? А может быть, Сталин, это даже не Сталин был, когда говорили: «За Сталина!»? Это был один из символов «За Родину!», «За себя!», еще за кого-то. Это не была персонификация личности, но была персонификация такая же, как «За Мать!» (когда слово «Мать» понимается не как родная мать, а «Мать-Родина» или еще что-то). Может быть, это была новая символика каких-то развернутых вещей?

В. А. Буханов: Ну, конечно, ты переходишь к проблеме диктатуры и демократии. Я все-таки предпочитаю демократию, потому что здесь учитываются права каждого человека, гарантируются и реализуются эти гарантии. А в нашей стране до сих пор таких гарантий, кроме декларации в конституции, практически нет. Они не осуществляются. Они могут в любой момент не только нарушиться, но любого человека могут убить, как сейчас убивают в Чечне. Да, государство может быть сильное, кого-то там Грачев⁴ подавит, разрушит город и т. д., его начнут уважать. Он вчера по телевизору сказал, что к нему уже начали приходить делегации различных партий, кроме Гайдара, почти все пришли и выражают поддержку, но, понимаете, я думаю, что все-таки большинство общества не будет поддерживать такое государство, если оно не будет диктаторским государством.

В. И. Михайленко: Я думаю, что тот, кто ратует за диктатуру, наверное, должен понимать, чем все диктаторские режимы заканчивались. Был короткий период рывка, движения, но они заканчивались, почти все, такими катастрофами: Германия, Италия...

В. А. Буханов: Да, да. Я и говорил, что исторический опыт это показывает.

В. И. Михайленко: И вместе с тем, давай вспомним 30-е годы. Сколько говорили: плутократические государства, как Великобритания,

⁴ Павел Сергеевич Грачев — министр обороны Российской Федерации, 18 мая 1992 года — 17 июня 1996 года.

все — рухнувшие, приводили им в качестве антиподов мощные, динамичные фашистские государства. А тем временем Великобритания пилит потихоньку, накапливают потихоньку, и, как бы там ни было, там повышается жизненный уровень (я под жизненным уровнем понимаю не только материальные блага, я понимаю доступность знания, интеллектуальный уровень, доступ к культуре). Вообще даже, скажем, один из важнейших критериев — это продолжительность жизни и прочее, и прочее, ведь в демократических странах все эти позиции на порядок выше, чем в диктаторских странах.

В. А. Буханов: Да, но геополитика ведь эти проблемы не ставит, она ставит совсем противоположные проблемы.

В. И. Михайленко: То есть мы можем сказать о том, что сама по себе геополитика, хотя ее можно, наверное, рассматривать как какую-то разновидность научного знания, но она узка, она относительна.

В. А. Буханов: В США в послевоенные годы тоже наблюдался расцвет геополитики, но это было время холодной войны, время утверждения США в глобальном масштабе. Вот геополитика и понадобилась.

В. И. Михайленко: Хорошо. Есть ли сейчас такого рода геополитические центры, влияющие реально на внешнюю политику ведущих держав мира, где-то за пределами России?

В. А. Буханов: Я думаю, что, конечно, есть. Но дело все в том, что они подготавливают какие-то свои экспертизы, а в конечном итоге принимают решения люди совершенно другого ранга, которые могут любую экспертизу перечеркнуть, взять фрагмент, взять то, что им выгодно, и т. д. Поэтому всякая такая, научная даже, экспертиза превращается в политический документ.

В. И. Михайленко: То есть можно сказать так, что она растворяется в многоголосье других вариантов.

В. А. Буханов: И с другими вариантами сравнивается.

В. И. Михайленко: И сказать, что где-то геополитика...

В. А. Буханов: Только геополитика, в общем-то, нет, так как учитывается все, фактически, в том числе, и такой очень важный момент, как политическая культура того или иного общества, традиции. Возьмем Гаити, высадка американцев — это ясный пример учета политической культуры этой страны. С ними можно действовать силой, но, вместе с тем, и выборы: как готовятся эти выборы, учет того, как население может реагировать на интервенцию и т. д., это же все учитывалось. То есть это не только геополитические какие-то анализы, а это ведь всё в совокупности.

В. И. Михайленко: Хорошо. А вот сама высадка в Гаити, и можно много таких примеров привести, это не есть ли прямое выражение, скажем, учета американцами геополитических предложений?

В. А. Буханов: В том числе, конечно, геополитических. Я думаю так, может, я ошибаюсь, кто знает. Потому что я за свою жизнь практически

не прочитал ни одной лекции по новейшей истории послевоенного времени, поэтому ты, конечно, специалист по сравнению со мной. А я почувствовал, что если почитать лекции, я два раза за два года подряд читал лекции по истории Германии филологам, причем даже начиная с конца прошлого тысячелетия, и я уже немножечко по-другому стал смотреть. Я, может быть, консервативен, но я к моде на геополитику отношусь очень критически.

В. И. Михайленко: Кстати, как после Второй мировой войны отнеслись к геополитическим центрам на Нюрнбергском процессе?

В. А. Буханов: Дело все в том, что кроме главного процесса было еще несколько процессов по делу министров, по делу СС, медиков и т. д., готовился процесс по делу Хаусхофера и геополитики. Тогда американцы считали, что геополитика была идеологией национал-социализма. Именно поэтому Хаусхофера вызывали на бесконечные допросы и т. д., он поэтому и покончил самоубийством в начале 46-го года, а потом умерла его жена — через несколько недель или через несколько месяцев. То есть тогда было вообще распространенное мнение не только в США и в Западной Европе, но и у нас в стране, естественно, что геополитика — это и есть национал-социализм. Может быть, в какой-то степени, возрождение в США геополитики было связано с переосмыслением той роли, тех оценок, которые давались в 45-м, 46-м годах.

В. И. Михайленко: А когда там был ренессанс геополитики?

В. А. Буханов: В 1950-х, 60-х годах.

В. И. Михайленко: То есть получается, что у нас задворки идеологии?

В. А. Буханов: Да, все это с запозданием, все это в условиях, когда идет борьба, по существу, между демократией и диктатурой, причем в пользу демократии, по крайней мере, сейчас и в ближайшее время...

В. И. Михайленко: Вместо того чтобы создать центры, которые занимались бы, скажем, образованием в области прав человека, создаются геополитические центры. И мы столько говорим о криминогенной ситуации, вместе с тем, фактически, не занимаясь решением этой проблемы, как будто бы она сама собой решится.

В. А. Буханов: Конечно, учитывать географический фактор надо, ну, по крайней мере, на протяжении нескольких лет, они стабильны, и я не думаю, что сейчас что-то произойдет такое, что Россия сократится вообще в 3–4 раза.

В. И. Михайленко: Ну, взрыв интереса к этой проблеме понятен. Попытка воспрепятствовать распаду великой империи и попытка сохранить, и вместо того, чтобы выстраивать новые формы отношений, общежития, делается упор именно на то, что если не так, то иначе никак.

В. А. Буханов: На Украине подготовлен и уже, по-моему, введен курс научного национал-социализма, как у нас геополитика.

В. И. Михайленко: Это что, серьезно? Ну, «молодцы»! Я думаю, что по логике того движения, которое было в Германии и в Италии, должны

открываться кафедры мистики. Кафедры геополитики определенно будут открываться, я даже не сомневаюсь в этом, а вот кафедры мистики — это уже будет следующий этап, потому что станет ясно, как это произошло с марксизмом, что этот концепт является неанализируемым и его можно внедрять только на одном уровне — на уровне фетишистского сознания.

В. А. Буханов: Я хочу здесь отметить: помнишь знаменитую книгу Гейдена «Критика немецкой геополитики» [Гейден 1960]? Конечно, эта книга была продуктом своего времени, там обвинялся империализм и т. д., но, по сути, говорилось о том, что иррационально все это, т. е. суть-то была схвачена. Эта книга вышла еще в 50-х годах. Геополитику называли тогда, в той книге, империалистической наукой, лженаукой и т. д. Много обвинений всяческих, но, в принципе, можно найти кое-что любопытное, если скорректировать.

В. И. Михайленко: Если говорить о ситуации, то у меня очень плохое предчувствие...

В. А. Буханов: В нашей стране?

В. И. Михайленко: Да, в нашей стране.

В. А. Буханов: У меня тоже плохое. Причем, мне кажется, это началось исподволь: сначала с маленьких шажков. Демократы, которые так себя называют, это поддерживали. В 93-м году, в марте, Ельцин выступил по телевизору и заявил, что устраняет от работы парламент, а потом заявил, что он такого указа не подписывал, что его неправильно поняли, — это уже был признак очень серьезный.

В. И. Михайленко: Я недавно встречался со студентами по поводу Гефтера⁵. Я им сказал, что я, например, не оценил поступок Гефтера в октябре 93-го года, только вот сейчас. То есть он уже понимал где-то, что это отход от демократии...

В. А. Буханов: Даже не отход от демократии, а отход от принципов прав человека, потому что здесь не о демократии речь идет, возможно, что для защиты демократии необходимы какие-то вооруженные действия и т. д., а здесь ведь явное нарушение прав человека — убить человека, причем в центре Москвы, с танка стрелять по безоружным. А я тогда уже это понимал. Я понимал, что речь идет об очень серьезных вещах. И эти события с 21 сентября, Зорькин⁶ ведь совершенно прав, это государственный переворот.

В. И. Михайленко: Хотя сам Зорькин, в принципе, оправдал бы эту ситуацию, если бы она была... Ведь переворот был и в том и в другом случае.

⁵ Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995) — советский и российский историк, философ, публицист.

⁶ Валерий Дмитриевич Зорькин — Председатель Конституционного Суда Российской Федерации в 1991–1993 годах и с 2003 года.

В. А. Буханов: Но мне кажется, что если бы продолжалось сосуществование парламента и исполнительных органов власти, тогда все-таки были хотя бы маленькие зацепки для дальнейшего развития демократии в нашей стране. А после штурма Белого дома все это исчезло.

В. И. Михайленко: Я могу обозначить свою позицию по этому периоду: может быть, это и есть самая демократичная ситуация, когда паралич власти, когда две власти друг друга истощают. В борьбе между теми и другими я, все-таки, был в большей степени на стороне президента, как плохое, но неизбежное.

В. А. Буханов: Все-таки наш президент изначально настроен на ориентированную конфронтацию. В принципе, наверное, можно было избежать всего этого, а ведь он настойчиво, последовательно вел дело именно к такому исходу. И когда я услышал четвертого числа по радио интервью с Ростроповичем и Галиной Вишневской, и корреспондент спросил у Вишневской: «Какое Ваше впечатление и отношение ко всему этому?», а она заявила буквально следующее: «Надо всех уничтожать», то я ужаснулся просто. И это привело к Чечне...

В. И. Михайленко: Опять же я согласен, что так нельзя, что не надо уничтожать всех, а как ты относишься к тому, что в ряде стран Восточной и Западной Европы после бархатных революций коммунистам запретили занимать административные должности?

В. А. Буханов: Я к этому отрицательно отношусь.

В. И. Михайленко: А у нас, посмотри, у нас не запретили, и в результате мы имеем то, что мы имеем.

В. А. Буханов: У меня очень тяжелое предчувствие относительно будущего, особенно, знаешь, ближайшего даже будущего — 95-го, 96-го годов. Особенно я очень боюсь относительно выборов, прежде всего президентских выборов. Наверное, ты недавно читал в газете «Известия», 13 февраля, о создании государственно-автоматизированной системы выборов? Страшная статья. То есть могут кого угодно поставить президентом, выбрать кого угодно, и мы ничего не сделаем, потому что нет противовеса никакого. Я даже не знаю, что может случиться в дальнейшем...

В. И. Михайленко: Тогда что? Лучше просвещенная монархия?

В. А. Буханов: Горбачев, ты имеешь в виду? Да?

В. И. Михайленко: Нет, не Горбачев... Я просто так, чисто теоретически говорю...

В. А. Буханов: Очень сложный период. По существу, нам только кажется, как я думаю, что мы вышли из полосы тоталитаризма, он продолжается и еще будет продолжаться.

Список литературы

- Буханов 2013 — Буханов В. А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945) / под ред. В. И. Михайленко, А. И. Борозняка. 2-е изд., доп. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2013. 466 с.
- Гейден 1960 — Гейден Г. Критика немецкой геополитики / пер. с нем. ; ред. и авт. коммент. Е. Н. Петрунин. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 312 с.
- Геллнер 1991 — Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
- Михайленко 1987 — Михайленко В. И. Итальянский фашизм. Основные вопросы историографии. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. 233 с.
- Попов 1989 — Попов Г. Х. Корень проблем. М. : Политиздат, 1989. 96 с.
- Mussolini 1935 — Mussolini B. La dottrina del fascismo. Roma : Istituto della Enciclopedia Italiana, 1935. 13 p.

References

- Bukhanov, V. A. (2013), *Gitlerovskii «novyi poryadok» v Evrope i ego krakh (1933–1945)* [Hitler's "New order" in Europe and its collapse (1933–1945), 2nd ed., Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, 466 p. (in Russian).
- Gellner, E. (1991), *Nations and nationalism*, translated by Berdikova, T. V. and Tyun'kina, M. K., Progress, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Heyden, G. (1960), *Kritik der deutschen Geopolitik. Wesen und soziale Funktion einer reaktionären soziologischen Schule*, translated by "Izdatel'stvo inostrannoi literatury", Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, 312 p. (in Russian).
- Mikhailenko, V. I. (1987), *Ital'yanskii fashizm. Osnovnye voprosy istoriografii* [Italian fascism. Basic questions of historiography], Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, Sverdlovsk, 233 p. (in Russian).
- Mussolini, B. (1935), *La dottrina del fascismo*, Istituto della Enciclopedia Italiana, Roma, 13 p.
- Popov, G. Kh. (1989), *Koren' problem* [The root of the problem], Politizdat, Moscow, 96 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 13.12.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.01.2022

Информация об авторе

Михайленко Валерий Иванович
доктор исторических наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2576-212X

Information about author

Mikhaylenko, Valeri Ivanovich
D. Sci (History), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2576-212X

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.044

УДК 323.22"1991/1993"(470.5) + 321.1 + 321.01:316.334.52

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НАЧАЛА 1990-х ГОДОВ НА УРАЛЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС УРАЛЬСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ

В. Д. Камынин

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье сопоставляются концептуализации событий, происходивших в начале 1990-х гг. в Уральском регионе, получивших название политического кризиса. Он охватил Свердловскую и Челябинскую области. Делается вывод о том, что изучение политического кризиса ведется в междисциплинарном плане, представители разных научных специальностей рассматривают происходившие в 1991–1993 гг. на Урале события под разными углами зрения. Для правоведов политический кризис в Уральском регионе является частным случаем политического кризиса в стране, кульминацией которого было острое противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти в октябре 1993 г. Представители исторической науки уделяют основное внимание изучению политического процесса, происходившего в различных областях Урала в 1991–1993 гг. Политологи сосредоточивают внимание на выяснении предпосылок и причин политического кризиса на Урале начала 1990-х гг. и на поведении региональных политических элит. В политологической литературе изучение этой проблемы ведется через призму различных теорий. Наибольшие эвристические возможности предоставляет изучение политического кризиса начала 1990-х гг. на Урале с позиций политической регионалистики, этнополитики и элитологии.

Ключевые слова: междисциплинарный дискурс, теоретические концептуализации, политическая регионалистика, этнополитика, элитология.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 p_а.

Для цитирования: Камынин В. Д. Политический кризис начала 1990-х годов на Урале: теоретический дискурс уральских политологов // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 140–150. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.044

THE POLITICAL CRISIS OF THE EARLY 1990S IN THE URALS: THEORETICAL DISCOURSE OF URAL POLITICAL SCIENTISTS

V. D. Kamynin

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article compares conceptualizations of events that took place in the early 1990s in the Ural region and were called the political crisis. It covered the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. The author notes that the study of the political crisis is of an interdisciplinary nature; representatives of different scientific fields consider the events of 1991–1993 in the Urals from different angles. For legal scholars, the political crisis in the Ural region is a special case of a political crisis in the country, culminating in an acute confrontation between the executive and legislative branches of government in October 1993. Representatives of historical science pay special attention to the study of the political process that took place in various regions of the Urals in 1991–1993. Political scientists focus on clarifying the prerequisites and causes of the political crisis in the Urals in the early 1990s and on the behavior of regional political elites. In the political science literature, the study of this problem is carried out through the prism of various theories. The study of the political crisis of the early 1990s in the Urals from the standpoint of political regionalism, ethnopolitics and elitology provides the greatest heuristic possibilities.

Keywords: interdisciplinary discourse, theoretical conceptualizations, political regionalism, ethnopolitics, elitology.

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the RFBR and the Sverdlovsk region as part of the scientific project No. 20-414-660001 p_a.

For citation: Kamynin, V. D. (2021), “The Political Crisis of the Early 1990s in the Urals: Theoretical Discourse of Ural Political Scientists”, *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 140–150 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.044

Изучение политического кризиса, разразившегося в начале 1990-х гг. в Уральском регионе, ведется в междисциплинарном плане. Правоведы, историки, политологи и представители других научных специальностей рассматривают происходившие в 1991–1993 гг. на Урале события под разными углами зрения.

Для правоведов политический кризис в Уральском регионе является частным случаем политического кризиса в стране, кульминацией которого

было острое противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти в октябре 1993 г. Предпосылками политического кризиса они считают конституционный кризис, который проявился еще в позднем СССР, а затем продолжился в условиях новой России. Когда в СССР обострились проблемы в области федеративных отношений, стала обсуждаться возможность принятия новой Конституции, способной закрепить изменения советской государственности и федеративного устройства. Было заявлено, что «новая Конституция призвана ознаменовать полный разрыв с наследием унитаризма, жесткой централизации и ведомственного диктата. Полная добровольность союзных республик, решительное усиление их роли в СССР, уважение их суверенитета и самостоятельности должны определять новое соотношение полномочий Союза ССР и союзных республик» [Конституционная реформа 1990, с. 123]. Эти идеи были положены в основу нового союзного договора.

В РСФСР также имелись проблемы в области федеративного устройства. 12 июня 1990 г. в принятой I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о независимости России было заявлено о необходимости существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей. С. М. Шахрай, один из активных участников конституционного процесса начала 1990-х гг., в качестве негативной стороны этого процесса называл то, что декларации о государственном суверенитете начали принимать республики, входящие в состав РСФСР, а многие субъекты федерации, не являющиеся республиками, требовали расширения своих прав [Шахрай 2000, с. 19].

Положение усугубляла позиция политической элиты страны при подготовке нового союзного договора. Происходило заигрывание с руководителями союзных и автономных республик. В рамках реализации концепции «нового политического мышления» М. С. Горбачева было подтверждено суверенное право народов самостоятельно выбирать общественно-политическую и социально-экономическую модель развития РСФСР [Полынов 2012, с. 149]. Б. Н. Ельцин в августе 1990 г. предложил субъектам РСФСР «брать столько суверенитета, сколько они смогут проглотить» [Выступление 1990].

После исчезновения СССР с политической карты мира конституционный процесс в новой России продолжился. Е. А. Тарасова пишет: «Свои варианты конституционного устройства предлагали различные общественные движения, партии, общественно-политические деятели. Созданные ими конституционные проекты показывали альтернативы политического развития российского общества и национально-государственного строительства. Было создано более 20 альтернативных проектов Конституции, в которых содержатся различные варианты будущего федеративного устройства России» [Тарасова 2014, с. 49].

В этих условиях области и края страны активно включились в конституционный процесс и попытались выравнять свое положение с положением

автономий. Следует отметить, что руководители России при разработке новой Конституции стремились учитывать предложения, поступавшие из регионов. В Конституции РФ в редакции 1992 г., готовившейся в Конституционной комиссии, под «субъектами РФ» наряду с республиками понимались края, области, автономные области, автономные округа [Авакьян 2000, с. 125]. Тем не менее в Конституции предусматривался двухзвенный принцип построения Федерации: первый уровень — республики, наделенные самыми широкими полномочиями; второй уровень — области и края, статус которых фактически приближался к статусу в унитарном государстве.

Представители исторической науки редко обращаются к изучению истории современности, полагая, вслед за крупнейшим российским дореволюционным историком С. М. Соловьевым, что историей не является то, чему нет 50 лет. Тем не менее некоторые из них анализируют политический процесс, происходивший в различных областях Урала в 1991–1993 гг., опираясь на онтологические аргументы и эмпирические наблюдения. Для теоретической концептуализации истории используют подходы, наработанные политологами. Наиболее востребован историками институциональный подход.

Историки отмечают, что наиболее сильное сопротивление желанию центра ограничить права областей проявилось в Свердловской и Челябинской областях. Они выделяют в поведении политической элиты этих субъектов РФ общее и особенное.

Общим являлось то, что на политический процесс на Урале оказывали влияние резкое падение уровня жизни, стремительный рост цен, криминальные разборки, противоречия в поведении политических элит в стране.

Различными были механизмы повышения статуса, избранные в этих регионах органами исполнительной и законодательной ветвями власти.

Наибольшее количество исторической литературы посвящено анализу политической ситуации в Свердловской области. Это можно объяснить тем, что политический процесс в Свердловской области получил свое логическое завершение в виде создания в 1993 г. Уральской республики. История этого феномена стала изучаться с момента ликвидации Уральской республики [Азанов 1994] и продолжается по сей день [Осипов 2021]. Указывается на то, что вся политическая элита Свердловской области была едина в вопросе о необходимости повышения статуса области. И глава администрации Свердловской области Э. Э. Россель, и председатель Областного совета народных депутатов А. В. Гребенкин выступали за создание Уральской республики. А. Литвинов прямо подчеркивает, что губернатор и Совет имели единую позицию («пропрезидентскую») [Литвинов 2008, с. 377].

К истории событий в Челябинской области обращаются лишь отдельные авторы [Кириллов 1997; Князев 2015]. Они отмечают, что суть политического процесса в этой области вылился в противостояние исполнительной

и законодательной властей, в том числе и в вопросе о расширении полномочий области.

В. В. Князев события в Челябинской области подает как слепок процессов, происходивших в центре. Для характеристики происходивших в области событий автор использует термин «двоевластие». Он пишет, что глава администрации Челябинской области В. П. Соловьев искал выход из политического кризиса через новые институты власти — демократические, а председатель Областного совета народных депутатов П. И. Сумин — опираясь на бывший советский административный ресурс. Специфика текущего момента заключалась в том, что противоборствующие стороны пытались заручиться поддержкой всероссийских лидеров. В. П. Соловьев активно поддержал Б. Н. Ельцина в дни «путча», а П. И. Сумин встал на сторону коммунистов [Князев 2015, с. 46].

Историки приходят к выводу, что, несмотря на тенденцию суверенизации регионов, Б. Н. Ельцин удерживал контроль над происходившими там политическими процессами.

Политологи сосредоточивают внимание на выяснении предпосылок и причин политического кризиса на Урале начала 1990-х гг. и на поведении региональных политических элит. В политологической литературе изучение этой проблемы ведется через призму различных теорий.

Н. А. Комлева поддерживает мнение правоведов и к предпосылкам политического кризиса в Уральском регионе относит ярко выраженную форалистичность, т. е. правовую неравновесность субъектов Российской Федерации и вытекающее из этого стремление политических элит этих субъектов к выравниванию правовых и экономических параметров их существования [Комлева 2001, с. 19]. Этот вывод согласуется с мнением политолога из Колумбийского университета Ст. Солника, который отмечает, что проводимая в отношении субъектов Федерации фискальная политика носила селективный характер. По его словам, «при распределении доходов в наиболее проигрышном положении чаще всего оказывались русские области и края» [Solnick 1998, p. 69].

Многие политологи применяют к рассмотрению предпосылок политического кризиса в Уральском регионе этнополитику, изучая проявление этнического фактора в политике.

Говоря о политическом процессе в Свердловской области, Н. А. Комлева обращает внимание на имеющийся своеобразный личностный момент стремления к снятию форалистичности, связанный конкретно с Э. Росселем. По ее словам, Э. Э. Россель — представитель этнического меньшинства, находившегося в период его юности в состоянии политического неравноправия, что вызвало у представителей данного этноса сильные компенсаторные устремления. В молодости будущий губернатор жил в бедности, рано лишился отца, вынужден был самостоятельно искать место в жизни. Двойная пружина личностной и этнической ущемленности, сжимаясь под влиянием внешних

обстоятельств, толкала кверху, к карьере и общественному признанию, к наибольшим возможным параметрам социального статуса. Россель точно нашел движитель своего пути на политический верх — естественно возникшее общероссийское движение регионов к самостоятельности и смягчению форалистичности федерации [Комлева 2001, с. 24].

М. А. Фадеичева, рассматривая предпосылки политического кризиса в Уральском регионе с позиций этнополитики, обращала внимание на то, что после распада Союза ССР политика Москвы в отношении Урала приобрела характер нового колониализма. По ее мнению, отношения Москвы и Урала не могут быть рассмотрены ни в рамках дихотомии центр — регионы, ни столица — провинция, а могут быть отнесены к модели «внутреннего колониализма». М. А. Фадеичева полагала, что «внутренний колониализм» находит выражение в экономическом, этнокультурном и политическом отношении. В экономическом отношении это проявляется в том, что Урал для метрополии является источником сырья, рынком сбыта, сферой приложения капитала, источником дешевой рабочей силы. Об этом же свидетельствует характер межбюджетных отношений. Регион-донор, за счет которого политически «самоопределяются» и поддерживают существование дотационные регионы, чем больше работает, тем хуже живет. Автор заключала, что отношения Москвы и Урала должны пониматься как отношения метрополия — колония [Фадеичева 2003, с. 46].

Е. Б. Михайленко, Т. В. Вербицкая особенностью Свердловской области считают то, что она относится к Урало-Поволжской этноконтактной зоне, которая, по словам В. Стрелецкого, представляет собой «чересполосицу пространственно перемешанных этносов» [Стрелецкий 2010, с. 13]. Здесь нет четких выраженных этнических зон, что позволяет говорить об отсутствии компактно проживающих этнических групп, имеющих политические и сецессионные интересы [Михайленко, Вербицкая 2018а, с. 143].

По нашему мнению, большие эвристические возможности предоставляет изучение политического кризиса начала 1990-х гг. на Урале с позиций политической регионалистики [Мухаметов 2016], различных теорий парадипломатии. Такие теоретические подходы реализуются в работах А. А. Керимова, Е. Б. Михайленко, Т. В. Вербицкой, В. Г. Благодатских, А. А. Бакова, Р. С. Мухаметова и др. политологов. При таком подходе основное внимание привлекается к понятию «регион» и его акторности во внутривнутриполитических и внешнеполитических отношениях.

Авторы считают, что в условиях конституционного кризиса регионы пытались выторговать себе у центра значительно больше полномочий, чем они имели раньше, находясь в составе СССР.

В. Г. Благодатских и А. А. Керимов, рассматривая «регион» как «территориально-политическое образование, функционирующее на субнациональном

уровне», признают его статус как «субнационального актора внутривнутриполитических и внешнеполитических отношений» [Благодатских, Керимов 2017, с. 32].

По мнению А. А. Бакова и А. А. Керимова, на характер международной деятельности регионов оказывают влияние три группы факторов: особенности географического положения региона, уровень социально-экономического развития региона, специфика политического режима. Авторы делят эти факторы на внутренние и внешние. Внутренние факторы обусловлены внутривнутриполитическими, внутривнутриэкономическими, внутривнутрисоциальными особенностями развития государства, а внешние определяются особенностями внешней политики государства, вовлеченностью в процессы глобализации. Среди внутренних факторов, обуславливающих международную деятельность регионов, А. А. Баков и А. А. Керимов главными считают особенности территориально-государственного устройства страны. Они пишут, что в условиях широкого развития горизонтальных связей происходит децентрализация политической системы с передачей субнациональным акторам политических полномочий [Баков, Керимов 2018, с. 42].

А. А. Баков и А. А. Керимов считают повышение акторности субнациональных регионов объективным процессом. По их мнению, глобализация мировой экономики и политики стимулирует политическую децентрализацию и экономическую асимметричность регионов. В то же время влияние глобальных процессов на деятельность региональных элит напрямую зависит от того, какими политическими полномочиями и экономическими ресурсами обладает регион [Баков, Керимов 2018, с. 46].

Е. Б. Михайленко и Т. В. Вербицкая особенности развития Свердловской области как крупного промышленного региона страны выводят из ее географического расположения на границе Европы и Азии, в пределах Уральского горного хребта. В советский период ее географическое расположение служило в большей степени изоляции региона, что играло важную роль для безопасного размещения промышленных объектов. В условиях формирования нового государства перед элитами региона встала проблема вывода региона из внутренней изоляции [Михайленко, Вербицкая 2018b, с. 58]. По их мнению, в основе идеи Уральской республики не было этнонационального принципа. Главный интерес лежал в получении политико-экономических преимуществ для региона, придание региону образа «столичности» [Михайленко, Вербицкая 2018a, с. 144].

Политологи привлекают к изучению политического кризиса начала 1990-х гг. элитологию, подходу к термину «элита» в узком его значении, как к политико-административной, управленческой элите. На рубеже XX и XXI веков элитология стала одним из самых востребованных направлений в отечественной политической науке. А. Г. Наронская полагает, что элитоцентричная парадигма изучения политического процесса позволяет рассматривать властную элиту как ключевой субъект политического процесса [Наронская 2019, с. 384].

Политологи указывают на то, что именно в начале 1990-х гг. на Урале происходило формирование региональной экономической и политической элиты.

А. Г. Наронская замечает, что новая региональная элита состояла из двух частей — местного политического класса и экономической элиты, которая оформилась в ходе процессов приватизации. Несмотря на разрозненность новых элитных групп, начинается постепенный процесс осознания ими своих политических, административных и экономических интересов. Последние получили свое отражение в развитии так называемого «уральского сепаратизма», в проекте создания Уральской республики 1993 года [Наронская 2019, с. 386].

Е. Б. Михайленко и Т. В. Вербицкая пишут: «Учитывая сложность данного периода с политической и экономической точек зрения, перед региональной элитой было поставлено много задач: от формирования институтов исполнительной власти до формирования институтов парадипломатии. Задачей администрации региона стало не просто выведение области из изоляции, но и привлечение иностранных инвестиций, создание совместных предприятий» [Михайленко, Вербицкая 2018b, с. 60].

А. Д. Кириллов и Б. А. Кириллов подробно рассматривают деятельность региональной политической элиты по созданию Уральской республики. По их мнению, феномен «Уральской республики» нужно оценивать как искусственно созданный конструкт, имевший конкретные цели. Идея «нового федерализма» Э. Э. Росселя предполагала постепенный отказ от национально-территориального принципа построения России, бюджетную децентрализацию, увеличение самостоятельности региональных органов власти в определении форм и методов реализации экономических реформ, а также расширение их прав во внешнеэкономической деятельности [Кириллов, Кириллов 2000, с. 451].

В. В. Князев считает, что следствием политического кризиса начала 1990-х гг. стало не только разрушение прежней политической системы и окончательная ликвидация институтов советской власти, но и формирование нового слоя должностных лиц. Его спецификой являлось то, что они были выходцами из советской номенклатурной системы, но действовали они уже в рамках новых институтов власти и другой идеологии [Князев 2015, с. 46].

А. Г. Наронская приходит к выводу, что децентрализация 1990-х гг. и формирование региональной идентичности элитных групп определили активное участие региональной элиты в развитии международной деятельности Свердловской области. Международная экономическая, политическая активность региона соответствовала политике суверенизации властных групп. Региональная элита поддерживала формирование парадипломатии как политического института, альтернативного государству [Наронская 2019, с. 384].

Политический кризис, охвативший Свердловскую и Челябинскую области в начале 1990-х гг., привлекает пристальное внимание исследователей.

Правоведы и историки в основном воспроизводят эмпирический материал. Теоретическую концептуализацию событий, происходивших в Уральском регионе в период 1991–1993 гг., предлагают политологи, рассматривая события с точки зрения этнополитики, политической регионалистики, элитологии.

Список литературы

- Авакьян 2000 — *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М. : Сашко, 2000. 528 с.
- Азанов 1994 — *Азанов Г. Г.* Уральская республика: игра амбиций или необходимость. Екатеринбург : Уральский кадровый центр, 1994. 68 с.
- Баков, Керимов 2018 — *Баков А. А., Керимов А. А.* Регионы как эффективный участник международных отношений: условия формирования новой практики в международной деятельности // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 42–46.
- Благодатских, Керимов 2017 — *Благодатских В. Г., Керимов А. А.* Концепт парадипломатии в политологическом дискурсе: сущность и основные направления исследований // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 31–36.
- Выступление 1990 — Выступление Б. Ельцина на встрече с общественностью Уфы // Советская Башкирия. 1990. 14 авг.
- Кириллов 1997 — *Кириллов А. Д.* Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития 1990–1997 гг.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 391 с.
- Кириллов, Кириллов 2000 — *Кириллов А. Д., Кириллов Б. А.* Рожденная демократией // Урал в панораме XX века / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : СВ-96, 2000. С. 450–454.
- Князев 2015 — *Князев В. В.* Челябинская область в условиях политического кризиса (1991–1993 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 41–46.
- Комлева 2001 — *Комлева Н. А.* Идея Уральской республики как выражение форалистического характера Российской Федерации // Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития : сб. науч. ст. / редкол.: Б. Б. Багиров и др. Екатеринбург : Филантроп, 2001. С. 18–26.
- Конституционная реформа 1990 — Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы : сб. ст. / редкол.: Е. К. Глушко, А. Е. Козлов, Ю. Л. Шульженко и др. М. : ИГПАН, 1990. 126 с.
- Литвинов 2008 — *Литвинов А.* Политический кризис 1993 г. в зеркале уральской прессы // Гражданская война как феномен мировой истории : материалы научной конференции 26 апреля 2008 г. / редкол.: В. Д. Камынин, А. Д. Кириллов. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2008. С. 376–381.
- Михайленко, Вербицкая 2018а — *Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.* Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время) // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 141–157.
- Михайленко, Вербицкая 2018б — *Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.* Роль институтов парадипломатии в регионализации Свердловской области // Дискурс-Пи. 2018. Т. 15. № 1 (30). С. 57–63. DOI: 10.17506/dipi.2018.30.1.5764.
- Мухаметов 2016 — *Мухаметов Р. С.* Политическая регионалистика [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлению подготовки 41.03.04 «Политология». Екатеринбург : УрФУ, 2016. 108 с. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52520/1/Muhametov-2016.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
- Наронская 2019 — *Наронская А. Г.* Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта Федерации (опыт Свердловской области) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11. № 3. С. 384–400. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-3-384-400.

- Осипов 2021 — *Осипов И. В.* Движение за создание Уральской Республики в контексте истории уральского регионализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. 22 с.
- Полынов 2012 — *Полынов М. Ф.* М. С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты // *Новейшая история России.* 2012. № 2 (4). С. 136–152.
- Стрелецкий 2010 — *Стрелецкий В.* Конфигурация этнических, лингвистических, культурных, религиозных и расовых различий в Российской Федерации // *Федерализм и этническое разнообразие в России : сб. ст. / под ред. И. Бусыгиной, А. Хайнеманн-Грюдера.* М. : РОССПЭН, 2010. С. 9–33.
- Тарасова 2014 — *Тарасова Е. А.* Проблема федеративного устройства в проектах новой конституции России в начале 1990-х годов // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Сер. 2 : История. 2014. № 1. С. 48–60.
- Фадеечева 2003 — *Фадеечева М. А.* Колония и терпение: внутренний неокOLONиализм и этнополитика на Урале // *Дискурс-Пи.* 2003. № 1 (3). С. 46–48.
- Шахрай 2000 — *Шахрай С. М.* Федерализм в системе единого конституционного пространства России : монография. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2000. 180 с.
- Solnick 1998 — *Solnick St.* Will Russia survive? Center and periphery in the Russian Federation // *Post-Soviet political order: Conflict and state building / ed. by B. Rubin, J. Snyder.* New York : Routledge, 1998. P. 58–80.

References

- Avakian, S. A. (2000), *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: Nature, evolution, modernity], 2nd ed., Sashko, Moscow, 528 p. (in Russian).
- Azanov, G. G. (1994), *Ural'skaya respublika: igra ambitsii ili neobkhodimost'* [The Ural Republic: the game of ambition or necessity], *Ural'skii kadrovyy tsentr, Yekaterinburg*, 68 p. (in Russian).
- Bakov, A. A. and Kerimov, A. A. (2018), "Regions as an effective participant in international relations: conditions for the formation of a new practice in international activities", *Sociopolitical Sciences*, no. 4, pp. 42–46 (in Russian).
- Blagodatsikh, V. G. and Kerimov, A. A. (2017), "The concept of para-diplomacy in the political discourse: the nature and main directions of research", *Sociopolitical Sciences*, no. 6, pp. 31–36 (in Russian).
- "Boris Yeltsin's speech at a meeting with the Ufa public" (1990), *Sovetskaya Bashkiriya*, 14 August (in Russian).
- Fadeicheva, M. A. (2003), "Colony and tolerance: a domestic colonialism and ethnopolitics in Ural", *Discourse-P*, no. 1 (3), pp. 46–48 (in Russian).
- Glushko, E. K., Kozlov, A. E., Shul'zhenko, Yu. L., Topornin, B. N., Stepanov, I. M., Shul'zhenko, Yu. L. et al. (eds) (1990), *Konstitutsionnaya reforma v SSSR: aktual'nye problem, sbornik statei* [Constitutional reform in the USSR: actual problems, a Collection of Articles], IGPAN, Moscow, 126 p. (in Russian).
- Kirillov, A. D. (1997), *Ural: ot El'tsina do El'tsina (khronika politicheskogo razvitiya 1990–1997)* [Ural: from Yeltsin to Yeltsin (chronicle of political development, 1990–1997)], *Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg*, 391 p. (in Russian).
- Kirillov, A. D. and Kirillov, B. A. (2000), "Born of democracy", in Alekseev, V. V. (ed.), *Ural v panorame XX veka* [The Urals in the 20th century's panorama], SV-96, Yekaterinburg, pp. 450–454 (in Russian).
- Knyazev, V. V. (2015), "Chelyabinsk region in times of political crisis (1991–1993)", *Tomsk State University Journal of History*, vol. 1 (33), pp. 41–46 (in Russian).
- Komleva, N. A. (2001), "The idea of the Ural Republic as an expression of the Foralistic character of the Russian Federation", in Bagirov, B. B. et al. (eds), *Rossiiskii federalizm: problemy i perspektivy dal'neishego razvitiya, sbornik nauchnykh statei* [Russian Federalism: problems and prospects for further development, a Collection of Articles], *Filantrop, Yekaterinburg*, pp. 18–26 (in Russian).

- Litvinov, A. (2008), "The political crisis of 1993 in the mirror of the Ural press", in Kamynin, V. D. and Kirillov, A. D. (eds), *Grazhdanskaya voina kak fenomen mirovoi istorii, materialy nauchnoi konferentsii, 26 aprelya 2008* [Civil war as a phenomenon of world history, Proceedings of the scientific conference, April 26, 2008], Ural'skii rabochii, Yekaterinburg, pp. 376–381 (in Russian).
- Mikhaylenko, E. B. and Verbitskaya, T. V. (2018a), "Formation and development of the paradiplomatic activity of the Sverdlovsk region (1991 — present time)", *Bulletin of Perm University. Political science*, no. 1, pp. 141–157 (in Russian).
- Mikhailenko, E. B. and Verbitskaya, T. V. (2018b), "The role of the institutes of paradiplomacy in regionalization of Sverdlovsk region", *Discourse-P*, vol. 15, no. 1 (30), pp. 57–63 (in Russian). DOI: 10.17506/dipi.2018.30.1.5764.
- Mukhametov, R. S. (2016), *Politicheskaya regionalistika, uchebno-metodicheskoe posobie* [Political regionalism, Educational and methodical manual], Ural Federal University, Yekaterinburg, 108 p., available at: <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/52520/1/Muhametov-2016.pdf> (accessed 20 January 2022) (in Russian).
- Naronskaya, A. G. (2019), "Regional elites role in the development of international activities (experience of the Sverdlovsk region)", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 3, pp. 384–400 (in Russian). DOI: 10.17072/2218-9173-2019-3-384-400.
- Osipov, I. V. (2021), *Dvizhenie za sozдание Ural'skoi Respubliki v kontekste istorii ural'skogo regionalizma* [Movement for the creation of the Ural Republic in the context of the history of Ural regionalism], Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow State University, Moscow, 22 p. (in Russian).
- Polynov, M. F. (2012), "M. S. Gorbachev and 'the new political thinking': sources, main ideas, results", *Modern History of Russia*, no. 2 (4), pp. 136–152 (in Russian).
- Shakhrai, S. M. (2000), *Federalizm v sisteme edinogo konstitutsionnogo prostranstva Rossii* [Federalism in the system of the unified constitutional space of Russia], St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, 180 p. (in Russian).
- Solnick, St. (1998), "Will Russia survive? Center and periphery in the Russian Federation", in Rubin, B. and Snyder, J. (eds), *Post-Soviet political order: Conflict and state building*, Routledge, New York, pp. 58–80.
- Streletsky, V. (2010), "Configuration of ethnic, linguistic, cultural, religious and racial differences in the Russian Federation", in Busygina, I. and Heinemann-Gruder, A. (eds), *Federalizm i etnicheskoe raznoobrazie v Rossii, sbornik statei* [Federalism and ethnic diversity in Russia, a Collection of Articles], ROSSPEN, Moscow, pp. 9–33 (in Russian).
- Tarasova, E. A. (2014), "Problem of the federal organization in drafts of the new constitution of Russia in the beginning of the 1990th", *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no. 1, pp. 48–60 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 31.01.2022
Принята к публикации / Accepted: 10.02.2022

Информация об авторе

Камынин Владимир Дмитриевич
 доктор исторических наук, профессор
 Уральский федеральный университет
 620083, Россия, Екатеринбург,
 пр. Ленина, 51
 E-mail: kamyninv@yandex.ru
 Авторский ORCID: 0000-0001-5564-4602

Information about author

Kamynin, Vladimir Dmitrievich
 D. Sci (History), Professor
 Ural Federal University
 51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
 E-mail: kamyninv@yandex.ru
 Author's ORCID: 0000-0001-5564-4602

Гендерные лики истории

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.045
УДК 94(100)»1939/45» + 327.36 + 001.32-055.52

ВОЙНА В БИОГРАФИИ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО; ЖЕНЩИНА-УЧЕНЫЙ В БИОГРАФИИ ВОЙНЫ

О. А. Валькова

Институт истории естествознания и техники РАН
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается отношение советского правительства к женщинам-ученым как к возможному орудью политической пропаганды на международной арене. Исследуется международная деятельность советских женщин-ученых, направленная на пропаганду мира и деятельности СССР в этом направлении среди членов зарубежных женских организаций и участников различных «мирных» конгрессов и конференций, с одной стороны, и деятельность тех же женщин-ученых в период Второй мировой войны по пропаганде позиции Советского Союза — с другой. На основании документов личного происхождения, а также воспоминаний анализируется отношение женщин-ученых к этой их роли.

Ключевые слова: женщина-ученый, Вторая мировая война, борьба за мир.

Для цитирования: Валькова О. А. Война в биографии женщины-ученого; женщина-ученый в биографии войны // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 151–162. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.045

WAR IN THE BIOGRAPHY OF A WOMAN SCIENTIST; A WOMAN SCIENTIST IN THE BIOGRAPHY OF WAR

O. A. Valkova

Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The article examines the use of women scientists by the Soviet government as a possible tool of political propaganda in the international arena. The paper explores the international activities of Soviet women scientists aimed at promoting peace and the activities of the USSR in this area among members of foreign women's organizations and participants of various "peaceful" congresses and conferences, on the one hand, and the activities of the same women scientists during the Second World War to promote the position of the Soviet Union. On the basis of documents of personal origin, as well as memories, the attitude of women scientists to this role is analyzed.

Keywords: woman-scientist, World War II, struggle for peace.

For citation: Valkova, O. A. (2021), "War in the Biography of a Woman Scientist; A Woman Scientist in the Biography of War", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 151–162 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.045

В 50-х — начале 60-х гг. XX в. советские женщины-ученые, занимавшие высокое положение в научной иерархии, часто привлекались для участия в международных мероприятиях, прямо или косвенно связанных с борьбой за мир. Гидродинамик по своей научной специальности, академик АН СССР и супруга академика¹ Пелагея Яковлевна Кочина (1899–1999)² оставила воспоминания о подобных мероприятиях, в которых она принимала участие: «Первые мои поездки за границу были связаны с деятельностью Антифашистского комитета советских женщин (впоследствии переименованного в Комитет советских женщин), — писала она. — В ноябре 1948 г. Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ), в которую входил наш Антифашистский комитет, организовала Второй международный конгресс женщин... Меня ввели в состав советской делегации, руководителем которой

¹ Муж П. Я. Кочиной — Кочин Николай Евграфович (1901–1944) — математик и механик, академик АН СССР с 1939 г.

² П. Я. Кочина была избрана членом-корреспондентом АН СССР в 1946 г. по отделению технических наук (гидродинамика), академиком в 1958 г. (Сибирское отделение, механика, гидродинамика).

была Нина Васильевна Попова» [Кочина 1974, с. 244]. Встреча проходила в Будапеште. П. Я. Кочина вспоминала, что проблемы борьбы за мир активно обсуждались на Будапештском конгрессе: «На конгрессе женщины выступали с горячими речами о мире между народами. Худошавая пожилая американка с большой энергией говорила о “кипучей жажде мира” у американских женщин» [Там же, с. 245]. В апреле 1950 г. П. Я. Кочина принимала участие в женском конгрессе, проходившем в Германской Демократической Республике, в Берлине, во время которого «обсуждались местные вопросы женских и детских организаций и общие вопросы мира» [Там же, с. 246]. Тогдашний председатель совета министров ГДР Отто Гротеволь (1894–1964) организовал прием для членов женских делегаций, причем каждой участнице была подарена чашка из Мейсенского фарфора с надписью, в переводе читавшейся как: «Правительство Германской Демократической Республики приветствует женщин, борющихся за мир. К 3-му Государственному конгрессу. Берлин, 21–24 апреля 1950 г.» [Там же, с. 247]. В 1959 г. П. Я. Кочина, также в составе официальной делегации, участвовала в конгрессе Союза итальянских женщин, проходившем в Риме. Опять-таки вопросы войны и мира были среди активно обсуждавшихся участницами: «В выступлениях, живых и горячих, женщины ставили разнообразные вопросы, которые их глубоко волновали. Женский вопрос теснейшим образом связан с острыми проблемами современности, поэтому выступавшие говорили и об атомной опасности, и о расстановке ракетных баз в Италии, и об общей безработице и о забастовочных движениях в Италии» [Там же, с. 249].

Участие П. Я. Кочиной в этих мероприятиях было представительским. Как она писала о конгрессе в Будапеште, «будучи пассивной участницей конгресса, нигде не выступая, я с большим интересом смотрела на всё» [Там же, с. 245]. Однако этим ее участие не ограничивалось. «В перерывах между заседаниями мы общались с различными делегатками конгресса», — вспоминала она. И это, безусловно, была очень важная составляющая ее миссии. Подобное «живое» общение, по мнению советских официальных лиц, вполне можно было доверить высокопоставленной женщине-ученой. Она представляла собой живую рекламу советского образа жизни и достижений советской власти: женщина прекрасно образованная, свободно владеющая иностранными языками, работающая в исключительно мужской, элитарной области, более того, занимающая высокое положение — наглядная, подлинная демонстрация введенного в СССР равноправия полов.

Однако в послевоенные годы женщин-ученых привлекали и в качестве выступающих перед зарубежной аудиторией. Например, сохранились записанные тексты выступления первой в СССР женщины — доктора геолого-минералогических наук Веры Александровны Варсанофьевой (1889–1976) с призывами к борьбе за мир. Одно из них было передано 9 июня 1958 г.

«для опубликования в радиокомитете»³ в преддверии 3-го Всемирного конгресса мира в Стокгольме, который поддерживавшийся усилиями СССР Совет мира планировал провести в июле 1958 г. Конечно, это выступление было политическим, содержало риторику своего времени и очевидно ставило задачу пропаганды усилий СССР в борьбе за мир и его мирных инициатив, но одновременно оно было абсолютно искренним. Пол автора выдает, пожалуй, главным образом страстность речи, такая нехарактерная обычно для официальных речей. Эта же страстность выдает человека, пережившего уже две мировых войны, и, безусловно, ученого. «Война всегда была величайшим бедствием для населения тех стран, которые в нее вовлекались, независимо от того, была ли данная страна победительницей или побежденной», — начала свое выступление В. А. Варсанофьева. «С усовершенствованием военной техники это бедствие становилось все более грозным. Вторая мировая война, во время которой гибло мирное население и разрушались до основания города, вызвала резкий протест народных масс против подготовки третьей империалистической войны... — продолжала она. — Величайшие достижения современной науки — овладение силами атомного ядра, грандиозной энергией атомного распада — были направлены руководителями империалистического лагеря на создание страшнейших орудий истребления людей, на разрушение того, что создано их гением и трудом»⁴.

Произносивший эти слова, безусловно, верит в то, о чем говорит. Влияние на слушателей увеличивается еще и потому, что произносит эти слова ученый — ученый, абсолютно уверенный в торжестве науки, в ее необходимости для процветания планеты, в том, что наука приносит человечеству пользу; ученый, искренне и глубоко переживающий, что изумительные и вдохновляющие научные достижения используются ради такой чудовищной цели. Далее В. А. Варсанофьева сказала несколько слов о Совете мира и предпринимавшихся этой организацией усилиях в борьбе за мир, о роли в этом деле СССР. Заканчивалось выступление яростным призывом, тем более действенным, что говорившая, безо всяких сомнений, искренне верила в то, о чем говорила: «В июле 1958 года Всемирный совет мира созывает в Стокгольме 3-й Всемирный конгресс мира по вопросу о разоружении и международном сотрудничестве. Лучшие представители всех народов соберутся на этом конгрессе с надеждой и уверенностью в том, что силы мира восторжествуют над силами войны. Голос разума, вера в лучшее будущее человечества, освобождение от ужасов войны победят стремление к уничтожению людей, к разрушению всего того, что создано человечеством в его культурной эволюции». «Делегаты Конгресса, — призывала В. А. Варсанофьева, — как и все мы, должны быть

³ Архив Коми науч. центр УрО РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

⁴ Там же.

твердо уверены, что никогда не будет применено ядерное оружие, что человечество ждет в будущем не массовое уничтожение и вырождение, а расцвет всех творческих сил и возможностей освобожденных от войны народов»⁵.

Другое свое выступление по вопросу борьбы за мир сама В. А. Варсанофьева озаглавила «Выступление в связи с созывом “Конгресса за всеобщее разоружение и мир” в Москве». Документ не датирован, но Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир, проходивший в Москве, состоялся 9–14 июля 1962 г. Радиовыступление В. А. Варсанофьевой вновь должно было его предварять. Оно вновь содержало официальную, можно сказать, пропагандистскую версию истории борьбы Советского Союза за мир. Но снова искренняя ненависть автора к войне просто сочится со страниц документа, несмотря на совершенно литературный язык выступления: «Вторая мировая война была новым этапом “эволюции” орудий и способов уничтожения людей, причем уничтожению подвергались не только воины, сражающиеся на фронте. Ассортимент бомб, изобретенных к тому времени, сбрасывался на города, уничтожал мирное население и культурные сокровища, созданные человеческим гением»⁶. И дальше — слова ученого и яростного борца за охрану окружающей среды: «Атомное оружие несет всему живому населению земного шара неизбежную гибель. Уже сейчас продуктами атомного распада заражены огромные пространства, целые океаны, хранящие основные запасы белковой пищи для человечества. До предела поднимается содержание продуктов распада в атмосфере»⁷. Можно предположить, что какие-то тезисы выступления были предложены В. А. Варсанофьевой заранее, но часть фрагментов, таких как процитированный нами фрагмент о вреде, наносимом окружающей среде, несомненно, принадлежат ей самой. «Но дело спасения человечества — не только дело правящих кругов, — говорила В. А. Варсанофьева и, будучи оптимистом, заканчивала: — Мы видим, как возрастает значение движения за мир среди народов капиталистических стран, мы горячо призываем их к участию в великой борьбе. Мы верим, что в этой борьбе за жизнь и за смерть победит стремление к жизни, к мирному развитию и процветанию человечества»⁸.

Женщина-ученый даже в 50-х гг. XX в. — явление в мировых масштабах очень редкое, можно сказать эксклюзивное. Женщина-ученый, которая достигла вершин научной иерархии — званий доктора и профессора, тем более академика, имела опубликованные научные труды, руководила научными институтами, кафедрами, лабораториями, — явление совершенно уникальное. И в СССР подобных женщин в этот период существовало больше, чем

⁵ Архив Коми науч. центр УрО РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55. Л. 9, 10.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же.

где бы то ни было в мире. Очевидно, они пользовались авторитетом в определенных кругах просто в силу своего существования и жизненного успеха. И эти «определенные круги» состояли преимущественно из женщин, причем не только советских, но и зарубежных. Мысль о том, что само существование в стране женщин-ученых следует использовать ради пропаганды достижений Советской власти за рубежом, возникла уже в середине 30-х гг. XX в. В начале марта 1935 г. в секретариате Н. К. Крупской, занимавшей в тот момент должность заместителя народного комиссара по просвещению, было получено письмо Василия Васильевича Крамера (1876–1935), бывшего лечащего врача В. И. Ленина, с просьбой оказать поддержку женщинам-ученым. Оно датировано 1-м марта 1935 г., за месяц до смерти автора. В. В. Крамер утверждал, что «наличие женщин в первом ряду ученых Союза имеет политическое значение»⁹, но почему-то СССР их не использует должным образом: «Мы почти не посылаем за границу женщин-ученых, в то время как артистки, писательницы и физкультурницы неоднократно знакомили Запад с нашими достижениями в области их специальности»¹⁰. Уже 13 марта секретарь Н. К. Крупской переслал письмо В. В. Крамера в Комиссию содействия ученым в сопровождении собственноручной записки Надежды Константиновны о том, что ей «его (В. В. Крамера. — О. В.) предложения кажутся целесообразными»¹¹. В. В. Крамер не был первым, высказавшим подобную идею, хотя можно предположить, что именно он первым обратил внимание руководства страны на эту проблему. В 1933 г. в предисловии к книге Амалии Гельштейн «Женщины в советской науке» М. Левар писал: «Буржуазные легенды о неспособности, якобы, женщины заниматься наукой наряду с другими многочисленными легендами, вдребезги разбиты нашей действительностью. Путь советской женщины важен и интересен тем, что он показывает дорогу трудящимся массам женщин капиталистического Запада, на примере своих раскрепощенных сестер по классу видящих, какие грандиозные перспективы раскрывает пролетарская революция перед женщинами. Этот пример важен и поучителен. На нем будут учиться миллионы» [Гельштейн 1933, с. 8].

И действительно, в 30-х гг. XX в. советских женщин-ученых высокого ранга начали привлекать для работы, прежде всего, с зарубежными женскими и студенческими аудиториями, хотя до начала Великой Отечественной войны такие случаи, как нам кажется, все-таки были довольно редки. Лина Соломоновна Штерн (1875–1968), доктор медицины, получившая свою степень в Женевском университете и ставшая впоследствии первой женщиной — профессором этого университета, приехала в СССР 1925 г. и вскоре возглавила

⁹ ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 722. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 7 об.

¹¹ Там же. Л. 5, 6.

Институт физиологии АН СССР. В 1939 г. ее избрали действительным членом АН СССР — первую женщину, получившую этот статус. В автобиографии 1948 г. Л. С. Штерн писала о том, что иностранные ученые, которых она знала по своей работе в Европе, часто посещали ее институт в Москве в предвоенный период и что она использовала «приезд иностранных ученых... для ознакомления их с научными достижениями Советского Союза, для освещения ряда вопросов в области нашего культурного строительства»¹². Успешность этих демонстраций Л. С. Штерн, по ее собственным словам, имела возможность проверить во время многочисленных заграничных командировок: «Во время моих командировок за границу я помимо научных докладов выступала и с докладами, освещающими положение науки в Советском Союзе и роль женщины. Так, например, во время последней командировки в Бельгию [и Англию] в 1935 г., я, помимо большого числа докладов в университетах Брюсселя, Лювена и других городов, прочла большой доклад в Международной лиге университетских женщин и в студенческих организациях как о роли женщины, так и о положении и жизни нашего студенчества. Эти доклады, [которые я повторила и в Англии] вызвали большой интерес, что и сказалось в большой тяге [иностранцев] научных работников в наш Союз»¹³.

С началом Великой Отечественной войны авторитет, которым обладали некоторые советские женщины-ученые у зарубежных женских организаций, был использован в целях пропаганды позиций СССР на международной арене. Биограф Лины Соломоновны В. Б. Малкин, например, пишет: «В 1941 г. Штерн была избрана в президиум Антифашистского женского комитета и Еврейского антифашистского комитета. 1 июля 1941 г. было опубликовано и транслировалось радиообращение Штерн ко всем членам Международной лиги университетских женщин» [Малкин 1995]. Л. С. Штерн состояла членом Еврейского антифашистского комитета с 1942-го по 1948 г. и заплатила за участие в его работе арестом, тюремным заключением и ссылкой [Там же]. В состав Антифашистского женского комитета (не еврейского) вошли и другие женщины-ученые. Например, упоминавшаяся выше В. А. Варсанюфьева писала в одной из своих автобиографий: «С 1942 г. участвую в работе Антифашистского комитета советских женщин (выступления по радио, статьи для зарубежных стран и т. п.)» [Варсанюфьева 1990, с. 21]. Вероятно, одним из факторов, повлиявших на привлечение женщин-ученых к этой работе, помимо личных зарубежных связей и членства в зарубежных организациях (Л. С. Штерн являлась членом Лиги университетских женщин, но у В. А. Варсанюфьевой подобных связей не было), было свободное владение иностранными языками, позволявшее им выступать по радио, напрямую обращаясь к своей аудитории.

¹² Архив РАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 18. Л. 11 об., 12.

¹³ Там же. Л. 12, 12 об.

Во время Великой Отечественной войны женщин-ученых привлекали к выступлениям, рассчитанным не только на иностранную аудиторию. Очень кратко и при этом емко описала свои военные занятия В. А. Варсанофьева в письме от 31 января 1942 г. Степану Дмитриевичу Яхонтову, ее школьному учителю: «Я, как москвичка, не считала возможным оставить Москву в тяжелое для нее время. Летом работала в группе самозащиты нашего Института и в ночи налетов всегда дежурила на крыше, наблюдала картины воздушных боев. С небольшим только перерывом во второй половине октября и начале ноября, в нашем Институте идут занятия, и я читаю лекции. Теперь придется читать и в Университете, где возобновляются занятия. Кроме того, читаю эпизодические лекции для наших бойцов в лазаретах, а недавно ездила читать в прифронтовую полосу, откуда вернулась с прекрасными впечатлениями»¹⁴. Конспекты этих военных выступлений В. А. Варсанофьевой частично сохранились в ее личном фонде в Российском государственном архиве экономики. В. А. Варсанофьева убеждала своих слушателей в том, что у СССР достаточно природных ресурсов для победы в войне. Путевки для чтения лекций в воинских частях, на предприятиях Москвы и Ташкента, выданные районным комитетом ВКП(б) Киевского района Москвы, окружным домом Красной Армии Среднеазиатского военного округа, Ташкентским горисполкомом за 1942–1943 гг., сохранились в фонде выдающегося советского историка, академика¹⁵ АН СССР М. В. Нечкиной (1901–1985)¹⁶.

Женщины-ученые не отказывались, когда им предлагали внести свой вклад, выступая перед людьми, будь это их зарубежные коллеги или бойцы Красной армии, если это могло принести какую-то пользу. Сохранились свидетельства того, что молодые женщины — научные сотрудники, которых никто не привлекал к подобной деятельности и работа которых никак не была связана с военной тематикой, тяжело переживали свою ненужность. Например, молодая сотрудница Кандалакшского заповедника, орнитолог Наталия Владимировна Миронова, только что, в 1940 г., закончившая университет, писала 28 июня 1941 г. отцу в Ленинград: «...морально тяжело сейчас работать над вещами, которые не дают ощутимых результатов в данный момент. Думаю, что если попаду в Ленинград, то начну любую работу по специальности» [Письма из заповедника 2020, с. 177].

Геоботаник, доктор биологических наук Анастасия Михайловна Семенова-Тян-Шанская (1913–1992), в 1941 г. бывшая молодым сотрудником отдела геоботаники Ботанического института в Ленинграде, в начале лета пережила

¹⁴ РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177. Л. 68, 68 об.

¹⁵ М. В. Нечкина избрана членом-корреспондентом АН СССР по отделению истории в 1953 г.; академиком — в 1958 г.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 1820. Д. 344.

серьезную операцию. Из-за этого к началу войны многие виды деятельности были для нее недоступны, но это не остановило ее в желании быть полезной и приносить максимальную пользу: «Я вышла на работу после операции 25 июня, и меня поэтому ни разу не послали на рытье окопов и другие тяжелые работы, и я не могла идти добровольцем на мобилизационный пункт, как сразу же пошла Марианна Николаевна. Но я сразу же, конечно, пошла в госпиталь. В тот же самый челюстно-лицевой на базе стоматологической клиники проф[ессора] Львова <...> в 1-м медицинском институте. <...> На этот раз¹⁷ приходилось дежурить не только ночью, но и днем. Я привлекла к этой работе сестру Веру, и мы дежурили с ней по очереди: она — днем, я сменяла ее ночью. <...> После ночного дежурства я шла в 9 часов в БИН — ехать домой не имело смысла» [Семенова-Тян-Шанская 2013, с. 277]. Биохимик Ирина Николаевна Блохина (1921–1999), впоследствии академик АН СССР и Российской академии медицинских наук, директор горьковского НИИ эпидемиологии и микробиологии, рассказала в интервью с журналисткой Инной Кошелевой о военном начале своей научной карьеры. И. Кошелева пишет об этом следующее: «Как только началась война, Ирина Блохина, все еще только девочка, пошла на военный мобилизационный пункт. Следуя старинной традиции русских женщин служить своей стране в минуту тяжелых испытаний, она потребовала, чтобы ей разрешили внести свой вклад. Она попросилась стать медсестрой. Как медсестра в военном госпитале, она быстро приобрела необходимые навыки и квалификации. Более того, она училась в медицинском институте и стала врачом в районном центре переливания крови. Только после завершения войны она начала заниматься научными исследованиями» [Kosheleva 1983, p. 161]. Более квалифицированные женщины-ученые также старались, чтобы их знания и навыки приносили максимальную пользу в военное время. Доктор медицинских наук, основатель советской вирусологии, открыватель клещевого энцефалита и одна из создательниц вакцины от него Елизавета Николаевна Левкович (1900–1982) с 16 октября по декабрь 1942 г. заведовала лабораторией сыпного тифа в Томске, организовав выпуск сыпнотифозной вакцины для Сибири и Кузбасса. Выдающийся гистолог, член-корреспондент АН СССР Борис Иннокентьевич Лаврентьев писал ей 17 ноября 1942 г.: «К нам едет начальник противоэпидемического отд[еления] санчасти СИБВО¹⁸ Вениамин Львович Портных. Для СИБВО очень важной является вакцинация против сыпного тифа. Санчасть надеется на ВИЭМ¹⁹, что мы им поможем. Очень важно, чтобы В. Л. договорился с Вами лично, в каких количествах мы могли бы обеспечить

¹⁷ Впервые А. М. Семенова-Тян-Шанская начала дежурить в госпитале во время Советско-финской войны.

¹⁸ СИБВО — Сибирский военный округ.

¹⁹ ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины.

СИБВО вакциной. В этом отношении личный контакт будет иметь большое значение. Очень прошу ознакомить В. Л. с Вашей работой» [Воспоминания 2001, с. 155–156]. В. Б. Малкин писал о деятельности Л. С. Штерн в первые месяцы и даже годы войны: «С первых месяцев Великой Отечественной войны Штерн пропагандирует разработанный под ее руководством метод лечения травматического шока посредством введения в большую цистерну головного мозга фосфорнокислого калия. Ей удается официально утвердить этот метод. Его начинают использовать советские хирурги в полевых госпиталях. Штерн организует противошоковые бригады, в которые командует научных сотрудников Института физиологии, и с одной из них сама выезжает в 1941 г. на Западный фронт. Одновременно она ведет интенсивную переписку со многими военными хирургами, получает от них информацию об эффективности нового метода лечения шока, дает им советы, обсуждает результаты лечения. В 1943 г. Штерн за выдающиеся работы по гематоэнцефалическому барьеру была награждена Сталинской премией. Денежную премию — 100 тыс. руб. — она передала на строительство санитарного самолета» [Малкин 1995]. Это стремление быть полезной своей стране в тяжелые военные годы очень характерно для советских женщин-ученых. Даже если их профессия была далека от медицины и биологии, они в большинстве своем в этот период перешли на выполнение военных тем и заданий, не считаясь с собственными интересами и предпочтениями [Валькова 2010; Валькова 2013] и даже с ценой, которую им приходилось платить [Валькова 2019].

В этом они были согласны с правительством, стремившимся использовать их возможности наиболее эффективно. Можно предположить, что официальное мнение советского руководства по этому поводу высказано в подцензурной книге журналистки и писательницы Инны Яковлевны Кошелевой «Women in Science», опубликованной в 1983 г. в московском издательстве «Прогресс» на английском языке и предназначенной для зарубежной аудитории: «Чем ярче женская индивидуальность, тем больше ее потенциал в науке, шире ее гражданские взгляды и тем больше объем работы, доверенный ей. Наука требует полностью развитой личности. Очень часто и совершенно естественно наука выдвигает своих ярчайших и наиболее талантливых последователей, нагружая их общественной работой и национальной, и политической» [Kosheleva 1983, p. 157].

Список литературы

- Валькова 2010 — Валькова О. А. Советские женщины-ученые в Великой Отечественной Войне (1941–1945) // Юбилейная научная конференция, посвященная 65-летию победы в Великой Отечественной войне, 27–28 апреля 2010, Москва / отв. ред. В. П. Борисов. М. : ИИЕТ РАН, 2010. С. 33–47.

- Валькова 2013 — Валькова О. А. Обыденный подвиг: повседневная жизнь советской женщины-ученого в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Патриотизм и гражданственность в истории России : сборник материалов Международной научной конференции, 14–15 марта 2013, Санкт-Петербург / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. С. 183–187.
- Валькова 2019 — Валькова О. А. Неизвестное письмо астронома Н. М. Субботиной к В. Л. Комарову // История науки: источники, памятники, наследие. Третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), 15–17 октября 2019, Москва / ред.-сост. Е. В. Минаина. М. : Янус-К, 2019. С. 61–64.
- Варсанюфьева 1990 — Варсанюфьева В. А. Автобиография // Вера Александровна Варсанюфьева : сборник / ред.-сост. Н. В. Калашников, Н. П. Юшкин, Н. А. Боринцева. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО АН СССР, 1990. 186 с.
- Воспоминания 2001 — Воспоминания о Е. Н. Левкович (основоположники отечественной медицинской вирусологии) / отв. ред. В. В. Погодина. М. : Наука, 2001. 201 с.
- Гельштейн 1933 — Гельштейн А. Женщины в советской науке / предисл. М. Левар. Л. : Лен-облиздат, 1933. 100 с.
- Кочина 1974 — Кочина П. Я. Воспоминания. М. : Наука, 1974. 299 с.
- Малкин 1995 — Малкин В. Б. Трудные годы Лины Штерн // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР : сб. ст. / сост., авт. предисл. И. Г. Арефьева. М. : Наука, 1995. С. 156–181.
- Письма из заповедника 2020 — Письма из заповедника: 1940–1946 / авт.-сост. А. Горяшко, Л. Миронова ; под ред. М. Калякина, О. Максимовой ; предисл. М. Калякина. СПб., 2020. 295 с.
- Семенова-Тян-Шанская 2013 — Семенова-Тян-Шанская А. М. Записки о пережитом / сост. М. А. Семенов-Тян-Шанский, А. Ю. Заднепровская. СПб. : Анатолия, 2013. 340 с.
- Kosheleva 1983 — Kosheleva I. Women in Science / transl. from the Russ. by F. Longman. Moscow : Progress Publishers, 1983. 170 p.

References

- Gel'shtein, A. (1933), *Zhenshchiny v sovetskoj nauke* [Women in Soviet Science], preface by Levar, M., Lenoblizdat, Leningrad, 100 p. (in Russian).
- Goryashko, A. and Mironova, L. (eds) (2020), *Pis'ma iz zapovednika: 1940–1946* [Letters from the reserve: 1940–1946], Saint Petersburg, 295 p. (in Russian).
- Kochina, P. Ya. (1974), *Vospominaniya* [Memories], Nauka, Moscow, 299 p. (in Russian).
- Kosheleva, I. (1983), *Women in Science*, translated by Longman, F., Progress Publishers, Moscow, 170 p.
- Malkin, V. B. (1995), “The Difficult Years of Lina Stern”, in Aref'eva, I. G. (ed.), *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR, sbornik statei* [Tragic Fates: Repressed Scientists of the USSR Academy of Sciences, a Collection of Articles], Nauka, Moscow, pp. 156–181 (in Russian).
- Pogodina, V. V. (ed.) (2001), *Vospominaniya o E. N. Levkovich (osnovopolozhniki otechestvennoi meditsinskoj virusologii)* [Reminiscences on Professor Elizabeth Levkoich (the founders of Russian medical virology)], Nauka, Moscow, 201 p. (in Russian).
- Semenova-Tyan-Shanskaya, A. M. (2013), *Zapiski o perezhitom* [Notes about the experience], Anatoliya, Saint Petersburg, 340 p. (in Russian).
- Val'kova, O. A. (2010), “Soviet women scientists in the Great Patriotic War (1941–1945)”, in Borisov, V. P. (ed.), *Yubileinaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 65-letiyu pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, 27–28 aprelya 2010, Moskva* [Anniversary scientific conference dedicated to the 65th anniversary of victory in the Great Patriotic War, Moscow, April 27–28, 2010], Institute of the History of Natural Science and Technology RAS, Moscow, pp. 33–47 (in Russian).

- Val'kova, O. A. (2013), "Everyday Heroic Deed: the Daily Life of a Soviet female scientist during the Great Patriotic War (1941–1945)", in Skvortsov, V. N. (ed.), *Patriotizm i grazhdanstvennost' v istorii Rossii, sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 14–15 marta 2013, Sankt-Peterburg* [Patriotism and citizenship in the history of Russia, Proc. of the International Conference, Saint Petersburg, March 14–15, 2013], Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, pp. 183–187 (in Russian).
- Val'kova, O. A. (2019), "An Unknown Letter of the Astronomer N. M. Subbotina to V. L. Komarov", in Minina, E. V. (ed.), *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie. Tret'i chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya prezidenta AN SSSR akademika Vladimira Leont'evicha Komarova (1869–1945), 15–17 oktyabrya 2019, Moskva* [History of Science: Sources, Monuments, Heritage, Third readings on historiography and source studies of the History of science and technology, to the 150th anniversary of the birth of the President of the USSR Academy of Sciences, Academician Vladimir Leontievich Komarov (1869–1945), Moscow, October 15–17, 2019], Yanus-K, Moscow, pp. 61–64 (in Russian).
- Varsanof'eva, V. A. (1990), "Autobiography", in Kalashnikov, N. V., Yushkin, N. P. and Borintseva, N. A. (eds), *Vera Aleksandrovna Varsanof'eva* [Vera Alexandrovna Varsanofieva], Komi scientific Center of the Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Syktyvkar, 186 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 2.02.2022

Принята к публикации / Accepted: 10.02.2022

Информация об авторе

Валькова Ольга Александровна
доктор исторических наук, профессор
Институт истории естествознания
и техники РАН
125315, Россия, Москва,
ул. Балтийская, 14
E-mail: o-val2@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-4158-110X

Information about author

Valkova, Olga Aleksandrovna
D. Sci (History), Professor
Institute for the History of Science and
Technology, Russian Academy of Sciences
14 Baltiiskaia St., Moscow, 125315 Russia
E-mail: o-val2@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0002-4158-110X

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.046

УДК 621.039-055.2 + 159.922.1 + 316.46:005.32

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Н. П. Дронишинец

Новоуральский технологический институт
Новоуральск, Россия

Ю. А. Дронишинец

Дипломатическая академия МИД России
Москва, Россия

Аннотация: Целью работы является исследование роли женщин-руководителей в атомной промышленности. В статье проанализированы документы Организации Объединенных Наций (ООН), Международной организации труда (МОТ), Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), Агентства по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Госкорпорации «Росатом», Технической академии «Росатома», Российского фонда поддержки и развития женских инициатив «Объединение женщин атомной отрасли», результаты исследований отечественных и зарубежных ученых по улучшению гендерного баланса в ядерной сфере. Во всем мире доля женщин-специалистов составляет менее четверти всех специалистов, работающих в ядерном секторе. В статье показано, что сложившийся гендерный разрыв имеет значительные последствия для будущего ядерной энергетики в странах, имеющих атомную промышленность. Эти государства нуждаются в новых поколениях специалистов для обеспечения дальнейшего безопасного и эффективного использования ядерных технологий в промышленных, научных и медицинских целях. Привлечение к работе и удержание большего числа женщин, их карьерный рост в области ядерной промышленности является важной целью для страны, имеющей атомную отрасль. В статье исследуется роль женщин, занимающих высокие должности в ведущих крупных организациях, в различных сферах современного общества, анализируется роль женщин и их место в научной, технической, инженерной и математической карьере. Новизна работы заключается в том, что в ней представлены результаты первого проведенного социологического исследования по проблемам гендерного равенства среди женщин-руководителей, специалистов в атомной отрасли России. Исследование показало, что женщины преодолевают «стеклянный потолок» в отрасли, где традиционно доминируют мужчины, но не так быстро, как требуют новые вызовы. Гендерное неравенство в ядерной промышленности выражено

особенно ярко по сравнению с другими отраслями промышленности. Результаты социологического исследования показывают изменения в отрасли, направленные на то, чтобы сделать сферу атомной промышленности более открытой и привлекательной для женщин.

Ключевые слова: гендерный фактор, гендерный баланс, атомная промышленность, женщины-руководители, карьерный рост, лидерство.

Для цитирования: Дронишинец Н. П., Дронишинец Ю. А. Гендерный фактор в атомной промышленности // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 163–182. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.046

GENDER FACTOR IN THE NUCLEAR INDUSTRY

N. P. Dronishinets

Novouralsk Technological Institute
Novouralsk, Russia

Yu. A. Dronishinets

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
Moscow, Russia

Abstract: The aim of the work is to study the role of women managers in the nuclear industry. The article analyzes the documents of the United Nations (UN), the International Labor Organization (ILO), the International Atomic Energy Agency (IAEA), the Nuclear Energy Agency of the Organization for Economic Development and Cooperation, the Rosatom State Corporation, the Rosatom Technical Academy, the Russian Foundation for the Support and Development of Women's Initiatives "Association of Women of the Nuclear Industry", the results of research by domestic and foreign scientists to improve gender balance in the nuclear field. Worldwide, the proportion of female specialists is less than a quarter of all specialists working in the nuclear sector. The article shows that the gender gap has significant implications for the future of nuclear energy in countries with the nuclear industry. These states need new generations of specialists to ensure the further safe and effective use of nuclear technologies for industrial, scientific and medical purposes. Attracting and retaining more women and their career growth in the nuclear industry is an important goal for a country with nuclear industry. The article examines the role of women holding high positions in leading large organizations in various spheres of modern society, analyzes the role of women and their place in scientific, technical, engineering and mathematical careers. The novelty of the work lies in the fact that it presents the results of the first conducted sociological research on the problems of gender equality among women managers, specialists in the nuclear industry of Russia. The study showed that women are overcoming the "glass ceiling" in an industry

traditionally dominated by men, but not so fast as new challenges require. Gender inequality in the nuclear industry is particularly pronounced in comparison with other industries. The results of the sociological research show changes in the industry aimed at making the nuclear industry more open and attractive to women.

Key words: gender factor, gender balance, nuclear industry, women managers, career growth, leadership.

For citation: Dronishinets, N. P. and Dronishinets, Yu. A. (2021), "Gender Factor in the Nuclear Industry", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 163–182 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.046

Постановка проблемы

Анализ ряда документов Организации Объединенных Наций (ООН), Международной организации труда (МОТ), Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), Агентства по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Госкорпорации «Росатом», Технической академии «Росатома», Российского фонда поддержки и развития женских инициатив «Объединение женщин атомной отрасли», результатов исследований отечественных и зарубежных ученых показывает, что, несмотря на предпринимаемые усилия, женщины недостаточно представлены в различных областях науки, техники, инженерии, математики, атомной отрасли. Во всем мире женщины составляют менее четверти специалистов, работающих в ядерном секторе [Karle 2021]. Сложившийся гендерный разрыв имеет значительные последствия для будущего ядерной энергетики в странах, имеющих атомную промышленность. Все они нуждаются в новых поколениях специалистов для обеспечения дальнейшего безопасного и эффективного использования ядерных технологий в промышленных, научных и медицинских целях. Поэтому привлечение и удержание большего числа женщин, их карьерный рост в области ядерной промышленности является важной целью для страны, имеющей атомную отрасль. Эта цель определяется в Повестке дня на период до 2030 г. и в одной из семнадцати Целей устойчивого развития, которые были приняты в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Развитие атомной энергетики и промышленности содействует как минимум 10 целям из 17. Так, цель номер пять гласит: обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек [ООН 2015].

Анализ докладов МАГАТЭ, документов «Росатома» показывает рост числа строящихся в мире реакторов, увеличение выработки электроэнергии. Важно, чтобы на предприятиях атомной отрасли был задействован устойчивый и квалифицированный персонал, который бы обеспечивал надежное и безопасное

функционирование атомных предприятий на ближайшие десятилетия. Одним из существенных аспектов поддержания устойчивой рабочей силы на атомных электростанциях является понимание роли женщин в этой отрасли.

Целью работы является исследование роли женщин-руководителей в атомной промышленности. В соответствии с выдвинутой целью, основными задачами данной работы являются: обзор литературы; анализ роли женщин, достигших высоких должностей в ведущих крупных организациях, в различных сферах современного общества; исследование роли и места женщин в научной, технической, инженерной и математической карьере; выявление особенностей карьерного роста женщин-руководителей, специалистов в атомной отрасли России на материалах первого проведенного в стране социологического исследования по проблемам гендерного равенства.

Обзор литературы

В последнее время появилось значительное число зарубежных научных работ, посвященных исследованиям проблем женщин на руководящих должностях в атомной энергетике [Kenney 2016; NEA 2021; Liou 2021; IAEA 2021]. Можно выделить группу исследований, связанных с гендерными различиями в восприятии ядерной энергетики [Rasmussen, Ewald, Sterner 2020; Sundström, McCright 2016]. Еще одна группа работ посвящена выявлению барьеров и проблем, с которыми сталкиваются женщины, работающие в ядерной отрасли [Штроаль 2021; Ryabukh 2021; Gaspar, Dubertrand 2019]. Имеется ряд исследований, авторы которых пытаются показать, каким образом разнообразие мышления обеспечивает гендерный баланс в ядерной отрасли [NSSG 2021; NSSG 2019; Stollard 2019]. Отдельные работы посвящены роли женщин в истории атомной отрасли [Emond, Fellow 2019]. Обзор литературы включает анализ работ, авторы которых исследуют роль и карьерный рост женщин, занятых в научной, технической, инженерной и математической областях (STEM) [STEM women 2021; UNESCO 2016]. Можно выделить блок работ, авторы которых анализируют роль женщин в атомной энергетике в отдельных странах [Yusuf 2021; Makino 2021; Jais, Hassan 2018]. Каждая из этих работ освещает важную часть проблем, связанных с гендерным фактором в атомной промышленности. Что же касается состояния научного анализа проблем женщин-специалистов в атомной энергетике в России, то его можно определить как фрагментарное. Поэтому приходится говорить лишь об отдельных направлениях научного поиска, в той или иной степени связанных с изучаемой предметной областью. Данное исследование представляет собой одну из первых попыток в отечественной социологии лучше понять, с какими вызовами сталкиваются женщины — лидеры атомной промышленности. Это исследование способствует накоплению знаний о женщинах, занимающих

руководящие должности в России в высокотехнологичной области ядерной промышленности, где традиционно доминируют мужчины.

Женщины на руководящих должностях

Рост доли женщин на руководящих должностях во всем мире за последние два десятилетия демонстрировал медленный прогресс, как отмечается в документах Международной организации труда (МОТ). С 2000 г. рост составил менее чем 3 %. К 2019 г., несмотря на то что женщины составляли почти 39 % мировой рабочей силы, они занимали лишь 28 % руководящих должностей, а в 2021 г. их доля составляла всего 27 % от всех руководящих должностей. Кроме того, данные, имеющиеся на 2021 г., еще не в полной мере отражают последствия пандемии. Прогнозы для определенного числа стран показывают, что гендерные различия в рабочей силе увеличились после вспышки пандемии. Таким образом, в глобальном масштабе гендерный разрыв в экономической сфере может быть на 1–4 % больше, чем предполагалось ранее [WEF 2021]. Все это говорит о том, что «стеклянный потолок» все еще очень высок и мужчины продолжают доминировать на должностях, связанных с принятием решений, таких как генеральный директор, старшие должностные лица и законодатели, занимая почти три четверти этих должностей [Karkee, Sodergren 2021].

Анализ документов основных международных организаций, включая ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ, МОТ, показывает, что эти учреждения оказывают поддержку директивным органам во всем мире в разработке, осуществлении, мониторинге и оценке политики гендерного равенства, рекомендаций, направленных на улучшение положения женщин, в том числе и в ядерной отрасли [UNESCO 2016]. В марте 2017 г. в России была утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг., которая определила основные направления государственной политики в отношении женщин. Стратегия нацелена на полное и фактическое участие женщины во всех областях общественной жизни без наложенного полом ограничения [Распоряжение 2017].

Проблема женщин в руководстве часто связана с существованием «стеклянного потолка», который характеризуется как барьер для достижения более высокого уровня руководства в организации, с которым сталкиваются женщины. «Стеклянный потолок» является важной концепцией в понимании продвижения женщин к лидерству. В некоторых отраслях и организациях «стеклянный потолок» трескается или даже ломается, и мы видим, как женщины продвигаются на руководящие должности. Однако это оглушительное падение «стеклянного потолка» пока что не является всеобщим. Такое положение дел приводит к вопросу в анкете: сталкивались ли Вы когда-нибудь со «стеклянным

потолком» как препятствием для Вашего продвижения на более высокие уровни во время Вашей карьеры в атомной промышленности?

С продвижением женщин на руководящие должности во многих отраслях промышленности необходимость понимания степени влияния гендерного фактора на лидерские навыки и поведение становится все более очевидной. Ожидается, что женщины, работающие в отраслях, где традиционно доминируют мужчины, будут вести себя так же, как и их коллеги-мужчины, и это ожидание становится более выраженным по мере того, как они достигают руководящих должностей. Поведение, традиционно связываемое с мужским лидерством, включает агрессивность, амбиции, конкурентоспособность, доминирование, уверенность в себе и индивидуализм. Поведение, традиционно связываемое с женственностью, включает в себя сострадание, привязанность, помощь, дружелюбие, сочувствие и заботу [Меренков 2001]. Были проведены исследования, которые подтверждают названные стереотипы в восприятии других людей при оценке лидерских способностей. Хотя не все работники обязательно будут демонстрировать данную перцептивную модель мужского и женского лидерства, но этот важный стереотип может повлиять на продвижение женщин на руководящие должности.

Анализ исследований, которые связаны с этими стереотипами, приводит к еще одному вопросу анкеты: сталкивались ли Вы с ситуациями, когда Вас недооценивали или мешали в Вашей карьере из-за стереотипов о Вашей способности руководить как женщины?

Недавние исследования показали, что женщинам могут препятствовать в их стремлении к лидерству наличие более высоких стандартов для женщин, внешняя дискриминация, меньший доступ к ресурсам для развития карьеры. В дополнение к наличию потенциальных дискриминационных факторов при отборе женщин на руководящие должности существует мнение, что мужчины более мотивированы на достижение руководящих должностей, чем женщины. Восприятие женщин и их властная мотивация могут быть фактором, определяющим отбор женщин на руководящие должности. Взявшись за дела, подчеркивает А. В. Меренков, требовавшие жесткости, целеустремленности, рациональности в поступках, умения подчинять других своей воле, такие женщины неосознанно стали приобретать те качества, которые уже давно сформировались у мужчин в борьбе с природой, в утверждении своей власти над людьми. «Слабый» пол, помимо своего желания, вступил на путь освоения мужского гендера [Меренков 2001].

Анализ данных тенденций приводит к еще одному вопросу анкеты: считаете ли Вы, что Вам пришлось приложить больше усилий, чем Вашим коллегам-мужчинам, чтобы двигаться по карьерной лестнице?

Отсутствие точных знаний об атомной промышленности у населения в целом может быть фактором, препятствующим привлечению талантливых

специалистов, как мужчин, так и женщин. Это учтено в вопросе анкеты: знали ли Вы о возможностях карьерного роста для женщин в атомной энергетике до того, как начали работать в этой отрасли?

Женщины в научной, технической, инженерной и математической карьере

Большинство рабочих мест на атомных предприятиях требует естественно-научного или инженерного образования, поэтому важно проанализировать научно-техническую карьеру женщин. В научных докладах ЮНЕСКО, документах МОТ, МАГАТЭ, Правительства России, в соответствии с целями ООН о гендерном равенстве, в последние годы уделяется все больше внимания исследованию роли женщин в научной, технической, инженерной и математической карьере (STEM).

Агентство по ядерной энергии (АЯЭ) при Организации экономического сотрудничества и развития 11–12 февраля 2021 г. провело встречу на высшем уровне, посвященную улучшению гендерного баланса в ядерной энергетике. Встреча началась в Международный день женщин и девочек в науке и собрала экспертов из 13 стран — членов АЯЭ, а также представителей МАГАТЭ и Европейской комиссии. В своем программном выступлении президент Канадской комиссии по ядерной безопасности Р. Велши подчеркнула настоятельную необходимость достижения значительного и устойчивого прогресса для улучшения гендерного равенства в ядерной сфере. «От нас — как от лидеров, как от лиц, принимающих решения, — зависит сделать все, что в наших силах, чтобы поощрить женщин к выбору профессии в ядерной отрасли и обеспечить, чтобы явные и неосознанные барьеры на пути к успеху были устранены раз и навсегда», — сказала она [NEA 2021]. Страны — члены АЯЭ выдвинули ряд инициатив по продвижению образования в области STEM, инициировали политику по обеспечению гендерного баланса. Страны — члены АЯЭ обсудили краткосрочные усилия по увеличению числа женщин в ядерном секторе, а также стратегии, которые могут быть применены на международном уровне.

В России 26 июня 2021 г. «Объединение женщин атомной отрасли» провело первую Международную открытую акцию «Женщины в STEM». Цель акции — вдохновлять и помогать девочкам и женщинам увидеть возможные карьерные траектории в высокотехнологичных отраслях, раскрыть свой потенциал и наметить вектор дальнейшего развития в технических областях, а также в области ядерной науки и технологий, ядерной и физической безопасности. Мероприятие стало уникальной дискуссионной площадкой для обсуждения роли и вклада женщин-специалистов в науку и технологический прогресс, мотивации девушек-студенток строить карьеру в науке и атомной энергетике, а также для проработки вопросов менторской поддержки молодого поколения

в STEM. На международной акции был проведен опрос, который показал, что стереотипы мешают женщинам-ученым поверить в возможности своего карьерного роста; женщина-ученый, помимо профессиональных компетенций, должна обладать в большинстве своем гибким мышлением и твердым характером; многие девушки пришли в науку и выбрали возможность развиваться в научно-технических областях по случайности либо воспитываясь в семье, вовлеченной в науку.

Профессии STEM составляют менее 20 % занятости во всех 69 странах, по которым были рассчитаны данные МОТ в 2020 г., варьируясь от практически отсутствующих в нескольких африканских странах до 15 % в США и Великобритании и 17 % в Австрии. Данные представляют собой экспериментальную серию, поскольку не существует международно согласованного определения профессий STEM, и включают профессии от разработчика программного обеспечения до медицинского ассистента [ILO 2020]. В сфере искусственного интеллекта (ИИ) ситуация, по данным Всемирного экономического форума, еще хуже. В компаниях, нанимающих экспертов в сфере ИИ и обработки данных, менее 1 % получаемых ими заявок поступают от женщин. У женщин и девочек в 4 раза меньше шансов иметь навыки программирования и в 13 раз меньше шансов зарегистрировать патенты на технологии. Кроме того, они реже занимают руководящие должности в технологических компаниях. В 2022 г. 85 % проектов в области ИИ будут давать ошибочные результаты из-за предвзятости в данных, алгоритмах или внутри команд, ответственных за управление ими, отмечается в основополагающем докладе ЮНЕСКО «Я бы покраснела, если бы могла», потому что голосовые помощники на базе ИИ, такие как Алекса и Сири, увековечивают опасные стереотипы о покорности и подчинении женщин [ЮНЕСКО 2021].

Результаты научных исследований показывают широкое гендерное неравенство в науке, хотя мужчины и женщины публикуют в год примерно одинаковое количество статей. За последние 60 лет активного участия женщин в науке гендерные различия в публикационной активности в областях, известных как STEM, только увеличились [Грибова 2020]. Масштабный анализ, проведенный учеными из Великобритании, США, Венгрии, опубликованный 28 сентября 2021 г., охвативший полмиллиона ученых, показал, что работы женщин-ученых цитируются реже, чем работы мужчин-ученых во всех областях исследований. Казалось бы, Интернет имеет решающее значение для устранения гендерного разрыва, однако анализ показывает, что женщины менее успешны, чем мужчины, в распространении своих исследований в Интернете. Авторы пришли к выводу, что научное влияние, социальный капитал и формирование гендерных связей в сетях связаны с онлайн-успехом мужчин в различных областях исследований, но не женщин — даже в областях с самым высоким представительством женщин. Эти всеобъемлющие эмпирические данные

свидетельствуют о том, что гендерный разрыв в распространении научных данных есть и в Интернете. Тот факт, что результаты исследований женщин не признаются наравне с исследованиями мужчин, ведет к различиям в уровне заработка, поддержки и продвижения по службе [Gender inequities 2021].

Ряд стран разработал политику, направленную на содействие гендерному равенству. Примерами являются Германия, где коалиционное соглашение 2013 г. ввело 30%-ную квоту для женщин в советах директоров компаний, Япония, где критерии отбора для большинства крупных университетских грантов теперь учитывают долю женщин среди преподавателей и исследователей, и Республика Конго, в которой в 2012 г. было создано Министерство по делам женщин и их интеграции в национальное развитие. В России в Плане мероприятий по реализации в 2019–2022 гг. Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. намечено проведение информационно-пропагандистских мероприятий, направленных: на привлечение женщин к изучению математических и естественных наук; привлечение женщин, получивших профессиональное образование в области математических и естественных наук, к работе в наукоемких профессиях и передовых технологических компаниях в рамках региональных ярмарок, специальных ярмарок вакансий; популяризацию женского предпринимательства и продвижение женских историй успеха [Распоряжение 2017].

В настоящее время в США действует множество программ, направленных на привлечение женщин в научную сферу или способствующих карьере женщин, которые уже работают в области естественных наук [Kenney 2016]. С 2018 г. ежегодно по всей Великобритании организация STEM Women England & Wales Careers Event проводит мероприятие для студентов и недавних выпускников-женщин, которые хотят начать свою карьеру в индустрии STEM. Эти мероприятия помогают участникам пообщаться с ведущими работодателями, подать заявки на должности и стажировки, услышать вдохновляющие выступления и презентации и принять участие в содержательной панельной сессии с женщинами, работающими в STEM [STEM women 2021].

Целью этих программ является информирование молодых девушек о возможностях карьеры в области естественных наук и математики. Эти программы предназначены для того, чтобы увлечь девочек математикой и естественными науками и побудить их пройти необходимые курсы по математике и естественным наукам, которые дадут им возможность продолжить научную карьеру в будущем. Особенно важно, чтобы девочки младшего возраста видели женщин, работающих в области естественных наук, поскольку было обнаружено, что девочки интерпретируют отсутствие женщины в научной карьере как признак того, что женщины не способны работать в научных областях.

Особую роль в преодолении гендерного разрыва в ядерной науке играют различные программы МАГАТЭ. В марте 2020 г. агентство запустило новую

программу стипендий для 100 аспирантов-женщин в год, чтобы помочь ликвидировать сохраняющийся гендерный разрыв в ядерной области. Названная в честь дважды лауреата Нобелевской премии Программа стипендий имени Марии Склодовской-Кюри направлена на увеличение числа женщин, работающих в ядерной науке и технике. Эта инициатива Генерального директора МАГАТЭ Р. Гросси была представлена на мероприятии Агентства в Вене, посвященном Международному женскому дню. «Женщины все еще далеки от того, чтобы быть адекватно представленными в ядерной области, и это неприемлемо», — сказал Р. Гросси. МАГАТЭ является мировым центром сотрудничества в ядерной области и зависит от стабильного резерва квалифицированных технических специалистов для выполнения своей миссии. Однако женщины составляют лишь 30 % сотрудников МАГАТЭ категории специалистов и выше. «Достижение гендерного паритета среди сотрудников категории специалистов в МАГАТЭ является одним из моих абсолютных главных приоритетов в качестве Генерального директора, — подчеркнул Р. Гросси. — Для меня это означает 50 % женщин и 50 % мужчин, и это цель, которую я поставил перед собой» [IAEA 2020]. В 2021 г. стипендии имени М. Склодовской-Кюри были предоставлены 100 студентам из 71 страны. Некоторые из женщин обучались по дисциплинам, в которых тон традиционно задавали мужчины: от проектирования и эксплуатации ядерных установок до ядерной медицины и радиационной защиты.

Для нашего исследования важно понять, обладали ли женщины-руководители в ядерной отрасли теми же возможностями и квалификацией, что и их коллеги-мужчины. Для этого в анкету был включен вопрос: обладаете ли Вы тем же уровнем технических навыков и квалификации, что и Ваши коллеги-мужчины?

Важно понимать, что гендер не является единственным фактором, влияющим на развитие человеческого потенциала. Женщины не просто отличаются от мужчин, они также отличаются друг от друга своими навыками, способностями, желаниями, образованием и целями. Люди рождаются в разных средах с разным уровнем благосостояния, они живут в различных сообществах и социальных условиях в течение своей жизни. Эти различия важны для понимания развития каждого отдельного человека; возможно, один из этих факторов оказывает сильное влияние на женщин, стремящихся к карьере в научных областях. Отсюда следует вопрос анкеты: можете ли Вы описать какой-либо опыт Вашего воспитания, который повлиял на Ваше решение продолжить техническую карьеру?

Ученые также обнаружили, что у девушек, которые рассматривают инженерию как вариант карьеры, часто есть член семьи или друг, который является инженером. Влияние члена семьи или друга может быть фактором, определяющим, почему женщины стремятся к карьере в инженерных и других технических

областях. В связи с этим в анкете задан вопрос: был ли у Вас член семьи или друг, работающий в технической области, который повлиял на Ваш интерес к этому типу карьеры? В ходе лонгитюдного исследования предпочтений студентов в отношении научной и инженерной карьеры было обнаружено, что студенты мужского пола более последовательно интересовались карьерой в области инженерии, чем студенты женского пола. Предпочтение инженерной работы является важным фактором в желании продолжить карьеру в такой области, как производство атомной энергии. По этому поводу вопрос анкеты гласит: всегда ли у Вас был интерес к продолжению технической карьеры?

Таким образом, обзор и анализ литературы, посвященный женщинам-руководителям, женщинам, занятым в научной, технической, инженерной и математической карьере, послужил основой формирования вопросов анкеты для женщин-специалистов, женщин, занимающих руководящие должности в атомной промышленности России.

Методология исследования

Исследование проводилось методом анкетирования в сентябре 2021 г. Было опрошено 19 женщин: специалистов, руководителей, работающих в атомной промышленности. Возрастной диапазон участников составлял 24–53 года. Женщины, участвующие в этом исследовании, представляют несколько уровней управления, включая: ведущего специалиста отдела МАГАТЭ, начальника бюро, начальника отдела, помощника руководителя, заместителя руководителя, главного специалиста группы управления проектами отраслевого интегратора, ведущего экономиста, главного специалиста-эксперта, руководителя направления, научного сотрудника, ведущего инженера. Протяженность времени, потраченного на карьеру в атомной отрасли, варьировалось для участников от 1 года до 18 лет. Участники сообщили, что занимали от 1 до 6 различных руководящих должностей в атомной промышленности. Географический охват исследования оказался достаточно широким. Представлены анкеты из следующих регионов России: из Москвы (10 чел.), Свердловской области (3), Тверской области (2), Новгородской, Ростовской, Калужской, Ленинградской областей (по 1). По возрасту респонденты распределились следующим образом: до 25 лет — 1 человек. 26–40 лет — 14 чел. 41–55 лет — 3 чел. Старше 56 лет — 1 человек. Таким образом, большинство опрошенных — 14 чел. — находятся в «активном профессиональном возрасте». Образование всех респондентов — высшее.

Анализ

Анализ полученных результатов показал, что для большинства женщин-руководителей в их компании наиболее типичен карьерный рост

в горизонтальном и вертикальном направлениях — так ответили 47 % респондентов (табл. 1). Для 42 % респондентов характерна горизонтальная карьера (смена рабочего места внутри уровня служебной иерархии) и для 11 % респондентов тип карьеры в основном в вертикальном направлении.

Таблица 1. Особенности карьеры женщин-руководителей
Table 1. Features of the career of women managers

Особенности	Доля, %
Карьерный рост одинаков в горизонтальном (внутри служебной иерархии) и вертикальном (продвижение «вверх»-«вниз») направлении	47
Женщина может достичь в компании руководящей позиции более чем через 10 лет	37
На быстроту продвижения женщин по служебной лестнице влияет — эффективность работы — личные связи, знакомства	47 32
При назначении на руководящие позиции учитывается половая принадлежность сотрудника — редко — часто	37 32
Женщинам наиболее затруднительно сделать успешную карьеру	74
Сталкивались со «стеклянным потолком» как препятствием продвижения на более высокие уровни во время карьеры в атомной отрасли	63
Сталкивались с ситуациями, когда недооценивали или препятствовали карьере из-за стереотипов в способностях женщины руководить	58
Женщинам пришлось прилагать больше усилий, чем их коллегам-мужчинам, чтобы продвигаться по карьерной лестнице	68
Женщины обладают тем же уровнем технических навыков и квалификации, что и их коллеги-мужчины	37
Поддерживало ли высшее руководство стремление карьерного роста женщины — да — нет	42 53
Всегда был интерес к продолжению технической карьеры	32
Был ли член семьи или друг, работающий в технической области, который повлиял на интерес к этому виду карьеры — да — нет	11 32

Среди респондентов 37 % опрошенных отметили, что женщина может достичь руководящей позиции в их компании более чем через 10 лет, 32 % — через 6–10 лет, и только 11 % полагают, что это возможно через 4–6 лет. На быстроту продвижения женщин по карьерной лестнице в компании влияет эффективность работы, упорный труд — так ответили 47 % респондентов.

Для 32 % опрошенных основную роль при продвижении женщин по карьерной лестнице играют личные связи, знакомства. Причем 37 % респондентов считают, что гендерный признак редко влияет при назначении на руководящие позиции в компании, а 32 % убеждены, что половая принадлежность сотрудника часто сказывается при продвижении женщин по карьерной лестнице, и только 11 % опрошенных считают, что нет гендерного влияния при назначении на руководящую должность. На достижение самого высшего уровня карьеры нацелены 16 % респондентов. На должность директора или главы департамента в компании претендует большинство опрошенных — 37 %, менеджера в компании — 21 %.

Респонденты отмечают наличие ряда ограничений, препятствующих профессиональному и карьерному росту женщин. Ограничения по степени значимости были распределены респондентами следующим образом. Прежде всего, работодатели рассматривают как помеху для карьеры семейные обязанности женщины, совмещение семьи и работы. Далее ограничением выступает специфика ядерной отрасли, а также предубеждения, стереотипы и неравные карьерные возможности в оценивании работы женщины. Недостаточно развитая система связей тоже, по мнению женщин-руководителей, является достаточно веским ограничением для карьерного и профессионального роста. Немаловажным ограничительным фактором для женщины является и отсутствие поддержки со стороны спутника жизни. Большинство респондентов — 74 % полагают, что женщинам более затруднительно сделать успешную карьеру, 26 % — не видят различий. Из числа опрошенных 63 % сталкивались со «стеклянным потолком» как препятствием для продвижения на более высокие уровни карьеры в атомной отрасли и 58 % сталкивались с ситуациями, когда их недооценивали или препятствовали карьере из-за негативных стереотипов о способностях женщинах руководить. Большинство (68 %) считает, что им как женщинам пришлось приложить больше усилий, чем коллегам-мужчинам, чтобы двигаться по карьерной лестнице. Хотя 37 % опрошенных отмечают, что они обладают тем же уровнем технических навыков и квалификации, что и коллеги-мужчины. Подавляющее большинство (79 %) не рассматривало вопрос о возможности карьерного роста до того, как начали работать в атомной отрасли, и 32 % не имели друзей или членов семьи, которые повлияли бы на интерес к этому виду карьеры. При продвижении по служебной лестнице 53 % женщин-руководителей не чувствовали поддержки высшего руководства, хотя достаточно заметная группа (42 %) ощущала поддержку со стороны высшего руководства компании.

Анализ ответов на вопрос относительно «квоты» (табл. 2), определяющей установленный сверху процент женщин — работников в организации, как рекомендуется в документах ООН, МАГАТЭ и практикуется в ряде стран, показал, что 63 % респондентов относятся положительно к квотам. Причем

32 % из них считают, что женщины будут более сконцентрированы на своей карьере, зная, что квота дает некую гарантию для хороших работников, а 26 % полагают, что «смешанные» команды имеют в итоге лучшие результаты, один кандидат не так важен, как важна группа, взаимодействие ее членов между собой. Только 5 % убеждены, что принудительно (с помощью законодательства) возможно изменить сложившуюся культуру «неравенства», патриархальную структуру. К квотам относятся отрицательно 37 % респондентов, из них 16 % полагают, что такой подход сосредоточивается на том, чтобы выполнить квоту, а не на способностях, образовании и других качествах кандидата, которого ищут для определенной должности, а 21 % респондентов считает, что квота уменьшает «ценность» женщины как работника, связывая ее карьерные успехи (и то, что ее наняли на должность) единственно с квотой. Причем ни один из респондентов не рассматривает квоты как своего рода дискриминацию.

Таблица 2. Отношение женщин-руководителей к квотам при приеме на работу или назначении на руководящие должности

Table 2. The ratio of female managers to quotas when hiring or appointing to senior positions

Отношение	Доля, %
Положительно; женщины будут более сконцентрированы на своей карьере, зная, что квота предоставляет достаточно мест для хороших работников	32
Положительно; «смешанные» команды имеют лучшие результаты в итоге, один кандидат не так важен, как важна группа, взаимодействие ее членов между собой	26
Положительно; только принудительно (с помощью законодательства) возможно изменить сложившуюся культуру «неравенства», патриархальную структуру	5
Отрицательно; будем сосредоточиваться на том, чтобы выполнить квоту, а не на способностях, образовании и других качествах кандидата, которого мы ищем для определенной должности	16
Отрицательно; квоты — это своего рода дискриминация	0
Отрицательно; это уменьшает «ценность» женщины как работника, связывая ее карьерные успехи (и то, что ее наняли на должность) единственно с квотой	21

Заключение

Анализ научной литературы и наше исследование показывают, что женщины преодолевают «стеклянный потолок» во многих отраслях промышленности в целом ряде стран мира. Одной из областей, где это происходит не очень быстро, является атомная промышленность, в которой традиционно доминируют мужчины. Гендерное неравенство в ядерной промышленности ярко выражено по сравнению с другими отраслями промышленности. В данном

исследовании приняло участие небольшое число женщин — руководителей, специалистов. Размер выборки был ограничен из-за незначительного числа женщин на руководящих должностях в атомной отрасли и определенных ограничений, связанных с секретностью отрасли. Основными выявленными проблемами при изучении опыта женщин в этой отрасли при проведении социологического исследования были: «стеклянный потолок», стереотипы, усилия, чтобы двигаться по карьерной лестнице, уровень технических навыков и квалификации, влияющих на карьеру, ограничения для карьерного и профессионального роста, отношение к «квотам», определяющим установленный сверху процент женщин — работников в организации, как рекомендуется в документах ООН, МАГАТЭ и практикуется в ряде стран. Ответы женщин отражают изменения в отрасли, направленные на то, чтобы сделать эту сферу более открытой и привлекательной для женщин.

Поскольку в настоящее время в отечественной литературе на эту тему имеется очень мало научных исследований, данный анализ является попыткой на пути к пониманию роли женщин в ядерной отрасли, в том числе и в руководстве атомной промышленностью. Рекомендуется в будущем провести исследования с участием большего числа женщин, занимающих и занимавших руководящие должности в атомной промышленности, глубинные интервью с ними для дальнейшего изучения этой темы. Особый интерес представляет изучение ориентации молодых женщин на получение профессий, востребованных в атомной промышленности, исследования жизненных планов женщин — выпускников «закрытых атомных» городов, в которых есть филиалы очень престижного в России высшего образовательного учреждения — Московского инженерно-физического института (НИЯУ МИФИ), являющегося базовым вузом ядерной отрасли.

Список литературы

- Грибова 2020 — Грибова М. Гендерное неравенство в науке сохраняется и даже усиливается, как показывают последние данные [Электронный ресурс] // Коммерсант. 10.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4283709> (дата обращения: 25.09.2021).
- Меренков 2001 — Меренков А. В. Социология стереотипов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 292 с.
- ООН 2015 — Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек [Электронный ресурс] // Цели в области устойчивого развития. Организация Объединенных Наций, 2015. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality> (дата обращения: 12.08.2021).
- Распоряжение 2017 — Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2019 года № 2943-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2019–2022 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р (с изм. на 25 августа 2021 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых

- и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564043538> (дата обращения: 29.08.2021).
- Штроаль 2021 — *Штроаль А.* «Стекло́нный потоло́к» больше не помеха: история женщины, которая вначале занималась радиационной наукой, а затем — физической ядерной безопасностью [Электронный ресурс] // IAEA: Международное агентство по атомной энергии : сайт. 21.04.2021. URL: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/steklyannyy-potolok-bolshe-ne-pomeha-istoriya-zhenshchiny-kotoraya-vnachale-zanimalas-radiacionnoy-naukoy-a-zatem-fizicheskoy-yadernoy-bezopasnostyu> (дата обращения: 08.09.2021).
- ЮНЕСКО 2021 — Проблема девушек: искоренение предрассудков в области ИИ [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО : сайт. 01.03.2021. URL: <https://ru.unesco.org/news/problema-devushek-iskorenenie-predrassudkov-v-oblasti-ii> (дата обращения: 01.11.2021).
- Emond, Fellow 2019 — *Emond R., Fellow S.* Women in Nuclear History: Bella Abzug [Electronic resource] // Center for Arms Control and Non-Proliferation. 08.03.2019. URL: <https://armscontrolcenter.org/women-in-nuclear-history-bella-abzug/> (access date: 23.09.2021).
- Gaspar, Dubertrand 2019 — *Gaspar M., Dubertrand M.* Toward Closing the Gender Gap in Nuclear Science [Electronic resource] // International Atomic Energy Agency. 11.02.2019. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/toward-closing-the-gender-gap-in-nuclear-science> (access date: 18.09.2021).
- Gender inequities 2021 — Gender inequities in the online dissemination of scholars' work [Electronic resource] / O. Vásárhelyi, I. Zakhlebin, S. Milojević et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. Vol. 118 (39). e2102945118. URL: <https://www.pnas.org/content/118/39/e2102945118> (access date: 24.10.2021).
- IAEA 2020 — IAEA Launches Marie Skłodowska-Curie Fellowship Programme to Push for More Women in Nuclear [Electronic resource] // International Atomic Energy Agency. 09.03.2020. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-launches-marie-skłodowska-curie-fellowship-programme-to-push-for-more-women-in-nuclear> (access date: 20.09.2021).
- IAEA 2021 — Journeys of IAEA Women Leaders [Electronic resource] // International Atomic Energy Agency. 09.03.2021. URL: <https://www.iaea.org/about/overview/gender-at-the-iaea/journey-of-iaea-women-leaders> (access date: 28.09.2021)
- ILO 2020 — How many women work in STEM? [Electronic resource] // International Labour Organisation. 11.02.2020. URL: <https://ilostat.ilo.org/how-many-women-work-in-stem/> (access date: 19.09.2021).
- Jais, Hassan 2018 — *Jais A. M., Hassan N.* The role of women in nuclear — attracting public participation in regulatory decision-making process [Electronic resource] // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2018. Vol. 298. 012051. DOI: 10.1088/1757-899x/298/1/012051.
- Karkee, Sodergren 2021 — *Karkee V., Sodergren M.-C.* How women are being left behind in the quest for decent work for all [Electronic resource] // International Labour Organisation. 29.03.2021. URL: <https://ilostat.ilo.org/how-women-are-being-left-behind-in-the-quest-for-decent-work-for-all> (access date: 29.08.2021).
- Karle 2021 — *Karle C.* Mind the Gap: IAEA Celebrates the Inauguration of the Regional Women in Nuclear Chapter in Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // International Atomic Energy Agency. 24.09.2021. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/mind-the-gap-iaea-celebrates-the-inauguration-of-the-regional-women-in-nuclear-chapter-in-latin-america-and-the-caribbean> (access date: 25.09.2021).
- Kenney 2016 — *Kenney T. R.* Women in Leadership in the Nuclear Power Industry [Electronic resource] // Emerging Leadership Journeys. 2016. Vol. 9. Iss. 1. P. 56–57. URL: <http://large.stanford.edu/courses/2018/ph241/green2/docs/kenney.pdf> (access date: 23.07.2021).
- Liou 2021 — *Liou J.* Institutional Support Critical in Achieving Gender Equality [Electronic resource] // International Atomic Energy Agency. 09.03.2021. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/institutional-support-critical-in-achieving-gender-equality> (access date: 10.08.2021).

- Makino 2021 — *Makino H.* Testimonies reveal discrimination, oppression of Fukushima women after nuclear crisis [Electronic resource] // Mainichi Japan. 10.03.2021. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20210310/p2a/00m/0na/030000c> (access date: 19.09.2021).
- NEA 2021 — Improving the gender balance in nuclear energy [Electronic resource] // Nuclear Energy Agency. 12.02.2021 URL: https://www.oecd-nea.org/jcms/pl_55751/improving-the-gender-balance-in-nuclear-energy (access date: 20.07.2021).
- NSSG 2019 — NSSG: Equality, Diversity and Inclusion (ED&I) in the Nuclear Sector. An ED&I Strategy [Electronic resource] // Nuclear Skills Strategy Group. 2019. URL: <https://www.nssguk.com/media/1757/edi-strategy-final.pdf> (access date: 19.10.2021).
- NSSG 2021 — Women in nuclear UK. Diversity [Electronic resource] // Nuclear Skills Strategy Group. 2021. URL: <https://www.nssguk.com/gender-commitment/diversity/> (access date: 02.11.2021).
- Rasmussen, Ewald, Sterner 2020 — *Rasmussen J., Ewald J., Sterner T.* Gender and life-stage dependent reactions to the risk of radioactive contamination: A survey experiment in Sweden // PLoS ONE. 2020. Vol. 15 (4). e0232259. DOI: 10.1371/journal.pone.0232259.
- Ryabykh 2021 — *Ryabykh A.* Women in the nuclear industry: a vector of development [Electronic resource] // Global Platform of the Eurasian Women’s Forum. 2021. URL: <https://eawf.ru/en/projects/proekty-soveta-evraziyskogo-zhenskogo-foruma/zhenshchiny-v-atomnoy-promyshlennosti-vektor-razvitiya/> (access date: 14.08.2021).
- STEM women 2021 — Join us at the STEM Women England & Wales Careers Event, sponsored by PwC [Electronic resource] // STEM women. 20.09.2021. URL: <https://www.stemwomen.co.uk/blog/2021/09/join-us-at-the-stem-women-england-and-wales-careers-event-sponsored-by-pwc> (access date: 29.09.2021).
- Stollard 2019 — *Stollard Z.* Expert says more diversity in the nuclear industry is needed [Electronic resource] // Open Access Government. 25.02.2019. URL: <https://www.openaccessgovernment.org/diversity-in-the-nuclear/59602/> (access date: 19.09.2021).
- Sundström, McCright 2016 — *Sundström A., McCright A. M.* Women and nuclear energy: Examining the gender divide in opposition to nuclear power among swedish citizens and politicians // Energy Research & Social Science. 2016. Vol. 11. P. 29–39. DOI: 10.1016/j.erss.2015.08.008.
- UNESCO 2016 — Measuring Gender Equality in Science and Engineering: the SAGA Science, Technology and Innovation STEM and Gender Advancement (SAGA) Gender Objectives List (STI GOL) [Electronic resource] : Working paper 1. The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2016. 10 p. URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/saga-sti-objectives-list-wp1-2016-en.pdf> (access date: 29.09.2021).
- WEF 2021 — Global Gender Gap Report 2021. Insight Report [Electronic resource]. Geneva : World Economic Forum, 2021. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (access date: 19.09.2021).
- Yusuf 2021 — *Yusuf O.* Beyond the Lab Coat: From Materials Science to Programme Management [Electronic resource] // International Atomic Energy Agency. 14.09.2021. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/beyond-the-lab-coat-from-materials-science-to-programme-management> (access date: 29.09.2021).

References

- Emond, R. and Fellow, S. (2019), “Women in Nuclear History: Bella Abzug”, *Center for Arms Control and Non-Proliferation*, 08 March, available at: <https://armscontrolcenter.org/women-in-nuclear-history-bella-abzug/> (accessed 23 September 2021).
- Gaspar, M. and Dubertrand, M. (2019), “Toward Closing the Gender Gap in Nuclear Science”, *International Atomic Energy Agency*, 11 February, available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/toward-closing-the-gender-gap-in-nuclear-science> (accessed 18 September 2021).

- Gribova, M. (2020), "Gender disparity in science persists and even widens, recent data show", *Kommersant*, 10 March, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4283709> (accessed 25 September 2021) (in Russian).
- International Atomic Energy Agency (2020), "IAEA Launches Marie Skłodowska-Curie Fellowship Programme to Push for More Women in Nuclear", *IAEA*, 09 March, available at: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-launches-marie-skłodowska-curie-fellowship-programme-to-push-for-more-women-in-nuclear> (accessed 20 September 2021).
- International Atomic Energy Agency (2021), "Journeys of IAEA Women Leader", *IAEA*, 09 March, available at: <https://www.iaea.org/about/overview/gender-at-the-iaea/journey-of-iaea-women-leaders> (accessed 28 September 2021).
- International Labour Organisation (2020), "How many women work in STEM", *ILO*, 11 February, available at: <https://ilostat.ilo.org/how-many-women-work-in-stem/> (accessed 19 September 2021).
- Jais, A. M. and Hassan, N. (2018), "The role of women in nuclear — attracting public participation in regulatory decision-making process", *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, vol. 298, 012051. DOI: 10.1088/1757-899x/298/1/012051.
- "Join us at the STEM Women England & Wales Careers Event, sponsored by PwC" (2021), *STEM women*, 20 September, available at: <https://www.stemwomen.co.uk/blog/2021/09/join-us-at-the-stem-women-england-and-wales-careers-event-sponsored-by-pwc> (accessed 29 September 2021).
- Karkee, V. and Sodergren, M.-C. (2021), "How women are being left behind in the quest for decent work for all", *International Labour Organisation*, 29 March, available at: <https://ilostat.ilo.org/how-women-are-being-left-behind-in-the-quest-for-decent-work-for-all> (accessed 29 August 2021).
- Karle, C. (2021), "Mind the Gap: IAEA Celebrates the Inauguration of the Regional Women in Nuclear Chapter in Latin America and the Caribbean", *International Atomic Energy Agency*, 24 September, available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/mind-the-gap-iaea-celebrates-the-inauguration-of-the-regional-women-in-nuclear-chapter-in-latin-america-and-the-caribbean> (accessed 25 September 2021).
- Kenney, T. R. (2016), "Women in Leadership in the Nuclear Power Industry", *Emerging Leadership Journeys*, vol. 9, iss. 1, pp. 56–57, available at: <http://large.stanford.edu/courses/2018/ph241/green2/docs/kenney.pdf> (accessed 23 July 2021).
- Liou, J. (2021), "Institutional Support Critical in Achieving Gender Equality", *International Atomic Energy Agency*, 09 March, available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/institutional-support-critical-in-achieving-gender-equality> (accessed 10 August 2021).
- Makino, H. (2021), "Testimonies reveal discrimination, oppression of Fukushima women after nuclear crisis", *Mainichi Japan*, 10 March, available at: <https://mainichi.jp/english/articles/20210310/p2a/00m/0na/030000c> (accessed 19 September 2021).
- Merenkov, A. V. (2001), *Sotsiologiya stereotipov* [Sociology of stereotypes], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, 292 p. (in Russian).
- Nuclear Energy Agency (2021), "Improving the gender balance in nuclear energy", *NEA*, 12 February, available at: https://www.oecd-nea.org/jcms/pl_55751/improving-the-gender-balance-in-nuclear-energy (accessed 20 July 2021).
- Nuclear Skills Strategy Group (2019), "NSSG: Equality, Diversity and Inclusion (ED&I) in the Nuclear Sector. An ED&I Strategy", *NSSG*, available at: <https://www.nssguk.com/media/1757/edi-strategy-final.pdf> (accessed 19 October 2021).
- Nuclear Skills Strategy Group (2021), "Women in nuclear UK. Diversity", *NSSG*, available at: <https://www.nssguk.com/gender-commitment/diversity/> (accessed 02 November 2021).
- Rasmussen, J., Ewald, J. and Sterner, T. (2020), "Gender and life-stage dependent reactions to the risk of radioactive contamination: A survey experiment in Sweden", *PLoS ONE*, vol. 15(4), e0232259. DOI: 10.1371/journal.pone.0232259.
- Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 7 dekabrya 2019 goda № 2943-r «Ob utverzhdenii plana meropriyatiy po realizatsii v 2019–2022 godakh Natsional'noi strategii deistvii v interesakh*

- zhenshchin na 2017–2022 gody», utverzhdenoi rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 8 marta 2017 № 410-r [Decree of the Government of the Russian Federation of December 7, 2019 No. 2943-r “On Approval of the Action Plan for the Implementation in 2019–2022 of the National Action Strategy for Women for 2017–2022”, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of March 8, 2017 No. 410-r (with changes as of August 25, 2021)], Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov, available at: <https://docs.cntd.ru/document/564043538> (accessed 29 August 2021) (in Russian).
- Ryabykh, A. (2018), “Women in the nuclear industry: a vector of development”, *Global Platform of the Eurasian Women's Forum*, available at: <https://eawf.ru/en/projects/proekty-soveta-evraziyskogo-zhenskogo-foruma/zhenshchiny-v-atomnoy-promyshlennosti-vektor-razvitiya> (accessed 14 August 2021).
- Shtroal', A. (2021), “ ‘Glass Ceiling’ no longer a hindrance: the story of a woman who first worked in radiation science and then in nuclear security”, *IAEA*, 21 April, available at: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/steklyannyi-potolok-bolshe-ne-pomeha-istoriya-zhenshchiny-kotorayavnachale-zanimalas-radiacionnoy-naukoy-a-zatem-fizicheskoy-yadernoy-bezopasnostyu> (accessed 08 September 2021) (in Russian).
- Stollard, Z. (2019), “Expert says more diversity in the nuclear industry is needed”, *Open Access Government*, 25 February, available at: <https://www.openaccessgovernment.org/diversity-in-the-nuclear/59602/> (accessed 19 September 2021).
- Sundström, A. and McCright, A. M. (2016), “Women and nuclear energy: Examining the gender divide in opposition to nuclear power among Swedish citizens and politicians”, *Energy Research & Social Science*, vol. 11, pp. 29–39. DOI: 10.1016/j.erss.2015.08.008.
- The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (2016), *Measuring Gender Equality in Science and Engineering: the SAGA Science, Technology and Innovation STEM and Gender Advancement (SAGA) Gender Objectives List (STI GOL), Working paper 1*, UNESCO, 10 p., available at: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/saga-sti-objectives-list-wp1-2016-en.pdf> (accessed 29 September 2021).
- The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (2021), “The problem of girls: eradicating prejudices in the field of AI”, *UNESCO*, available at: <https://ru.unesco.org/news/problema-devushek-iskorenenie-predrassudkov-v-oblasti-ii> (accessed 01 November 2021) (in Russian).
- United Nations (2015), “Goal 5: Achieve gender equality and empower all women and girls”, *United Nations. Sustainable Development Goals*, available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality> (accessed 12 August 2021) (in Russian).
- Vásárhelyi, O., Zakhlebin, I., Milojević, S. and Horvát, E.-A. (2021), “Gender inequities in the online dissemination of scholars’ work”, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 118 (39), e2102945118, available at: <https://www.pnas.org/content/118/39/e2102945118> (accessed 24 October 2021).
- World Economic Forum (2021), *Global Gender Gap Report 2021. Insight Report*, WEF, Geneva, available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (accessed 19 September 2021).
- Yusuf, O. (2021), “Beyond the Lab Coat: From Materials Science to Programme Management”, *International Atomic Energy Agency*, 14 September, available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/beyond-the-lab-coat-from-materials-science-to-programme-management> (accessed 29 September 2021).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 1.02.2022
Принята к публикации / Accepted: 10.02.2022

Информация об авторах

Дронишинец Николай Павлович
доктор философских наук, профессор
Новоуральский технологический институт
624130, Россия, Свердловская обл.,
Новоуральск, ул. Ленина, 85
E-mail: dronishinets1@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-1818-558X

Дронишинец Юлия Андреевна
студент
Дипломатическая академия МИД России
119021, Россия, Москва,
ул. Остоженка, 53/2, стр. 1
E-mail: Julia.dr01@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0002-3823-5038

Information about authors

Dronishinets, Nikolay Pavlovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Novouralsk Technological Institute
85 Lenin St., Novouralsk,
Sverdlovsk region, 624130 Russia
E-mail: dronishinets1@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0002-1818-558X

Dronishinets, Yulia Andreevna
Student
Diplomatic Academy of the Russian
Foreign Ministry
b. 1, 53/2 Ostozhenka St., Moscow,
119021 Russia
E-mail: Julia.dr01@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0002-3823-5038

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.047

УДК 303.62-053.81 + 316.334.52(574) + 329.78-053.81

МОТИВАТОРЫ УЧАСТИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Ж. А. Калиева

Западно-Казахстанский университет
Уральск, Казахстан

Аннотация: В статье по результатам социологического исследования активистов молодежных объединений методом анкетирования, проведенного в 2019 году (N = 350 человек по квотно-целевой выборке), выявлены основные мотивы участия в них. Мотивация трактуется как совокупность взаимосвязанных личных и социальных предпочтений молодежи, коррелирующих с ее перспективными ожиданиями. Она в значительной степени зависит от разновидности, социальной направленности объединений, возможностях, которые они предоставляют для саморазвития личности. Популярность молодежных объединений зависит от их влияния на социально-экономическое, социокультурное развитие региона, страны, возможностей предоставить условия для проявления творческих способностей человека в процессе взаимодействия с другими участниками. Основным фактором мотивации участия в деятельности различных объединений молодежи выступает личностная самореализация. Она обеспечивается тем, что совместная деятельность позволяет в полной мере проявить знания, умения, способности индивида, обеспечить духовное, физическое, интеллектуальное развитие нового поколения. Значимой мотивацией является развитие навыков коммуникации, расширение социальных связей со сверстниками, приобретение новых компетенций, позволяющих адаптироваться к новым требованиям быстро меняющегося мира.

© Калиева Ж. А., 2021

Ключевые слова: молодежь, молодежные объединения, мотивация, мотивация участия в молодежном объединении, активисты, Казахстан.

Для цитирования: Калиева Ж. А. Мотиваторы участия казахстанской молодежи в общественных объединениях // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 4. С. 183–194. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.047

MOTIVATORS OF PARTICIPATION OF KAZAKHSTANI YOUTH IN PUBLIC ASSOCIATIONS

Zh. A. Kaliyeva

West Kazakhstan University
Uralsk, Kazakhstan

Abstract. According to the results of a sociological study of activists of youth associations and using a questionnaire conducted in 2019 (N = 350 people according to the quota-target sample), the paper reveals the motives for youth participation in these organizations. The author interprets motivation as a combination of interrelated personal and social preferences of young people, correlated with their promising expectations. It depends, to a large extent, on the variety, social orientation of the association, the opportunities it provides for the self-development of the individual. The popularity of youth associations depends on their influence on the socio-economic, socio-cultural development of the region, country, and on their opportunities to provide conditions for the manifestation of a person's creative abilities in the process of interaction with other participants. The main motivation to participate in the activities of various youth associations is personal self-realization. It is ensured by the fact that joint activity allows a young person to fully demonstrate his knowledge, skills, and abilities. Such activity also ensures the spiritual, physical, intellectual development of the new generation. A significant motivation is the development of communication skills, the expansion of social ties with peers, the acquisition of new competencies that allow people to adapt to the new requirements of a rapidly changing world.

Keywords: youth, youth associations, motivation, motivation to participate in youth association, activists, Kazakhstan.

For citation: Kalieva, Zh. A. (2021), "Motivators of Participation of Kazakhstani Youth in Public Associations", *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 183–194 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.047

Введение

Молодежные объединения играют важную роль в развитии молодого поколения Казахстана, являясь индикаторами интериоризации общественных ценностей в молодежной среде. Одновременно они призваны функционировать на качественно новом уровне — прежде всего как форма добровольной самоорганизации молодежи как социального субъекта. Однако в реальности они нередко создаются и управляются представителями старших поколений.

Молодежные структуры охватывают широкий спектр интересов молодежи, что объясняет их разнообразие по целям, масштабам и особенностям идеологий. Это вызывает необходимость опираться на новые ориентиры самоидентификации, искать более эффективные формы институционального и неформального взаимодействия с государством, партиями, СМИ, коммерческими организациями. Однако на практике основной доминантой, определяющей их деятельность, выступает государство.

Лидеры и активисты этих объединений составляют важный ресурс для пополнения политической, административной, экономической и культурной элит. Вместе с тем наблюдается неоднозначное отношение молодежи к своим объединениям, что провоцирует упреки молодежи в ее пассивности, инертности. На деле невысокий уровень интереса к общественно-политическим объединениям компенсируется активным участием в иных сферах жизнедеятельности: в досуге, благотворительности, творчестве, волонтерстве, интернет-общении, а также активизмом в краткосрочных проектах одной проблемы. Это актуализирует исследовательский интерес к мотивам общественной активности молодежи.

В западной социологии проблеме мотивации общественной деятельности молодежи уделяется значительное внимание. Так, М. Хутин [Hutin 2012] на примере волонтерского движения отмечал в качестве основного мотиватора молодежи стремление улучшить порядок вещей и помочь другим. К. Донахью и Дж. Расселл [Donahue, Russell 2009] отмечали, что наиболее распространенными мотивами добровольчества молодежи были желание помочь, приобрести новых знакомых, добавить положительный пункт в своем резюме. Наряду с этим молодежь отмечала полезность развития коммуникативных способностей, умения работать в команде, социальных навыков. Сходные наблюдения фиксировали и другие исследователи молодежного волонтерства [Brewis, Russel, Holdsworth 2010]. При этом К. Холдсворф [Holdsworth 2010], К. Гаскин [Gaskin 2009], изучая мотивацию к волонтерству студентов, отмечали их стремление помочь окружающим, расширить круг знакомств.

Л. Хастинкс [Hustinx 2001] на примере международных трудовых лагерей опроверг идею о том, что развитие тенденции к индивидуализации выступает барьером добровольной активности молодежи. Он показал, что общественная

активность помогает молодежи стимулировать личностное развитие, уменьшить неуверенность в карьерном продвижении. Современные молодые волонтеры не преданы определенной добровольческой организации, избирательны к тому, чем занимаются, и ожидают получить личные выгоды. Однако такое «потребительское» отношение сочетается с искренним чувством единства, отождествлением себя с основными заповедями добровольчества, подлинной приверженностью своей работе.

А. Мюксель [Muxel 2001] в ходе анализа участия молодежи в общественно-политических организациях отмечала ее нацеленность на защиту прав граждан, отстаивание собственных интересов. Их больше привлекает деятельность, в которой личное участие может быть замечено и выражено в конкретном результате.

В России в целом ряде работ [Антонова 2015; Проблемы профессионального самоопределения 2011; Горшков, Шереги 2014; Грунт, Зайко 2016; Зубок 2015] анализируются механизмы социального продвижения молодежи в разных сферах и на различных этапах жизненного пути, рассматриваются проблемы неравенства, саморегуляции, идентификации, новые способы взаимодействий в условиях пандемии. Большой интерес представляют работы Е. Арсентьева [Арсентьев 2005], И. Трофимовой [Трофимова 2017], где анализируются молодежные объединения, декларируемые ими ценности, затрагиваются проблемы мотивации участия в них молодежи. Так, Ю. Зубок [Зубок, Чупров 2011, с. 318] выделила три группы молодежных мотиваторов активного участия в общественных объединениях — идейные (20,4 %), инструментальные (28,1 %), экспрессивные, не связанные с направленностью движений (11,3 %). П. Лебедев [Лебедев 2008] определил два основания типологии подобных мотивов. К первому он отнес оппозицию личное (индивидуальное) — коллективное (групповое). Ко второму — конкретно ситуативное — масштабно-долгосрочное. Это позволило ему выделить четыре типа мотиваций: идеологическую, эгоистическую, развлекательную и саморазвивающую.

Значительное внимание проблемам молодежных объединений уделяется в Казахстане, как в русле общественной жизни [Абдирайымова 2015; Кокушева 2015], так и в направлении их функционального предназначения в процессе социализации молодежи [Жусипкалиева 2014; Лаубертс, Келбетова 2017; Социальная активность 2014]. Однако приходится констатировать фрагментарный, мозаичный характер этих публикаций, преимущественно на уровне отдельных немногочисленных статей.

Исходя из этого, в 2019 году нами было проведено исследование активистов молодежных объединений Казахстана методом анкетирования. Опрошено 350 молодых участников молодежных объединений по целевой выборке. В опросе принимали участие городские молодые активисты — в возрасте от 14 до 30 лет: 46 % — юноши и 54 % — девушки. 50 % имели высшее образование,

16 % — незаконченное высшее, 4,7 % — среднее профессиональное образование, 22 % — среднее общее образование, 7,3 % — основное общее образование.

Результаты исследования

Для уточнения мотивационных характеристик в опросе были выделены 3 стимульные группы: мотиваторы участия в мероприятиях объединений, мотиваторы вступления в молодежное объединение и стимулы участия в разных видах деятельности объединений. Исследование показало, что основными мотиваторами активного участия в мероприятиях общественных объединений являются желание быть полезным людям, потребность развития организаторских способностей, стремление к достижению определенного идеала, возможность знакомства с новыми людьми, стремление повысить свой авторитет, лучше разобраться в происходящих в стране процессах, чувство гражданской ответственности, возможность самореализации (см. таблицу).

Мотиваторы участия молодых людей в мероприятиях молодежных общественных объединений (% по возрасту)¹

Motivators of the participation of young people in the events of the youth public associations (% by age)

Мотиваторы	Возраст респондентов			Итого
	14-19	20-24	25-29	
Желание быть полезным людям	54,5	35,6	36,1	41,3
Потребность развития организаторских способностей	36,4	37,8	42,6	39,3
Стремление к достижению идеала	34,1	40,0	41,0	38,7
Возможность знакомства с новыми людьми	36,4	42,2	29,5	35,3
Стремление повысить свой авторитет, статус	40,9	28,9	32,8	34,0
Потребность разобраться в общественных процессах	18,2	37,8	16,4	23,3
Чувство гражданской ответственности	29,5	15,6	23,0	22,7
Возможность самореализации	18,2	24,4	19,7	20,7

Интересно, что для подростков 14–19 лет важнее, чем для других возрастных категорий, было желание быть полезными людям, стремление повысить свой авторитет, статус, чувство гражданской ответственности. Для них, видимо, значимым фактором является самоутверждение в глазах окружающих, идентичность с определенным кругом единомышленников, связь с институционализированной коллективной общностью. Для молодежи 20–24 лет важнее других оказались стремление реализовать определенные идеалы, знакомство

¹ Респонденты давали более одного ответа на вопрос, поэтому сумма несводима к 100 %.

с новыми людьми, потребность разобраться в происходящих социальных процессах в стране, регионе, городе, реализовать себя в конкретных делах. Для молодежи 25–29 лет важнее других оказались: потребность развития организаторских способностей, стремление развить навыки лидерства для успешной профессиональной карьеры. Действуют как индивидуальные, так и социальные потребности молодежи, причем последние доминируют.

Анализ данных показал, что чувство гражданской ответственности больше всего мотивирует активистов спортивно-оздоровительных (25,7 %) и благотворительных (25,0 %) направлений деятельности молодежных организаций. В первом случае, видимо, проявляется ответственность за свои результаты занятий спортом, его популяризацию среди молодежи, утверждение здорового образа жизни. Также у участников этих объединений полнее выражено стремление к достижению идеала человека, спортсмена (45,7 % положительных ответов при средневыворочном — 38,7 %), желание быть полезным людям (45,7 % положительных ответов при средневыворочном — 41,3 %) и возможность знакомства с новыми людьми (40,0 % положительных ответов при средневыворочном — 35,3 %). Это свидетельствует о потребности саморазвития, получения общественного признания, расширения круга социальных связей.

Во втором случае молодые люди чувствуют свою ответственность перед теми, кому они помогают в трудных жизненных ситуациях. Это выражается в готовности сделать все возможное, чтобы принести пользу людям (70,0 % против 41,3 % в среднем по выборке), расширить круг общения, устанавливая контакты с новыми людьми (50,0 % положительных ответов при средневыворочном — 35,3 %), реализовать идеал человека, стремящегося к достижению социальной справедливости (40 %). Важную роль играют разделяемые в группе эмоции и чувства, возникающие в ответ на те или иные факты проявления несправедливости, формирующие желание совместными усилиями бороться с теми, кто проявляет эгоизм, безразличие к людям.

Стремление к достижению определенного идеала отметили участники религиозных (71,4 % положительных ответов при средневыворочном — 38,7 %), научно-образовательных (51,6 % положительных ответов при средневыворочном — 38,7%), экологических объединений. Это указывает на особую роль данных видов совместной деятельности молодежи в ее нравственном развитии, утверждение ориентации на активное участие в общественном развитии страны.

Желание разобраться в происходящих в обществе процессах наиболее полно выразили те, кто защищает природу, работает в профсоюзных организациях, занимается волонтерской деятельностью. На наш взгляд, это вызвано недостатком информации о политических, экономических процессах, происходящих в Казахстане, недоверием к официальным данным о результатах решения острых экологических проблем, создании условий для самореализации

молодежи в трудовой, досуговой деятельности. Молодые люди желают активно участвовать в общественной жизни города, региона, страны, реализуя знания, умения, творческие способности.

Эти потребности в первую очередь мотивируют общественную активность участников религиозных, экологических и творческих объединений, которым требуется не только самодисциплина, но и навыки успешного взаимодействия с социальным окружением, практики, способствующие привлечению материальных, людских ресурсов для достижения целей организации. Возможность знакомства с новыми людьми, расширения социальных связей особенно привлекает профсоюзных активистов, участников благотворительных и спортивно-оздоровительных объединений, где важной частью работы является привлечение спонсоров для успешной деятельности объединения и повышения индивидуальной конкурентоспособности при выстраивании своих жизненных профессиональных стратегий.

Желание быть полезным людям мобилизует больше всего волонтеров, активистов научно-образовательных объединений, профсоюзов. При этом полезность трактуется ими в зависимости от направленности деятельности молодежного объединения: как забота о депривированном населении, как популяризация здорового образа жизни, как эмпатия и духовное наставление, распространение новой научно обоснованной информации, профессиональная компетентность, помощь в получении социальных льгот и т. д.

Стремление повысить свой авторитет, статус отличает членов религиозных объединений и профсоюзов, а также участников научно-образовательных и досуговых структур. В первом случае важную роль играет престижность своей идентификации и интеграции с авторитетным институтом религии. Во втором — доступ к распределению профсоюзных благ и престижные управленческие практики, которые в дальнейшем могут помочь в успешном выстраивании карьеры. В третьем — престижность своей идентификации и интеграции с научным сообществом, приобретение ценимых в обществе профессиональных навыков, повышение своей конкурентоспособности.

Обращает на себя внимание тот факт, что активисты всех объединений говорят о том, что их общественная деятельность помогает решению проблем самореализации в конкретных видах деятельности. Чаще других на это указывают экологи, участники творческих, досуговых объединений, профсоюзов. Их активность направлена на более полное использование имеющихся знаний, умений в общественно-полезной деятельности, привлечение для этого ресурсов объединений, членами которых они являются.

Некоторые представители творческих объединений и профсоюзов отмечают, что их деятельность в объединении помогает решить проблему улучшения материального положения. Опрос показал, что около трети респондентов живут на уровне бедности с доходом не более 1–3 прожиточных минимумов,

что актуализирует для них проблему заработка. Она частично решается при участии в концертной деятельности, работе в профсоюзе. Участники религиозных и волонтерских объединений не отметили наличия у себя материальных интересов, подчеркивая свое бескорыстие. Это свидетельствует о важности для этой части молодежи проявления социальной солидарности, готовности к сотрудничеству с теми структурами, которые реализуют задачи помощи людям, нуждающимся в разных формах поддержки.

Исследование выявило основные стимулы, усиливающие мотивацию молодых людей активно участвовать в деятельности молодежных объединений. Одним из главных побудителей является знакомство с новыми людьми (44 %), получение прежде отсутствующих навыков и обретение нужного опыта (39,3 %), удовольствие от своих занятий (30 %), что связано с нацеленностью на приращение своего социального капитала и получение удовлетворения от самореализации. Также значимым стимулом является реализация своих проектов (27,3 %) благодаря привлечению ресурсов объединения. Кроме того, 23,3 % рассчитывают на получение признания.

20,7 % активистов к участию в деятельности молодежного объединения стимулировали советы знакомых. Это оказалось особенно важно для религиозных (42,9 %), досуговых (24,3 %) и экологических (23,1 %) организаций. Сильные социальные связи имеют большое значение для включения личности в работу той структуры, авторитет которой высок у сверстников, авторитетных для нее людей. Слабые связи способствуют проявлению социальной активности посредством распространения информации о деятельности организации, облегчая контакты между разными социальными группами молодежи.

Еще одним мотивом участия индивидов в работе молодежных объединений является желание заполнить свободное время интересным, нужным делом (20,7 %). Это оказалось значимым фактором для участников экологических (42,3 %), профсоюзных (29,6 %), научно-образовательных (29,0 %), религиозных (28,6 %) объединений. Однако свободное время выступает стимулом чаще всего в соединении с появившимся интересом к определенным занятиям и возможностью почувствовать свою полезность людям.

Для 16,7 % респондентов значимым мотивом стало наличие оригинальных идей, проектов, которые реализовать самостоятельно очень трудно. Нужна помощь со стороны структур, имеющих для этого материальные и финансовые ресурсы. В первую очередь это касается досуговых (19,6 %) и творческих (19 %) объединений. Они соединяют людей, имеющих общую приверженность определенному жанру, схожее образование, профессиональную подготовку, желание заниматься творчеством. Еще одним значимым мотиватором стало удовлетворение потребностей в лидерстве (10,67 %), особенно в экологических (15,4 %), творческих (14,3 %), профсоюзных (11,1 %) организациях. Видимо, в этих объединениях молодые люди обнаруживают больше возможностей для

самоутверждения, карьерного роста. Происходит соединение индивидуальных и общественных потребностей в деятельности молодежи, направленной на решение актуальных для всей страны проблем экономического, политического, культурного развития.

Заключение

Проведенное исследование выявило, что мотивация представляет собой совокупность взаимосвязанных личных и социальных предпочтений молодежи, коррелирующих с перспективными ожиданиями наращивания ресурсов как на пользу объединения, социального окружения, так и на решение собственных проблем человека. Она в значительной степени зависит от социальной направленности объединения, его целей, возможностей, которые предоставляются для самореализации и самоутверждения индивида. Привлекательность молодежных объединений зависит от социокультурного их содержания с включением эмоционально положительного контекста, помогающего личности, с одной стороны, продемонстрировать свои знания, умения, талант, с другой — почувствовать свое единение со сверстниками, имеющими схожие идеалы, потребности, интересы. Эти мотивы выступают как показатель саморазвития личности, востребованности и реализации гражданских прав, понимания возможностей активного участия в преобразовании жизни своего города, страны.

Самым значимым мотиватором участвовать в деятельности молодежных объединений является потребность в самореализации личности. Включаясь в их работу, человек активно занимается своим духовным, физическим, интеллектуальным развитием. Формируются навыки коммуникации, расширяются связи с разными людьми, обогащается жизненный опыт, позволяющий успешно решать личные проблемы.

Список литературы

- Абдирайымова 2015 — *Абдирайымова Г. С.* Социальное самочувствие молодежи: поиск проблемных зон [Электронный ресурс] // Вестник КАЗНУ. Серия психологии и социологии. 2015. Т. 54. № 3. С. 92–98. URL: <http://bulletin-psysoc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/161> (дата обращения: 06.08.2017).
- Антонова 2015 — *Антонова Н. Л.* Здоровьесберегающие практики подрастающего поколения // Социальное пространство современного города / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 78–100.
- Арсентьев 2005 — *Арсентьев Е. А.* Молодежные организации современной России // Преподавание истории в школе. 2005. № 7. С. 16–24.
- Горшков, Шереги 2014 — *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века : монография / отв. ред. М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова и др. М. : Новый хронограф, 2014. С. 384–404.

- Грунт, Зайко 2016 — Грунт Е. В., Зайко А. П. Типологический анализ социальной активности студентов колледжей в трансформирующейся России // Дискуссия. 2016. № 1 (64). С. 86–92.
- Жусипкалиева 2014 — Жусипкалиева Ш. С. Состояние и перспективы развития молодежного общественного движения в Республике Казахстан // Материалы II Форума молодых социологов Казахстана (в рамках V Конгресса социологов Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050: социальное развитие общества» и V Конгресса социологов тюркоязычных стран «Национальные стратегии развития тюркоязычных стран») / под ред. З. К. Шаукеновой, С. Т. Сеидуманова, Г. С. Абдирайымовой и др. Алматы, 2014. С. 453–459.
- Зубок 2015 — Зубок Ю. А. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения : материалы Всерос. науч. конф., 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН, Москва : в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. М. С. Киселевой. М. : Научная мысль, 2015. С. 173–189.
- Зубок, Чупров 2011 — Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 335 с.
- Кокушева 2015 — Кокушева А. А. Абсентеистические настроения в молодежной среде: причины политического отчуждения [Электронный ресурс] // Вестник КАЗНУ. Серия психологии и социологии. 2015. Т. 52. № 1. URL: <http://bulletin-psysoz.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/183> (дата обращения: 06.08.2017).
- Лаубертс, Келбетова 2017 — Лаубертс К. Ю., Келбетова Э. С. Развитие общественных объединений в Казахстане и их состояние в настоящее время // Повышение конкурентоспособности национальной экономики в рамках ЕАЭС : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 17 марта 2017, Уральск : в 3 ч. Ч. 3 / гл. ред. Р. С. Габдуалиева. Уральск : Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет, 2017. С. 233–238.
- Лебедев 2008 — Лебедев П. «Вместе веселее», или «Один в поле не воин» // Социальная реальность. 2008. № 5. С. 41–69 ; № 6. С. 64–71.
- Проблемы профессионального самоопределения 2011 — Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий : информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (2010–2011 гг.) / редкол.: Ю. Р. Вишнеvский, Я. В. Дидковская, М. В. Певная. Екатеринбург : УрФУ, 2011. 168 с.
- Социальная активность 2014 — Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях : колл. монография / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 168 с.
- Трофимова 2017 — Трофимова И. Н. Политические ориентации современной российской молодежи // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2017. С. 304–324.
- Brewis, Russel, Holdsworth 2010 — Brewis G., Russel J., Holdsworth K. Bursting the Bubble: Students, Volunteering and the Community. Research Summary [Electronic resource]. The Institute for Volunteering Research, 2010. 13 p. URL: <https://www.publicengagement.ac.uk/sites/default/files/NCCPE%20-%20Bursting%20the%20bubble.pdf> (access date: 06.08.2021).
- Donahue, Russell 2009 — Donahue K., Russell J. Provide Volunteer Impact Assessment. Final Report [Electronic resource]. The Institute for Volunteering Research, 2009. URL: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/PROVIDE+Volunteer+Impact+Assessment> (access date: 08.09.2021).
- Gaskin 2009 — Gaskin K. Young people volunteering and civic service: A review of literature [Electronic resource]. The Institute for Volunteering Research, 2009. URL: <http://www.ivr.org.uk/component/ivr/young-people-volunteeringand-civic-service-a-review-of-literature> (access date: 06.10.2021).
- Holdsworth 2010 — Holdsworth C. Student Volunteers: A national profile [Electronic resource]. The Institute for Volunteering Research, 2010. URL: http://www.hecsu.ac.uk/assets/assets/documents/futuretrack/Student_Volunteers_-_A_National_Profile.pdf (access date: 06.10.2021).

- Hustinx 2001 — Hustinx L. Individualization and new styles of youth volunteering: an empirical exploration // *Voluntary Action*. 2001. Vol. 3. No. 2. P. 57–76.
- Hutin 2012 — Hutin M. Young people help out: volunteering and giving among young people [Electronic resource]. The Institute for Volunteering Research, 2012. URL: <http://www.ivr.org.uk/evidencebank/evidence-pages/Young+people+help+out> (access date: 06.10.2021).
- Muxel 2001 — Muxel A. L'expérience politique des jeunes. Paris : Presses de Sciences Po, 2001. 189 p.

References

- Abdirayymova, G. S. (2015), “Social well-being of youth: searching for problem areas”, *The Journal of Psychology & Sociology*, vol. 54, no. 3, pp. 92–98, available at: <http://bulletin-psyloc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/161> (accessed 06 August 2017) (in Russian).
- Antonova, N. L. (2015), “Health-saving practices of the younger generation”, in Korableva, G. B. and Merenkov, A. V. (eds), *Sotsialnoye prostranstvo sovremennogo goroda* [Social space of the modern city], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, pp. 78–100 (in Russian).
- Arsent'ev, E. A. (2005), “Youth organizations of modern Russia”, *Prepodavanie istorii v shkole*, no. 7, pp. 16–24 (in Russian).
- Brewis, G., Russel, J. and Holdsworth, K. (2010), *Bursting the Bubble: Students, Volunteering and the Community. Research Summary*, The Institute for Volunteering Research, 13 p., available at: <https://www.publicengagement.ac.uk/sites/default/files/NCCPE%20-%20Bursting%20the%20bubble.pdf> (accessed 06 August 2021).
- Donahue, K. and Russell, J. (2009), *Provide Volunteer Impact Assessment. Final Report*, The Institute for Volunteering Research, available at: <http://www.ivr.org.uk/evidence-bank/evidence-pages/PROVIDE+Volunteer+Impact+Assessment> (accessed 08 September 2021).
- Gaskin, K. (2009), *Young people volunteering and civic service: A review of literature*, The Institute for Volunteering Research, available at: <http://www.ivr.org.uk/component/ivrr/young-people-volunteeringand-civic-service-a-review-of-literature> (accessed 06 October 2021).
- Gorshkov, M. K. and Sheregi, F. E. (2014), “On the life plans of Russian youth: present and future”, in Gorshkov, M. K., Li Chunlin, Golenkova, Z. T. and Kozyreva, P. M. (eds), *Rossiya i Kitai: molodezh' XXI veka* [Russia and China: youth of the XXI century], Novyi khronograf, Moscow, pp. 384–404 (in Russian).
- Grunt, E. V. and Zaiko, A. P. (2016), “Typological analyses of college students' social activities in the transforming society”, *Discussion*, no. 1 (64), pp. 86–92 (in Russian).
- Holdsworth, C. (2010), *Student Volunteers: A national profile*, The Institute for Volunteering Research, available at: http://www.hecsu.ac.uk/assets/assets/documents/futuretrack/Student_Volunteers_-_A_National_Profile.pdf (accessed 06 October 2021).
- Hustinx, L. (2001), “Individualization and new styles of youth volunteering: an empirical exploration”, *Voluntary Action*, vol. 3, no. 2, pp. 57–76.
- Hutin, M. (2012), *Young people help out: volunteering and giving among young people*, The Institute for Volunteering Research, available at: <http://www.ivr.org.uk/evidencebank/evidence-pages/Young+people+help+out> (accessed 06 October 2021).
- Kokusheva, A. A. (2015), “The absenteeism mood among young people: the causes of political alienation”, *The Journal of Psychology & Sociology*, vol. 52, no. 1, available at: <http://bulletin-psyloc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/183> (accessed 06 August 2017) (in Russian).
- Lauberts, K. Yu. and Kelbetova, E. S. (2017), “The development of public associations in Kazakhstan and their current state”, in Gabdualieva, R. S. (ed.), *Povyshenie konkurentosposobnosti natsional'noi ekonomiki v ramkakh EAES, materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17 marta 2017, Ural'sk, v 3 chastyakh. Chast' 3* [Enhancing the Competitiveness of National Economy with in EAEU, materials of the International conference, Uralsk, Kazakhstan, March 17, 2017, in 3 parts, Part 3], West Kazakhstan Innovation and Technology University, Uralsk, pp. 233–238 (in Russian).

- Lebedev, P. (2008), “ ‘It’s more fun when together’, or ‘No man is an island’ ”, *Sotsial’naya real’nost’*, no. 5, pp. 41–69, no. 6, pp. 64–71 (in Russian).
- Muxel, A. (2001), *L’expérience politique des jeunes*, Presses de Sciences Po, Paris, 189 p.
- Shaukenova, Z. K. (ed.) (2014), *Sotsial’naya aktivnost’ molodezhi Kazakhstana v sovremennykh sotsial’no-politicheskikh realiyakh* [Social activity of the youth of Kazakhstan in modern socio-political realities], Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, 168 p. (in Russian).
- Trofimova, I. N. (2017), “Political Orientations of Today’s Youth in Russia”, in Gorshkov, M. K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya, ezhegodnik. Vypusk 15* [Russia in reform, a yearbook. Iss. 15], *Novyi khronograf*, Moscow, pp. 304–324 (in Russian).
- Vishnevskii, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V. and Pevnaya, M. V. (eds) (2011), *Problemy professional’nogo samoopredeleniya molodezhi: analiz tsennostnykh orientatsii i professional’nykh strategii, informatsionno-analiticheskii otchet po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya (2010–2011)* [Problems of professional self-determination of young people: analysis of value orientations and professional strategies, information and analytical report based on the materials of a sociological study (2010–2011)], Ural Federal University, Yekaterinburg, 168 p. (in Russian).
- Zhusipkalieva, Sh. S. (2014), “Status and development prospects of the youth social movement in the Republic of Kazakhstan”, in Shaukenova, Z. K., Seidumanov, S. T., Abdiraimova, G. S., Dzhamanbalaeva, Sh. E., Abdikerova, G. O., Shedenova, N. U. et al. (eds), *Materialy II Foruma molodykh sotsiologov Kazakhstana (v ramkakh VKongressa sotsiologov Kazakhstana «Strategiya «Kazakhstan-2050: sotsial’noe razvitiye obshchestva» i VKongressa sotsiologov tyurkoyazychnykh stran «Natsional’nye strategii razvitiya tyurkoyazychnykh stran»)* [Materials of the II Forum of Young Sociologists of Kazakhstan (within the framework of the V Congress of Sociologists of Kazakhstan “Strategy “Kazakhstan-2050: Social Development of Society” and the V Congress of Sociologists of Turkic-Speaking Countries “National Development Strategies of Turkic-Speaking Countries”)], Almaty, pp. 453–459 (in Russian).
- Zubok, Yu. A. (2015), “Molodezh’ v izmenyayushcheysya sotsial’noi real’nosti: problema samoregulyatsii vybora”, in Kiseleva, M. S. (ed.), *Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya, materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 27–28 oktyabrya 2015, IF RAN, Moskva, v 3 tomakh. Tom 2* [Man facing a choice in the modern world: problems, opportunities, solutions, Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, IP RAS, October 27–28, 2015, in 3 vols, Vol. 2], *Nauchnaya mysl*, Moscow, pp. 173–189 (in Russian).
- Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2011), *Sotsiologiya molodezhi* [Sociology of youth, textbook], Norma, INFRA-M, Moscow, 335 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 30.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2021

Информация об авторе

Калиева Жадыра Абжамиевна
преподаватель кафедры
Западно-Казахстанский университет
090000, Казахстан, Уральск, пр. Достык-
Дружбы, 162
E-mail: Kaliyeva_87@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-4125-7684

Information about author

Kaliyeva, Zhadyra Abzhamiyevna
Lecturer in the Department
West Kazakhstan University
162 Dostyk-Friendship St., Uralsk, 090000
Kazakhstan
E-mail: Kaliyeva_87@mail.ru
Author’s ORCID: 0000-0002-4125-7684

DOI 10.15826/koinon.2021.02.4.048
УДК 37.015.4 + 371.314.6 + 378.1:37.01 + 159.9

ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ: ЦЕЛИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

О. Н. Брызгалова

Курганский государственный университет
Курган, Россия

Аннотация: В статье автор проводит теоретический анализ понятий «профессиональная подготовка» и «проектное обучение», а также обращается к рассмотрению проектного обучения как современной технологии в профессиональной подготовке студентов. На современном этапе профессиональной подготовки будущих специалистов активно внедряются новые технологии обучения. Одной из таких является проектное обучение. Оно существенно отличается от традиционных образовательных форм, имея как положительные характеристики, так и отрицательные. Отечественные исследователи, занимающиеся изучением проектного обучения, отмечают его перспективность и эффективность использования в системе профессиональной подготовки будущих специалистов. Главным достоинством проектного обучения является то, что оно обеспечивает включение студентов в решение конкретных проблем отдельных предприятий. Студенты с помощью преподавателей вуза, специалистов организации занимаются приобретением набора навыков профессиональной деятельности. Проектный подход в обучении позволяет студентам ознакомиться с особенностями будущей специальности, выполнять реальные задачи и приобретать профессиональные компетенции, необходимые для будущей профессиональной деятельности. Приведены результаты пилотажного социологического исследования, направленного на выявление основных проблем, возникающих при организации проектного обучения в вузе студентов разных направлений подготовки.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, проектное обучение, проектная деятельность, проект, студенты вузов, организация проектной работы студентов, проблемы перехода к проектному обучению.

Для цитирования: Брызгалова О. Н. Проектное обучение в системе профессиональной подготовки студентов: цели и проблемы реализации // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 195–212. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.048

PROJECT-BASED TRAINING IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS: GOALS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

O. N. Bryzgalova

Kurgan State University
Kurgan, Russia

Abstract: In this article, the author conducts a theoretical analysis of the concepts of “vocational training” and “project training”, and also addresses the consideration of project training as a modern technology in the professional training of students. At the present stage of professional training of future specialists, new technologies of professional training are being actively introduced. One of such effective technologies is project-based learning. This technology of training specialists differs significantly from traditional educational forms but it also has both positive and negative characteristics. Despite the existing negative aspects, domestic authors engaged in the study of project-based learning, note the prospects and effectiveness of the use of project-based learning in the system of vocational training. The effectiveness of the application of project training resides in the preparation of specialists for real professional activity. The project approach in teaching allows students to plunge into the practical sphere of their future specialty, perform practical tasks and gain real experience, form professional competencies and personal qualities necessary for further professional activity.

Keywords: professional training, project training, project activity, project, students.

For citation: Bryzgalova, O. N. (2021), “Project-Based Training in the System of Professional Training of Students: Goals and Problems of Implementation”, *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 195–212 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.048

Постановка проблемы

Изменения, происходящие в XXI веке в реальном секторе экономики и структуре рынка труда, являются основным фактором развития современного профессионального образования. Потребности рынка и экономики определяют критерии обучения будущих специалистов, а также необходимые для профессиональной деятельности личностные качества и компетенции.

Требования руководителей промышленных предприятий, организаций к молодым специалистам зависят от применяемых на них технологиях, имеющегося оборудования, планов модернизации, импортозамещения, разработки и внедрения нового, позволяющего обеспечить успех в конкурентной борьбе. Выпускник вуза должен сразу включиться в реализацию задач, стоящих перед

коллективом. Востребованность молодого специалиста на рынке труда стала определяться его готовностью к пониманию, принятию, быстрому освоению разнообразных инноваций в той сфере трудовой деятельности, где будет работать молодой специалист [Меренков, Шаврин 2015, с. 95]. В связи с этим к профессиональной подготовке студентов предъявляются все более высокие требования.

Рассмотрим имеющиеся трактовки понятия «профессиональная подготовка». Им обозначается «совокупность специальных знаний, умений и навыков, качеств, трудового опыта и норм поведения, обеспечивающих возможность успешной работы по определенной профессии» [Энциклопедия профессионального образования 1999]. Ключевым требованием выступает «успешность работы», которая достигается умением использовать необходимые знания и навыки для создания востребованного потребителями продукта.

Е. В. Безносюк под профессиональной подготовкой понимает «специально организованный планомерный, целенаправленный процесс обучения в образовательном учреждении человека систематизированным знаниям, умениям и навыкам, направленный на достижение результата обучения». Кроме того, автор отмечает, что понятие «подготовка» чаще всего используется в контексте конкретной профессии, приобретение которой она обеспечивает [Безносюк 2018, с. 20]. Такого же понимания данного понятия придерживается В. В. Краевский [Бережнова, Краевский 2007, с. 117].

Необходимо отметить, что в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 2012 года, в статье 2, профессиональная подготовка рассматривается в качестве результата профессионального образования как вида образования, «который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности». Схожую задачу решает «профессиональное обучение — вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий)» [ФЗ «Об образовании в РФ» 2012, ст. 2].

Отличие заключается в том, что профессиональное обучение направлено «на приобретение лицами различного возраста профессиональной компетенции, в том числе для работы с конкретным оборудованием, технологиями, аппаратно-программными и иными профессиональными средствами, получение указанными лицами квалификации по профессии рабочего, должности служащего и присвоение им (при наличии) квалификационных разрядов,

классов, категорий по профессии рабочего или должности служащего без изменения уровня образования» [ФЗ «Об образовании в РФ» 2012, ст. 2].

Исходя из вышесказанного, под профессиональной подготовкой мы будем понимать систематически организованный длительный процесс подготовки высококвалифицированных кадров и кадров среднего звена в высших учебных заведениях (институты, университеты, академии) и учреждениях среднего профессионального образования (колледжи и техникумы), направленный на формирование знаний, умений и навыков, а также совокупности профессиональных компетенций, позволяющих обеспечить достаточный уровень готовности к выполнению профессиональных задач и функций.

Традиционные формы профессиональной подготовки студентов

Весь процесс профессиональной подготовки в современном мире можно разделить на *традиционные* и *инновационные формы обучения*. Традиционной формой является лекционно-семинарская система обучения, которая возникла с появлением первых университетов. Она до сегодняшнего дня остается основной в высших учебных заведениях. Ее элементами являются лекции, семинары, практики для студентов старших курсов, коллоквиумы, лабораторные занятия и т. д.

По мнению Н. В. Дьяченко, лекционная форма преподавания обладает как рядом достоинств, так и недостатков. К достоинствам лекции относится удобный и необременительный способ передачи информации студентам, включающей сведения о достижениях разных групп исследователей; интересная, эмоциональная подача материала, стимулирующая мыслительную деятельность обучающихся, пробуждая интерес к дисциплине [Дьяченко 2019, с. 2]. Автором отмечаются и недостатки: субъективный выбор преподавателем содержания лекции; изложение материала в форме монолога, стремление утвердить свое понимание научной проблемы как то, которое нужно будет воспроизвести студентами на зачете, экзамене; отсутствие у них опыта выделения главного в лекции, что требуется зафиксировать в конспекте [Там же, с. 3].

Семинар является еще одной формой традиционного обучения, постоянно используемой при профессиональной подготовке будущих специалистов. От студентов требуется подготовиться к нему, прочитав и поняв содержание указанной преподавателем научной литературы. Семинар позволяет выявить уровень усвоения учебного материала, организовать дискуссию при рассмотрении разных позиций исследователей, обсудить варианты решения конкретных научных проблем. Студенты приобретают навык выступления перед аудиторией, учатся излагать свои доводы грамотно, логично, четко, формулировать и аргументировать свою позицию [Судакова 2016, с. 55].

Несмотря на преимущества семинарских и практических занятий, по нашему мнению, имеются также и недостатки данных форм работы со студентами. Нередко подготовка студентов к ним сводится не к анализу и синтезу знаний, полученных из монографий, а к составлению докладов на основе материалов, появляющихся по «первой ссылке» в поисковых системах браузера. Кроме того, часть студентов проявляет активность на семинарах, чтобы получить нужные баллы в БРС, а не глубже освоить научную литературу. Это ведет к тому, что многие студенты, обучаясь уже на старших курсах, не владеют необходимыми навыками самостоятельной работы с разной информацией, нацеленной на развитие критического мышления у студентов.

К традиционной форме организации профессиональной подготовки относятся разные виды практик студентов. Они проводятся на предприятиях, в учреждениях потенциальных работодателей в условиях реального производства. Согласно учебным планам и направлениям подготовки, значительная часть студентов начинает проходить разные виды практик только на старших курсах обучения.

Традиционная система профессионального образования делает акцент на усвоении студентами определенного объема теоретических знаний, умении работать с научной литературой, а не на ее использовании при решении конкретных проблем, возникающих на реальном производстве. Молодые специалисты сталкиваются с отсутствием опыта создания и внедрения проектов, обеспечивающих производство качественных товаров, услуг, ответственного отношения к результатам своей деятельности, критической их оценки. Не приобретают навыков сотрудничества со специалистами разных отделов, подразделений, планирования профессионального саморазвития.

Проектное обучение как метод повышения качества профессиональной подготовки: опыт внедрения

Современному работодателю нужен молодой специалист, не только обладающий глубокими теоретическими знаниями, получивший диплом престижного вуза. Востребованы люди, умеющие работать в команде, принимать эффективные решения и брать ответственность за их реализацию, мыслить инновационно и творчески.

Внедрение компетентностно-ориентированного подхода к профессиональной подготовке студентов потребовал перехода от традиционной «знаниевой» модели обучения к образованию, направленному на выработку у молодого специалиста способности оперативно осваивать новые машины и механизмы, появляющиеся на производстве, творчески подходить к разрешению нестандартных ситуаций, возникающих на работе [Пантелеева 2020, с. 325].

Ускорение темпов появления новых технологий и технических устройств, внедрение систем с искусственным интеллектом стали толчком к смене образовательной модели: от безличностной к личностно ориентированной, от однообразной к вариативной, от адаптивной к развивающей, от знаниевой к деятельностной, от традиционной к инновационной.

Мировая модернизация образовательного процесса показывает эффективность форм обучения, при которых основными становятся самостоятельные способы приобретения необходимых новых знаний и навыков. В эпоху информационных технологий возникают возможности их получения посредством просмотра видеуроков, онлайн-лекций, семинаров и пр. Традиционные образовательные формы организации профессиональной подготовки не обеспечивают в полной мере должный уровень сформированности у выпускников вузов компетенций, которые востребованы работодателями. Триада знания – умения – навыки пополняется новой дидактической единицей – «опыт практической деятельности». Он формируется при переходе к проектному обучению студентов, начиная с первого курса.

Е. А. Челнокова и С. Н. Казначеева отмечают, что «проектная деятельность содержит исследовательское и творческое начало. Проектную деятельность можно отнести к разряду инновационной, предусматривающей преобразование реальности, строящейся на основе соответствующих технологий, подвергаемой унификации, освоению и усовершенствованию. Преимущество данного метода заключается в выработке умения взаимодействовать с различными людьми, в приобретении навыков стрессоустойчивости, в формировании лидерских качеств, пунктуальности, организованности, терпимости» [Челнокова, Казначеева, Калинин 2019, с. 374].

Метод проектов разработал американский педагог У. Килпатрик в 20-х гг. XX века, используя его при решении конкретных проблем (problem solving), возникающих в учебном процессе [Килпатрик 1925]. Основоположником «прагматической педагогики» Дж. Дьюи и его последователями Е. Пархерстом и У. Килпатриком было высказано мнение о возможности считать проектом любую деятельность, которая решает какую-либо проблему, способствуя развитию интеллектуального интереса, и выполнена «от всего сердца» конкретной задачей группой обучающихся самостоятельно на основе общего интереса [Дьюи 1924].

В. В. Симоненко трактует проектную деятельность как соединение исследовательской и практической работы, результатом которых может быть продукт, имеющий субъективную (возможно, объективную) новизну [Симоненко, Пастернак, Лернер 1996]. В этом заключается ценность данного способа выявления и развития творческих навыков студентов.

В системе профессиональной подготовки проектное обучение в последнее время стало активно внедряться в высших учебных заведениях Российской

Федерации. В сентябре 2017 года Минобрнауки представило модель реализации проектно ориентированных программ, предполагающих командное выполнение студентами конкретных проектов. Приоритетным проектом «Вузы как центры пространства создания инноваций» предусмотрено, что к 1 декабря 2025 года все образовательные программы инженерного, социально-экономического и отдельные программы естественно-научного и гуманитарного профилей должны содержать практико-ориентированные компоненты, предполагающие командное выполнение проектов полного жизненного цикла.

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту» определяет «проект как уникальный набор процессов. Процессы состоят из координируемых и контролируемых работ с датами начала и окончания, которые выполняются для достижения целей проекта. Достижение целей проекта требует получения определенных результатов, отвечающих конкретным требованиям. При реализации проекта может действовать множество ограничений» [ГОСТ Р ИСО 21500-2014, с. 4].

В современной литературе по управлению проектами выделяются два основных подхода к определению проекта: системный и деятельностный [Боронина, Сенук 2015, с. 10]. Первый определяет его как систему временных действий, направленных на достижение неповторимого конкретного результата. Второй подход трактует проект как деятельность субъекта по переводу объекта из наличного состояния в состояние желаемого будущего, которое наиболее полно отвечает определенным требованиям. Проект является результатом творческой, разумной, целеполагающей деятельности субъекта [Там же].

Проекты в зависимости от видов, целей, задач и ожидаемых результатов могут отличаться [ГОСТ Р ИСО 21500-2014, с. 4]:

1) уровнем новизны результатов. В ходе разработки и реализации проекта всегда создается нечто новое, изменения могут быть как глобальными, так и небольшими. Объектами проектирования могут быть: объекты материальной природы, когда в результате реализации проекта появляется новый объект, вещь, предмет; новые свойства и функции старой вещи; нематериальные (невещные) свойства и отношения (есть проекты, которые направлены не на достижение материального результата, а на получение информации о клиентах, изменение нашего отношения к той или иной проблеме), такие как рекламные кампании, процессы, услуги, мероприятия, законопроекты и т. д.;

2) составом влияющих на проект заинтересованных лиц: руководитель проекта, который обеспечивает общее руководство, управление работами по его выполнению, отвечает за получение планируемых результатов; проектная команда, которая выполняет его создание; спонсоры; социальные партнеры проекта; привлеченные специалисты; поставщики; заказчики или их представители и т. д.;

3) имеющимися ресурсами. К ним относится совокупность всех средств, методов, материалов, возможностей и способностей, которые могут быть использованы в разработке проекта. Выделяются следующие виды ресурсов: интеллектуальные, материальные, финансовые, организационные, технологические, информационные, управленческие и т. д.;

4) существующими ограничениями и рисками и т. д. Реализация проектов любого вида предполагает наличие рисков и ограничений (слабых сторон проекта). Под рисками понимается возможность возникновения в ходе реализации проекта неблагоприятных ситуаций и последствий, связанных с нанесением ущерба. Если слабые стороны проекта можно проанализировать и предугадать, то предусмотреть риски зачастую невозможно в силу возникновения случайных обстоятельств непреодолимой силы.

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что проектная деятельность является сложным процессом с определенной структурой, итогом которого становится готовый продукт. Несмотря на трудности внедрения данной технологии профессиональной подготовки студентов, проектное обучение позволяет повысить качество обучения специалистов, востребованных работодателями.

Исследователи отмечают, что «обучение студентов проектной деятельности выполняет ряд существенных функций их профессионального развития. Прежде всего проектная деятельность создает специальные условия для развития молодого человека как специалиста. Проектная деятельность способствует развитию коммуникативных навыков молодежи, работе в команде, управленческих и организационных компетенций, исследовательских навыков, принятию самостоятельных решений и приобретению знаний для выполнения поставленных задач. Проектирование является тем механизмом, который позволяет создать условия для развития и реализации субъектного потенциала молодежи, личностного становления молодых людей для формирования у них инициативности, гражданской позиции, их полноценной самореализации в социальном творчестве [Обучение молодежи 2020, с. 81].

Внедрение проектного обучения в вузах должно привести к следующим результатам:

1) получению студентами опыта создания готового продукта совместной деятельности с преподавателями вуза, представителями того предприятия, для которого он разрабатывается. Можно непосредственно ощутить пользу полученных знаний, умений;

2) приобретению обучающимися профессиональных компетенций, коммуникативных навыков, умения работать в команде, брать на себя ответственность за реализацию проектов. Разработка проекта является трудоемким процессом, состоящим из нескольких циклов: планирования конечного результата, получения знаний, навыков создания нового продукта, его изготовления, проверки

соответствия определенным техническим и иным требованиям. При разработке проекта формируются навыки поиска оптимальных решений возникающих проблем, подчинение дисциплине совместной деятельности, умение представить ценность полученного продукта;

3) подготовке готовых специалистов для организации, со специалистами которой разрабатывается проект. Повышается значимость постоянного сотрудничества предприятий и организаций с вузами;

4) приобретению деловых связей и опыта общения с партнерами вуза (выступающими заказчиками проектов).

Технология организации проектного обучения пришла в систему российского образования из зарубежных стран, где оно все шире применяется в работе разных вузов. Студенческие проекты создаются в течение всего периода обучения. При этом нарастание их доли в образовательном процессе идет от курса к курсу, постепенно, с 25 % учебного времени до 75 %. В начале очередного семестра читаются общеобразовательные и специальные дисциплины, позволяющие подготовить обучающихся к участию в создании проектов, организуются вводные семинары, тренинги, на которых учат эффективной организации совместной деятельности. Для четкой организации проектной работы за каждой группой закрепляется преподаватель, который консультирует студентов, направляя их деятельность [Капранова 2014, с. 3].

Как отмечают Е. П. Тетюкова и Т. А. Белых, проектная деятельность в процессе обучения приближает процесс подготовки специалистов к реальной профессиональной деятельности, предоставляет возможности взаимообучения студентов и освоения ими программы курсов в индивидуальном темпе, а в случае продуманной организации работы над проектом — наличия постоянного контроля и объективной оценки независимыми экспертами конечного проектного продукта, создаваемого студентом. Усиливается мотивация на применение теоретических знаний в практической работе при создании очередного проекта, что способствует развитию профессиональных компетенций студентов [Тетюкова, Белых 2019, с. 352].

Проблемы организации проектного обучения

Внедрение новых форм осуществления образовательного процесса всегда сталкивается с определенными трудностями. При переходе к проектному обучению они вызваны необходимостью объединить трех субъектов образовательной деятельности — представителей работодателей, преподавателей, студентов — в одну команду, решающую общую задачу приобретения будущими специалистами навыков создания инноваций разного уровня значимости. Возникают разные проблемы, требующие своего выявления в процессе социологического исследования. С этой целью нами в 2021 году был проведен

в Уральском федеральном университете (УрФУ) и Курганском государственном университете (КГУ) методом глубинного интервью опрос 14 преподавателей, занимающихся организацией проектного обучения, 10 студентов, получивших первый опыт включения в новый вид образовательной деятельности.

Проектное обучение в УрФУ внедряется три года с целью повышения привлекательности образовательных программ вуза и обеспечения высокой конкурентоспособности выпускников на глобальном рынке труда. Перед ним поставлены следующие задачи:

- реализация практико-ориентированной профессиональной подготовки на основе активизации деятельностного подхода при формировании у студентов универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций;
- повышение мотивированности и вовлеченности студентов в процесс освоения необходимых для специалиста знаний, умений, навыков;
- выявление талантливых студентов, способных осваивать образовательную программу высшего образования более быстро и углубленно, заниматься творческой деятельностью при решении нестандартных задач;
- вовлечение работодателей, профессиональных и локальных сообществ в образовательный процесс, интеграцию образования и промышленности, привлечение новых компетенций и ресурсов из реального сектора экономики [Приказ УрФУ 2019].

Более 20 образовательных программ в разных институтах УрФУ реализуются с применением проектного обучения. Оно осуществляется в кооперации с такими организациями, как УрО РАН, Сбербанк, НПО автоматики, Naumen, УЦСБ, Ассоциация коммуникационных агентств России и др. Несмотря на существующий в УрФУ успешный опыт ведения проектного обучения студентов отдельных специальностей, распространение этой практики на весь университет является сложной задачей. Трудности вызваны разной степенью связи кафедр с организациями, которые могут быть заинтересованы в привлечении студентов для разработки нужных для них проектов, готовности на постоянной основе сотрудничать с вузом при реализации программ инновационного развития предприятия. От преподавателей требуется умение организовать взаимодействие студентов внутри группы, занимающейся разработкой конкретного проекта, обучить навыкам приобретения теоретических знаний, необходимых для создания продукта коллективного творчества [Тетюкова, Белых 2019, с. 356].

В ходе исследования преподаватель Уральского энергетического института УрФУ привел пример успешного решения этих проблем. «Переход к проектному обучению не вызвал больших трудностей, так как имелся многолетний опыт организации практик на предприятиях нашего профиля. Партнеры откликнулись на предложение попробовать привлечь студентов первого, второго курсов к созданию нужных конкретному предприятию устройств.

Преподаватель формирует группу из 3–7 студентов, организация дает специалиста, который определяет цель проекта, этапы его выполнения, требования, предъявляемые к конечному продукту. Студенты включаются в поиск информации о примерах создания схожего изделия. Обсуждаются возможности его усовершенствования. Все предложения рассматриваются с участием специалистов предприятия, преподавателями кафедры. Завершается разработка проекта его защитой, во время которой отмечается вклад каждого студента в его создание» (руководитель проектной группы).

Следует отметить важное условие использования проектного обучения при подготовке студентов разных специальностей. Необходимо наличие постоянных связей кафедры с потенциальными и реальными работодателями. Факультеты, готовящие специалистов по гуманитарным направлениям подготовки, фактически не имеют организаций, которые ежегодно берут на работу молодых специалистов. С проблемой их трудоустройства по профессии сталкиваются философы, политологи, историки, филологи, искусствоведы, социологи и т. д. Многие выпускники, получившие соответствующие профессии, вынуждены работать по смежным с нею или вообще не по профессии [Меренков 2021, с. 28].

Преподаватель кафедры политологии департамента политологии и социологии отметила, что «наибольшие трудности возникают при поиске заказчика проекта. Ими могли бы стать региональные представительства партий, входящих в Законодательное собрание Свердловской области, администрация города, общественные организации. Однако инициативу по разработке проектов решения конкретных социальных проблем они не проявляют. Когда к ним обращаешься с предложением провести исследование общественного мнения по вопросам развития, например, политической культуры горожан, улучшения воспитания учащихся школ и т. п., то получить согласие трудно. Нередко ссылаются на то, что у них нет специалистов, которые будут помогать студентам при проведении исследования, времени для работы с теми структурами, которых предоставляют возможности для сбора нужной информации» (руководитель проектной группы).

Существует несколько причин, препятствующих получению вузом заказа на инновационные разработки, создаваемые студентами и преподавателями. Многие организации, особенно частные, во-первых, считают, что они самостоятельно, без обращения к науке способны решить все проблемы, возникающие у них при создании и внедрении новаций. Сохраняется, на наш взгляд, скрытый страх перед исследователями, которые могут обнаружить существенные недочеты в работе руководства, указать на недостаточную квалификацию отдельных сотрудников. Во-вторых, не все организации имеют программы развития на ближайшие два-три года, требующие создания проектов, позволяющих повысить качество работы, внести новое в деятельность каждого сотрудника. В-третьих, привлечение студентов, преподавателей вуза

к разработке конкретных проектов требует выделения специалиста, который будет постоянно взаимодействовать с ними. Для сотрудника это будет дополнительной работой, которая должна оплачиваться. Из каких средств? Вуз их не дает, откуда взять?

В интервью с организаторами проектного обучения в Институте радиоэлектроники и информационных технологий УрФУ была отмечена проблема финансового обеспечения работы специалистов, помогающих студентам создать проект. «Преподаватели включают эту работу в свою учебную нагрузку. Возникают вопросы компенсации временных затрат и усилий специалистов организации, которые знакомят студентов с задачей, которую надо решить, консультируют их на разных этапах ее осуществления. Мы пытаемся с теми, кто согласен включиться в проектное обучение студентов, договориться о возможных формах оплаты труда их специалистов. Есть несколько вариантов. Ищем приемлемый в современных условиях» (руководитель образовательной программы).

Опрос студентов, получивших первый опыт занятия творческой деятельностью, показал, что большинство положительно оценивает свое участие в создании проекта. «Наша группа занималась проектом благоустройства одного из парков города. Нужно было выяснить мнение местных жителей, его посетителей о том, что следует сделать для того, чтобы взрослые и дети могли в нем с удовольствием отдыхать, заниматься спортом. Коллективно составляли вопросы для анкеты, преподаватель помог ее улучшить. Ходили в выходные дни опрашивать посетителей парка. Спорили при обсуждении вариантов возможного его благоустройства. Заказчик, кажется, остался доволен, хотя не оказывал нам реальной помощи» (студент-социолог).

В процессе исследования выявилась проблема разной степени участия студентов проектной группы в поиске вариантов создания требуемого продукта. Выявились как те, кто проявил активность на всех этапах работы, так и те, кто участвовал только в выполнении некоторых заданий. «Наша проектная группа была создана из пяти человек, проявивших интерес к тому, чем нам было предложено заняться. Возможностей, способностей друг друга мы не знали. Выбрали руководителя. Он раз в два-три дня тормозил, требовал отчета о том, кто и что сделал. Два человека из группы полностью выполнили то, что от них требовалось, и больше, трое лишь частично. Вклад в разработку проекта оказался разный. Такая же ситуация была и у других. Два человека из нашей студенческой группы, столкнувшись с тем, чем им придется заниматься после окончания учебы, перешли на другую специальность» (студент 2-го курса — социальная работа).

С одной стороны, важным преимуществом проектного обучения является то, что оно позволяет выявить склонности отдельных студентов к той профессии, которую они получают. Они демонстрируют творческий подход в работе,

наличие организаторских способностей, желание реализовать себя в новом деле. С другой стороны, часть обучающихся начинает осознавать, что приобретаемая специальность им не подходит. Надо либо вовремя сменить направление профессиональной подготовки, либо продолжать учебу ради диплома о высшем образовании. Проектное обучение требует активного использования методов индивидуальной работы, позволяющей раскрыть способности каждого студента к выполнению тех элементов профессиональной деятельности, которые в большей степени соответствуют его возможностям.

В отличие от УрФУ внедрение проектного обучения в Курганском государственном университете (КГУ) пока только начинается. В настоящее время обсуждаются варианты его организации на разных факультетах, кафедрах. Несмотря на отсутствие в вузе локальных документов, регламентирующих этот процесс, в рамках подготовки по некоторым направлениям институты и преподаватели внедряют технологию проектного обучения. Проекты разрабатываются на основе получения заказа команде, состоящей из студентов разных курсов, а зачастую и разных направлений подготовки.

Уже два года работает в вузе проектная школа «Делаем будущее вместе». Она создана Агентством социальных инвестиций и инноваций в партнерстве с Балтийским федеральным университетом имени И. Канта, Сибирским университетом потребительской кооперации, Курганским государственным университетом, Бурятским государственным университетом, Кампусом Высшей школы экономики в Перми. Целью является формирование условий для приобретения студентами навыков проектной деятельности по тематике национальных проектов.

В марте 2021 года студенты представили свои проекты для отбора на стажировку в Москву, где они получили знания и навыки, необходимые для их реализации в Курганской области. Темы проектов, которые были отобраны комиссией, направлены на развитие предпринимательства среди студентов, организацию служб сопровождения профессионального самоопределения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, создание лаборатории интеллектуальных видов спорта «Дипломатия» и другие [В КГУ объявлены победители 2021].

Директор Гуманитарного института КГУ Д. Н. Маслюженко отмечает, что «проектное обучение уже дает положительные результаты, в частности у студентов, получающих педагогическую подготовку. Создается группа из 5–7 студентов 2–3 курсов. Они берут на себя обязанность выполнить проект, заказываемый образовательным учреждением. Им помогает учитель, ведущий определенный предмет в школе, а также преподаватель соответствующей кафедры. Однако пока заказов от потенциальных работодателей поступает мало».

Однако, по мнению доцента кафедры «История и документоведение» К. А. Фомичева, «педагогов нужно в первую очередь учить методикам

организации проектного обучения школьников, так как формирование у них навыков проектирования является одним из важных направлений повышения качества обучения современных учащихся».

Заведующая кафедрой социологии, социальной работы и организации работы с молодежью Е. В. Лунева внедряет проектное обучение в рамках дисциплины «Организация научно-исследовательской деятельности студентов»: «Учим создавать проекты по организации и проведению научных мероприятий среди студентов разных курсов. В процессе совместной работы у членов проектной группы формируются навыки совместной поисковой деятельности, вырабатывается ответственность за себя и других членов временного исследовательского коллектива, выявляются и раскрываются творческие способности личности».

Одна из участниц проектной группы отметила: «Я лучше стала понимать, как сложно побудить человека к научной деятельности, убедить его в том, что он может ею заниматься, если попробует решить проблему, о которой спорят ученые. Нет такого вопроса, по которому было бы единое мнение всех исследователей. Надо сначала попытаться найти причины разногласий. Это будет первый шаг в науку» (студентка 2-го курса). Респонденты отметили, что проектная деятельность в целом повышает интерес к учебе, они стали лучше понимать ценность теоретических знаний, приобретаемых на лекциях, семинарах, искать возможности их применения на практике.

Заключение

Анализ целей использования проектного обучения при организации профессиональной подготовки будущих специалистов, проблем, возникающих при его внедрении в разных вузах, показал следующее. Во-первых, инновационная технология обучения стала использоваться в работе со студентами разных направлений подготовки. Во-вторых, при ее применении многие вузы сталкиваются с определенными трудностями, вызванными, в первую очередь, проблемами взаимодействия с работодателями, готовыми привлекать студентов, преподавателей для разработки конкретных проектов совершенствования деятельности организаций, повышения их конкурентоспособности. В-третьих, в одних вузах уже создана локальная нормативно-правовая база, определяющая порядок, условия внедрения проектного обучения в образовательные программы, а в других пока проводят эксперименты по использованию этой методики формирования и развития у будущих специалистов компетенций, востребованных на рынке труда.

Опыт показывает, что эффективность проектного обучения напрямую зависит от умелой организации сотрудничества работодателей, преподавателей вузов, студентов в решении задачи ускорения темпов внедрения разных

новаций на предприятиях крупного, среднего, малого бизнеса, в учреждениях здравоохранения, образования, культуры, органах федеральной, региональной и муниципальной власти.

Список литературы

- Безносюк 2018 — *Безносюк Е. В.* Профессиональная подготовка будущих социальных педагогов в контексте компетентностного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. С. 20–23.
- Бережнова, Краевский 2007 — *Бережнова Е. В., Краевский В. В.* Исследования в области образования: проблемы управления качеством : монография. М. : Институт управления образованием РАО, 2007. 150 с.
- Боронина, Сенук 2015 — *Боронина Л. Н., Сенук З. В.* Основы управления проектами : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. 112 с.
- В КГУ объявлены победители 2021 — В КГУ объявлены победители студенческой проектной школы «Делаем будущее вместе» [Электронный ресурс] // Курганский государственный университет. 01.04.2021. URL: <http://kgsu.ru/post/13859> (дата обращения: 10.11.2021).
- ГОСТ Р ИСО 21500-2014 — ГОСТ Р ИСО 21500-2014. Руководство по проектному менеджменту : национальный стандарт Российской Федерации : утвержден и введен в действие приказом № 1873-ст Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 ноября 2014 г. М. : Стандартиформ, 2015. 50 с.
- Дьюи 1924 — *Дьюи Дж.* Школа и общество : руководство для преподавателей / пер. с англ. А. Лучинского. 2-е изд. М. : Госиздат, 1924. 164 с.
- Дьяченко 2019 — *Дьяченко Н. В.* Лекция сегодня: традиция или инновация [Электронный ресурс] // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2019. № V2. С. 16–22. URL: <http://e-koncept.ru/2019/196012.htm> (дата обращения: 15.10.2021).
- Капранова 2014 — *Капранова В. А.* Технология проектного обучения в вузе: от теории к практике // Образование в современном мире: роль вузов в социально-экономическом развитии региона : сб. науч. тр. Междунар. науч.-метод. конф., 18 марта 2014, Самара / отв. ред. Т. И. Руднева. Самара : Самарский гос. ун-т, 2014. С. 320–321.
- Килпатрик 1925 — *Килпатрик У. Х.* Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе / пер. с 7-го англ. изд. Е. Н. Янжул ; с предисл. Н. В. Чехова. Ленинград : Брокгауз-Ефрон, 1925. 43 с.
- Меренков 2021 — *Меренков А. В.* Изменения в ориентациях выпускников вузов на трудоустройство в условиях пандемии // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9 (89). С. 25–29. DOI: 10.24158/spp.2021.9.2.
- Меренков, Шаврин 2015 — *Меренков А. В., Шаврин В. С.* Какой специалист востребован на рынке труда: мнение работодателей и студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1 (95). С. 94–104.
- Обучение молодежи 2020 — Обучение молодежи проектной деятельности как фактор профессионального развития / Е. В. Лунева, Н. Д. Бобкова, О. Н. Брызгалова и др. // Alma Mater (Вестник Высшей школы). 2020. № 4. С. 80–83. DOI: 10.20339/AM.04-20.080.
- Пантелеева 2020 — *Пантелеева Н. Г.* Профессиональная подготовка студентов в высшей школе на основе компетентностного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-4. С. 324–328.
- Приказ УрФУ 2019 — Приказ № 482/03 от 24.05.2019 «О введении в действие временного положения «О проектном обучении» [Электронный ресурс]. Екатеринбург : ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 2019. 45 с. URL: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/students/shgup/

- bachelor/project_learning/Prikaz_po_osnovnoi_deyatelnosti_No_0482_03_ot_24.05.2019__O_vvedenii_v_deistvie_vremennogo_polozhenija_O_proektnom__1708030_v2_.pdf (дата обращения: 12.10.2021).
- Симоненко, Пастернак, Лернер 1996 — *Симоненко В. Д., Пастернак М. П., Лернер П. С.* Творческие проекты учащихся 5–9 классов общеобразовательных школ : книга для учителя / под ред. В. Д. Симоненко. Брянск : Науч.-метод. центр «Технология», 1996. 238 с.
- Судакова 2016 — *Судакова В. К.* Семинар как форма и метод обучения и воспитания учащихся на уроках истории и обществознания // *Обучение и воспитание: методики и практика.* 2016. № 30-2. С. 54–60.
- Тетюкова, Белых 2019 — *Тетюкова Е. П., Белых Т. А.* Проектное обучение — инновационный подход к организации учебного процесса в высших учебных заведениях РФ // *Физика. Технологии. Инновации : сборник материалов VI Междунар. молодежной научной конференции, посвященной 70-летию основания Физико-технологического института УрФУ, 20–24 мая 2019, Екатеринбург / под ред. В. Ю. Иванова, Д. Р. Байтимилова.* Екатеринбург : УрФУ, 2019. С. 349–358.
- ФЗ «Об образовании в РФ» 2012 — Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.10.2021).
- Челнокова, Казначеева, Калинин 2019 — *Челнокова Е. А., Казначеева С. Н., Калинин К. В.* Проектное обучение как эффективный метод приобретения опыта деятельности студентами // *Проблемы современного педагогического образования.* 2019. № 63-1. С. 373–375.
- Энциклопедия профессионального образования 1999 — *Энциклопедия профессионального образования : в 3 т. Т. 2 / под ред. С. Я. Батышева.* М. : Рос. акад. образования : Проф. образование, 1999. 440 с.

References

- Batyshev, S. Ya. (ed.) (1999), *Entsiklopediya professional'nogo obrazovaniya, v 3 tomakh. Tom 2* [Encyclopedia of Vocational Education, in 3 vols, Vol. 2], Russian Academy of Education, Moscow, 440 p. (in Russian).
- Berezhnova, E. V. and Kraevskii, V. V. (2007), *Issledovaniya v oblasti obrazovaniya: problemy upravleniya kachestvom* [Research in the field of education: problems of quality management], Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, 150 p. (in Russian).
- Beznosyuk, E. V. (2018), “Professional training of future social pedagogues in the context of a competence approach”, *Problems of modern pedagogical education*, no. 58-1, pp. 20–23 (in Russian).
- Boronina, L. N. and Senuk, Z. V. (2015), *Osnovy upravleniya proektami, uchebnoe posobie* [Fundamentals of Project Management, Tutorial], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, 112 p. (in Russian).
- Chelnokova, E. A., Kaznacheeva, S. N. and Kalinkina, K. V. (2019), “Project training as an effective method of purchasing the experience of activity by students”, *Problems of modern pedagogical education*, no. 63-1, pp. 373–375 (in Russian).
- Dewey, J. (1924), *The School and Society*, translated by Luchinskii, A., 2nd ed., Gosizdat, Moscow, 164 p. (in Russian).
- D'yachenko, N. V. (2019), “Lecture Today: Tradition or Innovation”, *Koncept, the periodical scientific and methodological electronic journal*, no. V2, pp. 16–22, available at: <http://e-koncept.ru/2019/196012.htm> (accessed 15 October 2021) (in Russian).
- Federal'nyi zakon «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» ot 29.12.2012 № 273-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated December 29, 2012

- No. 273-FZ (last edition)] (2012), Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 17 October 2021) (in Russian).
- GOST R ISO 21500-2014. *Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii «Rukovodstvo po proektnomu menedzhmentu», utverzhden i vveden v deistvie prikazom № 1873-st Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 26 noyabrya 2014* [GOST R ISO 21500-2014. National standard of the Russian Federation “Guidelines for project management”, approved and put into effect by order No. 1873-st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 26, 2014] (2015), Standartinform, Moscow, 50 p. (in Russian).
- Kapranova, V. A. (2014), “Technology of project-based education at the university: from theory to practice”, in Rudneva, T. I. (ed.), *Obrazovanie v sovremennom mire: rol' vuzov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regiona, sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 18 marta 2014, Samara* [Education in the modern world: the role of universities in the socio-economic development of the region, Collection of scientific papers of the International Conference, Samara, Russia, March 18, 2014], Samara State University, Samara, pp. 320–321 (in Russian).
- Kilpatrick, W. H. (1925), *The project method*, translated by Yanzhul, E. N., Brokgauz-Efron, Leningrad, 43 p. (in Russian).
- Luneva, E. V., Bobkova, N. D., Bryzgalova, O. N. and Khripunova, O. G. (2020), “Training of youth in project activity as factor of professional development”, *Alma Mater. Vestnik Vysshey Shkoly*, no. 4, pp. 80–83 (in Russian). DOI: 10.20339/AM.04-20.080.
- Merenkov, A. V. (2021), “Alterations in the career orientations of university graduates to employment amidst the pandemic”, *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 9 (89), pp. 25–29 (in Russian). DOI: 10.24158/spp.2021.9.2.
- Merenkov, A. V. and Shavrin, V. S. (2015), “What specialist is in demand in the labor market: opinion of employers and students”, *Journal University Management: Practice and Analysis*, no. 1 (95), pp. 94–104 (in Russian).
- Panteleeva, N. G. (2020), “Professional training of students in higher school on the basis of competence approach”, *Problems of modern pedagogical education*, no. 67-4, pp. 324–328 (in Russian).
- Prikaz № 482/03 ot 24.05.2019 «O vvedenii v deistvie Vremennogo polozheniya «O proektnom obuchenii»* [Order No. 482/03 dated May 24, 2019 “On the Enactment of the Temporary Regulations “On Project-Based Learning”] (2019), the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, 45 p., available at: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/students/shgup/bachelor/project_learning/Prikaz_po_osnovnoi_deyatelnosti_No_0482_03_ot_24.05.2019_O_vvedenii_v_deistvie_vremennogo_polozheniya_O_proektnom_1708030_v2.pdf (accessed 12 October 2021) (in Russian).
- Simonenko, V. D., Pasternak, M. P. and Lerner, P. S. (1996), *Tvorcheskie proekty uchashchikhsya 5–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh shkol, kniga dlya uchitelya* [Creative projects of students of grades 5-9 of secondary schools, A book for a teacher], Tekhnologiya, Bryansk, 238 p. (in Russian).
- Sudakova, V. K. (2016), “Seminar as a form and method of teaching and educating students in history and social studies lessons”, *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika*, no. 30-2, pp. 54–60 (in Russian).
- Tetyukova, E. P. and Belykh, T. A. (2019), “Project-based learning is an innovative approach to the organization of the educational process in higher educational institutions of the Russian Federation”, in Ivanov, V. Yu. and Baitimirov, D. R. (eds), *Fizika. Tekhnologii. Innovatsii, sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu osnovaniya Fiziko-tekhnologicheskogo instituta UrFU, 20–24 maya 2019, Yekaterinburg* [Physics. Technology. Innovations, Collection of materials of the VI International Youth Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the founding of the Physico-Technological Institute of UrFU, Yekaterinburg, May 20–24, 2019], Ural Federal University, Yekaterinburg, pp. 349–358 (in Russian).

“The winners of the student project school ‘Making the Future Together’ were announced at KSU” (2021), *Kurgan State University*, 01 April, available at: <http://kgsu.ru/post/13859> (accessed 10 November 2021) (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 16.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 24.12.2021

Информация об авторе

Брызгалова Ольга Николаевна
ассистент кафедры
Курганский государственный университет
640000, Россия, Курган,
ул. Советская, 63, корп.1
E-mail: olya_bryzgalova@list.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-7247-4668

Information about author

Bryzgalova, Olga Nikolaevna
Assistant of the Department
Kurgan State University
63/1 Sovetskaya St., Kurgan, 640000 Russia
E-mail: olya_bryzgalova@list.ru
Author's ORCID: 0000-0001-7247-4668

Научное издание

KOINON

2021. Т. 2. № 4

Редакторы	<i>С. В. Фельдман</i> <i>А. В. Соловьева</i>
Редактор перевода	<i>Н. Н. Шабалова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 25.03.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,39. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 87.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>